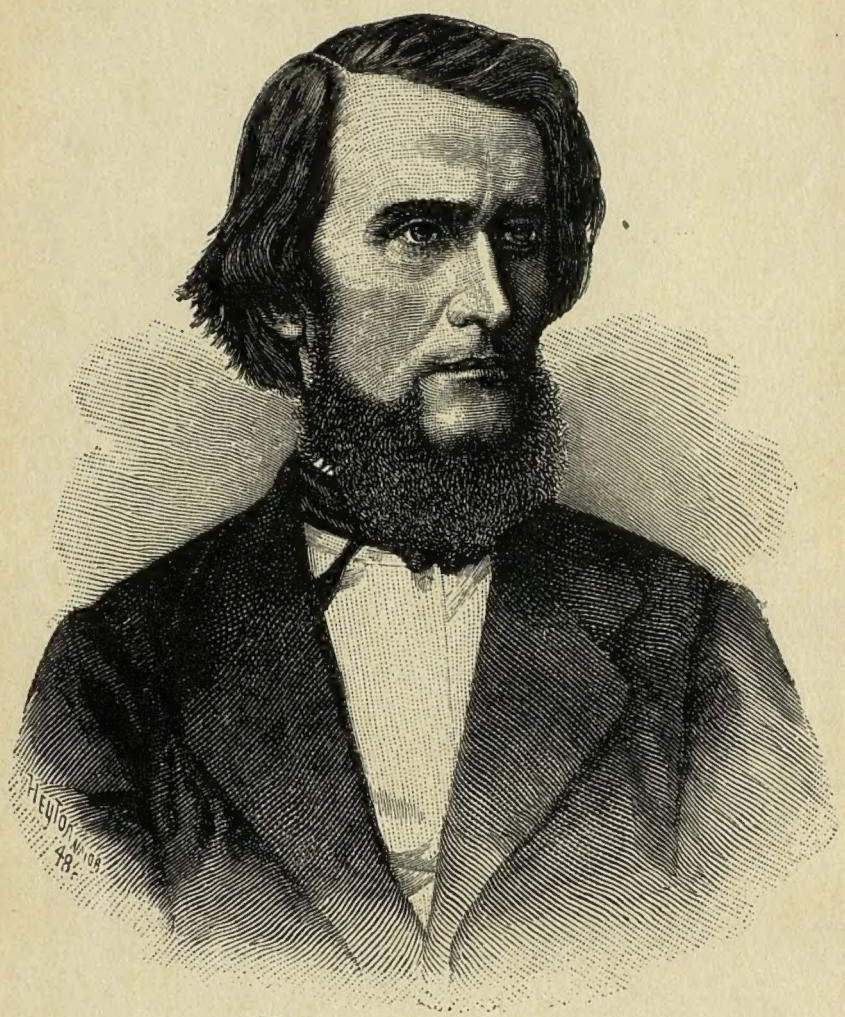
У55
181

АГОГИЧЕСКАЯ
ИБЛИОТЕКА
УЧИТЕЛЯ

М. А. Данилов

ДИДАКТИКА К. Д. УШИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
1948



К. Ушинский

И55 181

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ

М. А. ДАНИЛОВ

ДИДАКТИКА К. Д. УШИНСКОГО

Под редакцией
действ. члена АПН РСФСР
Е. Н. МЕДЫНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР
Москва 1948 Ленинград

5

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
962717

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение. Значение изучения дидактики К. Д. Ушинского и задачи исследования 3

Глава первая

Краткий обзор исследований дидактического наследства К. Д. Ушинского.

Дореволюционный период (1870—1917). 6
Советский период (1917 — 1947) 17

Глава вторая

Ушинский о роли школы в просвещении народа 35

Глава третья

Теоретические основы дидактики в трудах Ушинского

Обучение должно быть построено на научных основаниях . 47
Философские основы дидактики по Ушинскому 50
Цели воспитания и их значение для дидактики 59
Педагогические выводы из физиологии человека и их значение для дидактики 61
Психологические основы дидактики 64
Значение дидактики как органической части педагогики . . 69
Содержание и порядок изложения дидактики по Ушинскому . 71

Глава четвертая

Процесс обучения и его сущность.
Общее понятие об обучении 79
Факторы побуждения школьников к учению. 84
Чувственное восприятие предметов, изучаемых школьниками . 86
Понимание изучаемых предметов и явлений 92
О роли самостоятельности и подражания в обучении школьников 95
Заучивание и развитие памяти учащихся в обучении 98
Привычки и навыки в обучении 100

Глава пятая

Дидактические положения и правила по Ушинскому . .
Основание систематизации положений и правил 103
Главнейшие дидактичсские положения и правила 104
Своеобразные черты дидактики первоначального обучения . 138

Глава шестая

Значение дидактики Ушинского для школьного обучения и ее общая характеристика . . . . . .
Оценка практического значения дидактики Ушинского в работах педагогов дореволюционной России 144
Дидактические идеи Ушинского в опыте советских учителей 147
Оценка дидактики Ушинского и задачи дальнейшей исследовательской работы над нею 153
Указатель литературы 163

„Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни, и к ней-то я должен направлять все свои способности".

(Из дневника К. Д. Ушинского, 1849 г.).

Введение

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИДАКТИКИ К. Д. УШИНСКОГО

Дидактическое наследство великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского представляет большой интерес для педагогической науки. В трудах Ушинского заложено богатейшее идейно-педагогическое содержание, которое неизменно привлекало к ним внимание педагогов. Труды Ушинского имеют большое значение и для решения актуальных практических задач советской школы.

Действительно, стоит только указать главнейшие вопросы, над которыми работает сейчас советская школа, чтобы убедиться в этом. Улучшение качества обучения и преодоление формализма в знаниях учащихся, воспитание самостоятельности учащихся в процессе обучения и развитие их познавательных сил — наблюдательности, воображения, памяти, мышления, речи, идейно-воспитательное влияние обучения и повышение педагогической эффективности применяемых в школе методов и приемов обучения — таковы те вопросы, которые стоят в центре внимания советских педагогов. В свете этих актуальных для нашей школы задач вполне закономерен интерес к дидактическому наследству Ушинского.

К сожалению, Ушинскому не удалось самому закончить разработку дидактики и изложить ее в систематическом виде. Третий том «Педагогической антропологии» остался ненаписанным и дошел до нас только в виде подготовительных материалов, далеко неполно собранных. Понятно, что разработка дидактики Ушинского имеет большое практическое значение. Богатей-

шее его наследие, при критическом анализе может быть с пользой для дела воспринято советскими учителями.

Изучение дидактики Ушинского имеет и огромное теоретическое значение в связи с задачей дальнейшей разработки и обоснования системы советской дидактики. Наша школа под руководством партии и правительства добилась серьезных успехов в улучшении качества учебно-воспитательной работы. Однако в свете все возрастающих требований к школе в условиях развития социалистического общества эти достижения не являются достаточными.

Перед советской дидактикой со всей необходимостью выдвигается задача научной обработки и обобщения всего того огромного материала, который накоплен в опыте передовых учителей и в работах дидактов и специалистов методик преподавания различных учебных предметов в начальной и средней школе. Эта задача теснейшим образом связана с дальнейшей разработкой дидактических проблем на основе марксистско-ленинской теории познания. Ниже будет показано, что в трудах нашего великого соотечественника, предпринявшего замечательную по своему замыслу работу создания и обоснования дидактики, способной обеспечить успешную и разумную постановку обучения в школах, и проявившего в этой работе большую самостоятельность и глубоко критическое отношение к тому, что было сделано раньше, — содержится очень много ценного для разрешения коренных вопросов дидактики.

Необходимость разработки дидактического наследства Ушинского определяется также тем, что до сих пор в историко-педагогических исследованиях мало сделано для систематизации дидактических трудов Ушинского, а в имеющихся работах много недоговоренности и противоречий.

Задачи данной работы состоят в том, чтобы:

а) изучить дидактическое наследство Ушинского, его методологические и психологические основания и привести в систему, соответствующую природе материала и замыслам самого создателя системы;

б) дать критический анализ главнейших дидактических идей;

и в) раскрыть значение дидактики Ушинского для последующего развития теории и практики обучения.

Методы исследовательской работы по теме, как известно, определяются задачей исследования и характером подлежащего изучению материала. В данной работе будут применены:

а) метод теоретического анализа, заключающийся в тщательном изучении опубликованных работ и материалов Ушинского, а также литературы о нем, под углом зрения поставленной задачи — определения принципов, содержания и логики изложения дидактики Ушинского. В связи с этим необходимо изучить все существенные прямые и косвенные указания автора о содержании подготовленного им III тома «Педагогической антропологии», рассмотреть материалы, относящиеся к нему, а также другие педагогические труды;

б) метод историко-педагогического исследования, суть которого заключается в раскрытии явления в его исторически-конкретной форме и обусловленности потребностями общественной жизни. При этом нужно определить то новое, прогрессивное, что вносится дидактикой Ушинского в теорию и практику обучения, а также то, что является старым, неверным, отжившим, что должно быть отброшено.

Руководящее значение для осуществления этой работы имеют высказывания товарища Сталина о роли прогрессивных идей в развитии общества: «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи. Но после того как они возникли, они становятся серьезнейшей силой, облегчающей разрешение новых задач, поставленных развитием материальной жизни общества, облегчающей продвижение общества вперед. Здесь именно и сказывается величайшее организующее, мобилизующее и преобразующее значение новых идей, новых теорий, новых политических взглядов, новых политических учреждений» [1].

---

[1] И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1939, стр. 546—547.

Глава первая

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ДИДАКТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА К. Д. УШИНСКОГО

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1870—1917)

Общая высокая оценка педагогических трудов и деятельности Ушинского дана в ясных и выразительных словах учителем Одесского народного училища Росиковым в его прощальной речи, произнесенной на станции железной дороги «Куликово поле» (бл. Одессы) у гроба великого педагога: «Твоими трудами начала созидаться на Руси разумная школа; ты первый осушил детские слезы, ручьями лившиеся в прежних рутинных школах; ты заставил детей полюбить и школу и грамоту. Сотни тысяч учащихся знают твое имя; сотни тысяч читают и любят твои книги, составленные с глубоким знанием детской природы»[1]. Эти простые слова выражали общее чувство, какое испытывали народные учителя и прогрессивные деятели просвещения, глубоко взволнованные тяжелой утратой.

Начало анализа трудов Ушинского принадлежит его друзьям, товарищам по работе и ученикам. «Если Н. И. Пирогову принадлежит почин в деле нашего семейного и общественного воспитания, то К. Д. Ушинский, которому до сих пор еще не явилось у нас ни одного достойного преемника, по всей справедливости, — пока единственный русский философ-педагог, теоретик, внесший своими многочисленными сочинениями яркий свет в наши темные воспитательные деб-

[1] Речь приведена в кн. Фролкова «К. Д. Ушинский. Биография», СПб., 1911.

ри»[1], — говорит Д. Д. Семенов. Он приводит главнейшие дидактические высказывания Ушинского, уделяя особенное внимание вопросу о воспитании у учащихся жажды к труду.

Об огромном впечатлении, произведенном трудами Ушинского на семью, школу и общество, говорит А. Старчевский. «Труды Ушинского произвели сильный переворот в русской педагогике: в системе русского воспитания, в русском семейном быту, в отношениях между родителями и детьми. Но переворот этот был до того мирный, спокойный и обязательно благодетельный и благотворный, что всякий, даже мало образованный человек — мать, отец, брат, сестра — безусловно, беспрекословно усвоят его себе, чутко сознавая его благотворность и доступность, по ясному и толковому изложению всего того, с чем автор хотел познакомить родителей, воспитателей и воспитываемых. Высокая чистота учения, общедоступность и убедительность педагогических трудов Ушинского имели у нас громадный, неслыханный, немыслимый до того времени успех, какого не увидят уже будущие поколения. Немало также содействовали этому успеху и та спячка, в которой находилась наша педагогика до Ушинского, и совсем не ожиданная и яркая новизна его учения» [2].

Еще более высокая оценка трудов и деятельности К. Д. Ушинского высказана известным педагогом П. Ф. Каптеревым. «В истории новой русской педагогики К. Д. Ушинскому, несомненно, принадлежит одно из самых видных мест; его имя записано светлыми буквами на страницах, в которых повествуется о развитии русского просвещения во второй половине XIX в. Он овладел всеми данными, чтобы сделаться одним из первостепенных новых русских педагогов; его философско-психологическая и педагогическая начитанность была весьма значительна; он практически знал учебно-воспитательное дело, руководя в учебном отношении двумя большими заведениями: Гатчинским сиротским институтом и Воспитательным обществом благородных девиц.

---

[1] Д. Семенов, Русские педагогические деятели, ст. II, Константин Дмитриевич Ушинский. «Воспитание и обучение», педагог. сб., год девятый. СПб. книжка вторая.

[2] А. Старчевский, ст. Мои воспоминания о Константине Дмитриевиче Ушинском, журн. «Народная школа», № 1, 1885.

Он имел возможность изучить постановку учебно-воспитательного дела за границей...; наконец, он владел живою одушевленною любовью к педагогическому делу, увлекался им, желая посвятить себя «исключительно педагогическим вопросам», и с любовию соединял педагогический талант, уменье говорить о различных сторонах учебно-воспитательного дела горячо, увлекательно» [1]. Однако и в этой статье автор ограничивается лишь перечислением общих черт педагогики Ушинского и краткой характеристикой его личности.

Нет надобности дальше приводить аналогичные высказывания: они не содержат анализа дидактики К. Д. Ушинского. Желая восполнить этот пробел, Д. Д. Семенов в 1895 г. писал: «Будучи близким человеком к покойному педагогу и зная самые сокровенные его мысли, я попытаюсь сделать посильную оценку сочинений и педагогических идей К. Д. Ушинского, тем более, что общего критического свода о трудах и педагогических взглядах Ушинского в нашей педагогической литературе еще до сих пор сделано не было».

В этой статье содержится уже серьезная попытка приведения в систему дидактических положений Ушинского. Так, анализируя книгу «Детский мир», Семенов раскрывает ее дидактическую основу: «эта книга носит энциклопедический характер, вытекающий из принципа единства формального и реального образования, который и лег в основу книги, причем обучение отечественному языку составляет главную задачу книги для чтения, а реальное содержание служит лишь средством для достижения главной цели». Излагая дидактические высказывания Ушинского и комментируя их, Семенов пишет: «Ушинский приходит к заключению, что самой основной задачей воспитания должно считаться приготовление юношей к разумному, удовлетворяющему душу труду» [1].

Рассмотрение статей, написанных друзьями и близкими единомышленниками великого педагога, приводит нас к выводу, что в них не содержится научной разработки трудов Ушинского. Свою главную задачу друзья

---

[1] П. Ф. Каптерев, Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского, журн. «Образование», т. I, 1895.

[2] Д. Д. Семенов, Сочинения и педагогические идеи К. Д. Ушинского, ст. в журн. «Русская школа», № 7 и 8, 1895.

и ученики Ушинского видели в популяризации трудов своего учителя, и в этом отношении они, несомненно, много сделали. Ни один из учеников не взял на себя задачу доведения до конца издания его сочинений по дидактике.

Попытка более глубокого изучения трудов Ушинского предпринята была в 1896 г. Н. Бунаковым. Для тех времен преклонения перед иностранной педагогикой, характерного для правящих классов, прозвучала новым словом статья этого известного русского методиста, впервые подчеркнувшего значение Ушинского в мировой педагогике. Статью свою он озаглавил так: «Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский». Содержание статьи во многом оправдывает ее заглавие.

Бунаков отмечает сильное противодействие со стороны реакционных сил общества распространению идей Ушинского и выражает уверенность в том, что наступит еще время расцвета его идей. «Хотя в последнее десятилетие у нас нередко появлялось какое-то озлобление против Ушинского и предположение изъять из учебной практики его учебные книги, в которых усматривали недостаток религиозно-нравственного начала и отсутствие народности или преувеличенный реализм, думается, что все эти недоразумения исчезнут, «яко исчезает дым», что время Ушинского с его идеями и книгами у нас еще впереди».

Утверждая, что по «Родному слову» Ушинского училась, по крайней мере, половина не только действующей интеллигентной, но даже просто грамотной России, сохранившей самое светлое воспоминание об этой книжке, как о любимом и дорогом друге, Бунаков считает, что книга Ушинского «Детский мир» даже и ныне при обилии однородных изданий, по оригинальности плана, по выбору материала и его обработке, по богатству содержания не потеряла своей ценности, и для многих из новейших однородных книг она служила не только образцом, но и кладезем, из которого их составители довольно бесцеремонно черпали материал.

Бунаков высоко оценивает труд Ушинского «Человек как предмет воспитания». Этот труд, несмотря на устарелость некоторых отделов книги в научном отношении, до сих пор единственное у нас полное, ориги-

циальное и самостоятельно отработанное ученое педагогическое сочинение. Надо согласиться, — продолжает Бунаков, — что «Руководство к «Родному слову» и теперь у нас—лучшая книга по методике первоначального обучения, необходимая для каждого начального учителя, и что практика обучения у нас до сих пор стоит ниже этого превосходного руководства» [1].

Не трудно видеть, что и в этой статье дана только общая характеристика трудов Ушинского, но не содержится научного анализа его педагогической системы.

Обратимся теперь к курсам и монографиям по истории педагогики. Отрадно отметить, что деятельность Ушинского освещена в историко-педагогических трудах, изданных в России в конце XIX—начале XX в.

Так, в объемистой книге П. Ф. Каптерева [2] глава XXI целиком посвящена К. Д. Ушинскому, который рассматривается как выразитель русских национальных идеалов воспитания. Каптерев довольно обстоятельно, хотя и не совсем точно, излагает положения Ушинского о самостоятельном пути развития русской школы и русской педагогики. Каптерев приводит тезис Ушинского: «Основания воспитания и цель его, а, следовательно, и главное направление различны у каждого народа и определяются народным характером, тогда как педагогические частности могут свободно переходить от одного народа к другому» (из ст. Ушинского «О народности в общественном воспитании»).

Присоединяясь к мысли Ушинского о том, что пользование иностранным педагогическим опытом допустимо только тогда, когда основания общественного воспитания твердо положены самим народом, Каптерев признает, что выяснение Ушинским громадного значения народности в историческом развитии человечества может принести пользу для культуры вообще и в частности для воспитания. Каптерев считает, что Ушинский был «...несомненно, самостоятельным русским педагогом.., он критически относился и к сочинениям представителей западной науки, что ясно видно из каждой почти страницы его педагогической антропологии,

---

[1] Н. Ф. Бунаков, ст. в журн. «Русский начальный учитель», № 4, 1895.

[2] П. Ф. Каптерев, История русской педагогики, изд. 2-е, доп., Петроград, 1915.

и к заграничным школам, в чем можно убедиться, просмотрев его «Письма из Швейцарии» (стр. 575).

Высоко оценивая учебники Ушинского «Родное слово», «Детский мир», а также «Руководство к преподаванию по «Родному слову» и утверждая, что эти книги исключительно широко распространились по школам всевозможных ведомств, Каптерев в то же время признает огромное значение общепедагогических статей Ушинского. Эти статьи «...содействовали просветлению народных учителей в их практической деятельности, указывали им национальные, научные и общественные основы ее, давали возможность составить себе более или менее стройное педагогическое мировоззрение» [1].

По всем этим сторонам, — заключает Каптерев, — Ушинский должен быть признан столпом не только новой русской педагогики вообще, но и новой народной школы в частности. Однако во всей главе, посвященной Ушинскому, равно как и в заключительной главе книги, совершенно не уделено внимания анализу дидактики. Это можно объяснить тем, что Каптерев ограничил свою задачу рассмотрением общих вопросов «развития русского педагогического самосознания» и стремился найти принципиальные основы периодизации истории русской педагогики. Анализ дидактических высказываний Ушинского не привлек к себе внимания автора.

Было бы, однако, неправильно утверждать, что в этот период упал интерес к трудам и идеям Ушинского. Его книги, несмотря на явное противодействие со стороны министерства народного просвещения царской России и реакционных сил общества, все вновь и вновь переиздавались. Появились и серьезные монографии об Ушинском. Началась кропотливая работа по собиранию и опубликованию неизданных трудов Ушинского по его рукописям.

Крупнейшим событием в этом ряду является опубликование неизданных сочинений К. Д. Ушинского в книге под названием: «Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, и материалы для биографии» [2]. Эта работа произведена семьей покойного Ушинского с участием известного педагога конца XIX и начала

---

[1] П. Ф. Каптерев, цитир. труд, стр. 577.

[2] Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского. Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, СПб., 1908.

XX в. А. Н. Острогорского. В книге собраны выписки и заметки, которые делал Ушинский, готовясь писать «Педагогическую антропологию». Из предисловия А. Н. Острогорского явствует, что задача отбора и систематизации заметок в том плане, в котором предполагал сам автор написать третий том своего труда, оказалась слишком сложной. Правда, выписки и заметки были сделаны с замечательной четкостью. К каждой выписке из того или иного произведения, прочитанного Ушинским, были прибавлены его собственные мысли и замечания, и, что особенно важно, в заголовке указывалось, в какой главе «Антропологии» предполагалось использовать эту выписку. Но этим еще не решался вопрос о порядке расположения материала.

А. Н. Острогорский прежде всего выделил выписки и заметки, которые относились к III тому. Это сделать было нелегко. В ряде случаев заметки имели несколько заголовков (например, «Воля», «Внимание» и др.). «Сличение этих пометок в рукописи, относившихся к I и II тому «Антропологии», с печатным текстом обнаруживает, что иногда, очевидно, уже во время самой работы, он (Ушинский. — *М. Д.*) пользовался выпиской совсем не там, где предполагал, когда делал выписку». Этот факт, естественно, заставлял очень вдумчиво относиться к заголовкам.

Сложность проделанной А. Н. Острогорским работы охарактеризована им следующими словами: «При разборе заметок К. Д. Ушинского надо было отобрать те из них, которые можно было считать относящимися к материалам для неизданного III тома «Антропологии». При этом часть их отпадала по следующим соображениям: 1) часть выписок, притом значительная, была использована К. Д. (Ушинским. — *М. Д.*) при составлении двух первых томов, где они были приведены с указанием сочинения, из которого взяты; 2) другая часть выписок, также, судя по содержанию их, относящихся к I и II томам, не вошла, однако, в печатный текст этих книг; весьма возможно, что Ушинский воспользовался бы ими так или иначе для III тома, а это обязывало решать с некоторой осторожностью вопрос, что из этих заметок вносить в число материалов для III тома. Из этих выписок некоторые представляют переводы отрывков из таких сочинений, которые уже после

смерти К. Д. целиком переведены на русский язык».

А. Н. Острогорский не считал нужным перепечатывать их в своем издании, так как цель последнего—ввести читателя в круг идей Ушинского, а не тех мыслителей, которых он читал, как бы почтенны они ни были. Но если тексты из этих писателей сопровождались заметкою Ушинского, то она включалась в издание. Среди этой же категории выписок (т. е. таких, относительно которых трудно было сказать, что они относятся к III тому. — *М. Д.*) встречались отрывки из сочинений, не переведенных на русский язык, причем эти отрывки были без всяких заметок Ушинского. «В некоторых из них мысль автора выражена так ясно и определенно, — указывает А. Н. Острогорский, — что невольно являлось желание популяризировать ее среди читателей-педагогов; оно сдерживалось сомнением: уместно ли такое популяризирование в настоящем издании, и в тех случаях, когда нам казалось, что данная мысль или ее выражение нравились Ушинскому, или она могла пригодиться ему для III тома, сохранили ее для печати»[1].

Еще большие трудности возникли при систематизации отобранных материалов.

А. Н. Острогорский говорит: «К. Д. не было нужды располагать листки со своими заметками в порядке, который указывал бы последовательность чтения их. Для розыска нужных ему для работы листков служили заголовки вверху страницы. Необходимость расположить их в порядке явилась только тогда, когда пришлось подготовлять их для посмертного издания в качестве материалов, подготовлявшихся К. Д. для III тома его «Педагогической антропологии».

А. Н. Острогорскому трудно было определить, в каком порядке следует дать эти выписки в печати. Стремясь в целях научной объективности совершенно точно охарактеризовть результат своей работы, А. Н. Острогорский заключает: «Читающий предлагаемую книгу должен постоянно помнить, что имеет перед собою материалы, только материалы. Так и мы смотрели на заметки Ушинского, подготовляя их к печати»[1]. В даль-

---

[1] Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского, Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, СПб., 1908, Предисловие.

[2] Там же.

нейшем будет показано, в какой последовательности оказались расположенными у А. Н. Острогорского подготовительные материалы к III тому «Педагогической антропологии». Здесь же нам важно лишь отметить, что проведенная А. Н. Острогорским работа не могла, конечно, привести к восстановлению содержания III тома фундаментального труда Ушинского. Более того, из объяснений о методах работы над рукописями можно сделать заключение, что в этом издании дошли до нас далеко не все те материалы, которые были собраны Ушинским даже из числа тех, которые были в руках А. Н. Острогорского.

В самом деле, можно ли было не включать в этот сборник те или иные материалы только по тому признаку, что книга, из которой были взяты эти материалы, после смерти Ушинского оказалась переведенной на русский язык? Сомнительно также, чтобы правилен был принцип отсеивания записок Ушинского, использованных в I или II томе. Разве не могли быть использованы в III томе в несколько видоизмененном плане та или иная выписка, цитата, заметка, приведенные в I или даже II томе? К сожалению, А. Н. Острогорский не изучил и характерных особенностей рассматриваемых материалов.

27 сентября 1870 г. (т. е. за три месяца до кончины) К. Д. Ушинский в письме к известному деятелю по народному образованию Н. А. Корфу, говоря о резко ухудшившемся состоянии здоровья, продолжает: «Само собою понятно, что все работы мои остановились, и если бы только мне удалось в эту зиму хоть как-нибудь продиктовать т р е т и й том моей «Антропологии», который в материалах уже г о т о в»[1] (разрядка наша — *М. Д.*).

Вопрос о судьбе этих материалов до сих пор не может считаться окончательно решенным. Песковский утверждает, что рукописи Ушинского были сожжены в первый же период после его смерти одним из недобросовестных и завистливых родственников. Правда, это утверждение не вполне им проверено[2]. Проф. В. Я. Струминский в работе, посвященной изучению архива

---

[1] М. Л. П е с к о в с к и й, Барон Корф в письмах к нему разных лиц, СПб, 1895, стр. 84.

[2] Т а ж е книга, стр. 85—86.

К. Д. Ушинского, склонен считать это неправдоподобным. Анализируя письма жены К. Д. Ушинского — Н. С. Ушинской к ближайшему другу и советнику ее мужа — Я. П. Пугачевскому, В. Я. Струминский приводит к обоснованному выводу о том, что все рукописное наследство Ушинского она берегла и сохраняла тщательно и утери материалов в первое время после смерти Ушинского не могло произойти [1]. «Все написанное покойничком, — писала Н. С. Ушинская Пугачевскому, — т. е. под его диктовку, каждая строчка сбережена и находится под замком... Верьте, что никто лучше меня не мог сберечь все, что было» [2]. Но точно судьба этих материалов все же не может считаться установленной. Письма Ушинской относятся к 1871 г., а материалы были изданы в 1908 г.

Задача о разыскании основного варианта рукописи III тома отнюдь не входит в содержание нашего исследования. Но важно отметить, что материалы, над разработкой и опубликованием которых много потрудился Острогорский, не воспроизводят полностью содержания и логической структуры тома, в который должна была войти дидактика К. Д. Ушинского.

В предреволюционные годы разработка трудов Ушинского усиливается и идет в различных направлениях, с одной стороны, продолжается выяснение значения трудов Ушинского для русской педагогики и народной школы. Таковы работы Н. Бунакова, А. Лебедева, Н. Чехова и др. [3]. Ряд работ посвящен изучению биографии К. Д. Ушинского и исследованиям, предпринятым для историко-педагогических изысканий рукописного наследства Ушинского. К ним относятся работы — В. Волкович, В. Ермилова и, в особенности, В. Чернышева [4]. Появились работы, имеющие целью научный

---

[1] В. Я. Струминский, Архив Ушинского, «Советская педагогика», 1946, № 12.

[2] Цитируем по той же статье Струминского.

[3] Н. Ф. Бунаков, Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, СПб., 1909.

А. Лебедев, Педагог русских педагогов, журн. «Педагогический листок», 1910, кн. 8.

Н. В. Чехов, Памяти К. Д. Ушинского, Труды 2-го Всероссийского съезда имени К. Д. Ушинского, вып. 1, СПб., 1914.

[4] Проф. В. Я. Струминский вполне обоснованно утверждает, что статьи и материалы В. И. Чернышева (ныне — член-коррес-

анализ и обоснование теоретических и практических трудов К. Д. Ушинского. Среди этих работ следует указать труд П. Каптерева «Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели» (СПб., 1914 г.).

Высоко оценивая основные педагогические идеи Ушинского, показывая их связь с психологией и философией, Каптерев и в этой работе не доходит, однако, до конкретного анализа дидактики Ушинского.

Имеются основания полагать, что П. Каптерев не увидел в дидактических трудах К. Д. Ушинского ничего замечательного и оригинального и невысоко ценил их. Действительно, чем еще можно объяснить, что в большой монографии по дидактике, второе издание которой относится к 1915 г., Каптерев совершенно обходит труды Ушинского и даже не упоминает его имени [1]. В главе об историческом развитии дидактики П. Каптерев подробно останавливается на теориях обучения Коменского, Песталоцци, Гербарта, Дистервега, но Ушинскому не нашел места в этом ряду. Даже в главах, посвященных психологическому анализу обучения и методам наглядного обучения, нет намека на труды Ушинского.

Итак, в дореволюционной педагогической литературе росло признание авторитета Ушинского как классика русской педагогики, переиздавались его труды теоретического и практического характера, проходила некоторая работа по приведению в порядок рукописного наследства. В то же время шла работа по анализу и обобщению его педагогической системы.

Ушинский прочно и обоснованно вошел в историю русской педагогики. Идеи Ушинского получили свое дальнейшее развитие в трудах выдающихся русских педагогов: Бунакова, Тихомирова, Стоюнина, Вахтерова.

И все же исследование дидактического наследства Ушинского, научный анализ исходных положений, систематизация дидактических правил — не привлекли к себе должного внимания. Поэтому к моменту Великой

пондент Академии наук СССР) представляют собой опыт действительно научного собирания и изучения материалов, оставшихся после Ушинского. См. ст. «Новые материалы о К. Д. Ушинском», «Советская педагогика», 1941, № 3.

[1] П. Ф. Каптерев, Дидактические очерки, Теория образования, изд. 2-е, Петроград, 1915.

Октябрьской социалистической революции дидактическое наследство учителя русских учителей осталось в том же состоянии, в каком оно находилось в момент кончины его автора.

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917—1947)

Анализ дидактики Ушинского теснейшим образом связан с изучением и оценкой всех его педагогических трудов. Известно, что общая оценка педагогического наследства Ушинского в трудах советских педагогов претерпела глубокую и серьезную эволюцию. Найти принципиально выдержанную линию и провести ее при анализе сложного и оригинального педагогического творчества Ушинского оказалось не легко.

Огромную помощь советским историкам педагогики в этом деле оказала газета «Правда», орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). В статье «Великий русский педагог и его судьи»[1] советские педагоги получили ценнейшие указания об изучении педагогического наследства Ушинского. Однако подробное рассмотрение этапов разработки педагогических трудов Ушинского в советский период не входит в задачу данной работы.

Исследования советских педагогов об Ушинском принципиально отличаются от исследований, опубликованных в дореволюционной России. Это отличие выражается как в подходе к педагогическому наследству великого педагога, так и в принципах исследования.

Исходя из указаний основоположников марксизма-ленинизма, советские ученые стремятся при исследовании педагогического наследства Ушинского (равно как и других педагогов): а) дать научный анализ педагогического наследства в целом в связи с конкретными социально-экономическими условиями, в которых зародилась и развилась педагогическая теория; б) рассматривать педагогическое учение в тесной связи с социально-философскими взглядами автора, благодаря чему решение автором педагогических вопросов вырисовывается в своем объективном значении; в) вычленить прогрессивное, ценное в трудах автора, показать положительное влияние этого прогрессивного на последующее развитие теории и практики обучения и воспитания

[1] Газета «Правда» от 10 апреля 1937 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

лодрастающего поколения; г) развить, доработать и вы
яснить значение прогрессивного для советской школы
«Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничи
ваться наследством...», — писал В. И. Ленин [1].

Можно считать прочно установленной общую оцен
ку значения Ушинского в развитии русской педагогики
и школы. «В истории русского просвещения Ушинскому
принадлежит почетнейшее место. Один из наиболее ода
ренных людей своего времени, основоположник науки о
воспитании, смелый преобразователь школы, он отдал
жизнь жертвенному служению делу народного образо
вания. Великий русский педагог был героем и подвиж
ником своего высокого призвания, — сказал президент
Академии педагогических наук, акад. В. П. Потемкин [2].

Место К. Д. Ушинского в истории педагогики вы
ражено Е. Н. Медынским в следующих словах: «Ушин
ский создал стройную, оригинальную педагогическую
систему, охватившую все основные проблемы педаго
гики, разработал психологические предпосылки воспи
тания. Он впервые пробудил в широких общественных
кругах интерес к педагогической литературе и дал тол
чок мощному развитию русской педагогической мыс
ли» [3].

Ушинский поднялся на вершину педагогической
науки своего времени, критически переработал все луч
шее, что было создано до него, поставил главные про
блемы теории и практики обучения и воспитания под
растающего поколения и дал серьезный материал для
научного разрешения многих из этих проблем.

Произошло это потому, что в России, в начале вто
рой половины XIX в., в связи с назревшей необходи
мостью социальных реформ, вопросы народного обра
зования приобрели, поистине, актуальнейшее значение.

Предстояло, как это прекрасно понимали передовые
деятели, колоссальную страну с многочисленным кре
стьянским населением направить по пути прогресса и
просвещения. Предстояло открыть огромное количество

---

[1] В. И. Ленин, От какого наследства мы отказываемся
Соч., изд. 2-е, т. II, стр. 332.

[2] Из речи президента Академии педагогических наук РСФСР
В. П. Потемкина, журн. «Советская педагогика», № 12, 1945.

[3] Е. Н. Медынский, действ. чл. АПН, ст. «Великий рус
ский педагог К. Д. Ушинский», журн. «Советская педагогика»
№ 12, 1945.

школ для народа и школы для учителей, нужно было разработать научные основы педагогической работы.

В России того времени все педагогические проблемы сплелись в один клубок с социальными неотложными задачами и приобрели исключительную актуальность. Выяснение теснейшей связи педагогических трудов и всей деятельности Ушинского с социально-экономическими условиями и общественной жизнью России шестидесятых годов прошлого столетия в значительной мере проведено советскими историками педагогики.

Несомненно, труднейшей задачей исследования явился вопрос о философских основах педагогики Ушинского.

Дореволюционная историко-педагогическая мысль в России не поднялась до серьезного решения этой задачи. Вопрос этот является сложным. Ушинский был религиозным человеком и считал христианскую религию важнейшей основой воспитания и источником истинной нравственности. В трудах Ушинского встречается множество прямых высказываний, отражающих его общее идеалистическое мировоззрение.

Однако в трудах Ушинского содержится не мало серьезных и глубоких философских высказываний материалистического характера. Это обстоятельство свидетельствует о крайней противоречивости философских воззрений Ушинского, а также и о том, что в его мировоззрении происходила эволюция от идеализма к материализму.

В статье, опубликованной в 1866 г., когда в России преследовались всякие симпатии к материализму (напомним, что в 1862 г. был арестован царским правительством Н. Г. Чернышевский, в 1866 г. закрыт журнал «Современник»), — Ушинский открыто высказывается в защиту материализма и резко критикует идеализм Гегеля.

Раскрыв крупнейшую «ошибку» гегелевской системы, заключающуюся в том, что «дух» порождает все существующее вокруг нас, и показав, что этот «дух», по Гегелю, похож на сказочного великана, который питает детей своими внутренностями, Ушинский пишет: «Эту ошибку, которая погубила много ученых жизней и создала много никуда негодных книг, испра-

вила современная материалистическая философия, и в этом, по нашему мнению, состоит ее величайшая заслуга науке. Она привела и продолжает приводить в настоящее время множество ясных доказательств, что все наши идеи, казавшиеся совершенно отвлеченными и прирожденными человеческому духу, выведены нами из фактов, сообщенных нам внешнею природою, составлены нами из впечатлений или образовались из привычек, условливаемых устройством телесного организма. Современный материализм в лучших своих представителях доказал вполне истину, высказанную Локком несколько преждевременно и без точных доказательств, что во всем, что мы думаем, можно открыть следы опыта, и что ничего нет в разуме, что не прошло бы прежде через чувства».

Казалось бы все ясно, налицо явно материалистический ход мысли. Но дальше Ушинский указывает: «Однако же в этих доказательствах материализм, как и всякая односторонняя система, был увлечен в крайность».

В дальнейшем ходе статьи Ушинский утверждает, что заслуга материалистической философии не только в противоречии ее идеализму. «Нет, много положительного внесла и продолжает вносить эта философия в науку и мышление; искусство же воспитания в особенности и чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий, преобладающему в последнее время. Вред приносит только шарлатанство и фразерство, вроде бюхнеровского и фоггтовского; но серьезное, искреннее стремление мысли, направлено ли оно в идеальную или материальную сторону, всегда принесет пользу» [1].

Последняя фраза не оставляет сомнения в том, что Ушинский ясно видит пустоту вульгарного материализма и приносимый им вред и отстаивает «серьезное, искреннее» служение истине. В заключительной части статьи содержится очень важное положение. Говоря о том, что «...как шеллингизм, так и фогтизм, не остались долго в... девственной, поэтической форме, — продолжает Ушинский, — и человеческая мысль восчувство-

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии. Отрывок из «Педагогической антропологии», «Отечественные записки», т. 159, 1866, стр. 90—92.

вала потребность связать эти отрывочные фразы и тирады материализма в одну материалистическую философию. Однако же, в этом случае, идеализм был счастливее материализма, который, кажется, еще ожидает своего Гегеля» (стр. 98). Мы привели эти мысли Ушинского для того, чтобы наглядно показать всю сложность вопроса о его философских воззрениях.

При всей непоследовательности утверждений, содержащихся в приведенной выше статье, все же нельзя не видеть ярко выраженной тенденции Ушинского к признанию материалистических путей развития науки. Эта тенденция становится особенно ясной при анализе психологических и педагогических трудов Ушинского. На этот путь и встали советские историки педагогики. Анализ философских основ педагогики Ушинского, содержащийся в последних работах Е. Н. Медынского и В. Я. Струминского, Н. К. Гончарова и Д. О. Лордкипанидзе подводит вплотную к правильному пониманию этого сложного вопроса. Мы приведем здесь результаты этих исследований.

Е. Н. Медынский указывает, что высказывания автора «Педагогической антропологии», отвечающие нашим требованиям к педагогической науке, объясняются материалистическими и диалектическими элементами мировоззрения Ушинского. «Он не был материалистом, нельзя его назвать и последовательным диалектиком. Однако в мировоззрении Ушинского имелось много элементов материализма, и в некоторых вопросах он становился на диалектические позиции. Мало того: мировоззрение Ушинского развивалось в направлении от идеализма к материализму» [1].

Так же, как и Е. Н. Медынский, Н. К. Гончаров [2] подходит к исследованию философских позиций Ушинского от конкретного анализа его педагогической теории, «с учетом той исторической обстановки, в которой он (Ушинский. — *М. Д.*) жил, и того состояния философии, в котором она находилась в его время». «Без философских принципиальных основ педагогика не мо-

---

[1] Е. Н. Медынский, Великий русский педагог К. Д. Ушинский, журн. «Советская педагогика», № 2, 1945.

[2] Н. К. Гончаров, Материалистические черты в педагогической системе К. Д. Ушинского, «Советская педагогика», № 12, 1945.

жеть встать на прочную научную базу — таково глубокое убеждение Ушинского». «Прогрессивность и глубокая научность педагогических работ К. Д. Ушинского могла базироваться только на передовой философской мысли». Уже в самом взгляде Ушинского на философию, которая должна быть основой научного мировоззрения, причем объектом ее должна стать жизнь и деятельность человека, — нельзя не видеть, — говорит Н. К. Гончаров, — ярко выраженную материалистическую тенденцию.

Тщательное изучение трудов Ушинского и их философского обоснования привело Н. К. Гончарова к убедительным выводам о том, что хотя Ушинский не считал себя ни материалистом, ни идеалистом и неоднократно утверждал, что материализм и идеализм являются односторонними системами, — в решении же целого ряда проблем он становился на материалистические позиции. «Ушинский хорошо понимал, что нельзя объяснить всю сложность явлений человеческой жизни физиологией, как это делали вульгарные материалисты, или развитием духа, как это делали идеалисты, и, не являясь философом, он старался найти такие методологические позиции, которые дали бы ему возможность правильно подойти к решению вопросов, связанных с воспитанием, с формированием человеческой личности. Его методические позиции были непоследовательными и часто дуалистическими».

Анализ трудов Ушинского продолжен Н. К. Гончаровым в монографии «Основы педагогики» [1].

Н. К. Гончаров устанавливает, что основной труд Ушинского «Человек как предмет воспитания, опыт педагогической антропологии» задуман и выполнен в общем с материалистических позиций. Озаглавив так свою работу, Ушинский выразил свое отношение к антропологическому принципу, хотя, в силу господствовавшего тогда полицейского режима, не мог упоминать имени Н. Г. Чернышевского — автора работы: «Антропологический принцип в философии». В работах В. И. Ленина имеется характеристика этого принципа: «И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания материализма» [2]. Нельзя не признать

[1] Н. К. Гончаров, Основы педагогики, Учпедгиз, 1947.
[2] В. И. Ленин, Философские тетради, 1934, стр. 73.

убедительности вывода Н. К. Гончарова о том, что название, данное К. Д. Ушинским его капитальному труду,... «показывает на определенное стремление автора к новому, материалистическому решению вопросов обучения». Этот вывод обосновывается Н. К. Гончаровым серьезным анализом главнейших положений основного труда К. Д. Ушинского: о роли воспитания, о факторах развития человека, о понимании «силы развития», о материалистической, в основном, трактовке познания.

В подходе Ушинского к решению психологических проблем действительно заметно влияние Н. Г. Чернышевского, который еще в 1860 г. отмечал, что нравственные науки, включая и психологию, различаются от так называемых естественных наук только тем, что начали позднее их разрабатываться «истинно научным образом» и потому разработаны не в таком совершенстве. Верно подметив ростки нового в психологии, великий русский ученый и критик указал: «Теперь, к счастью, не то: психология и нравственная философия выходят из прежней своей нищеты, у них уже большой запас богатства, и они прямо могут говорить: «мы еще не знаем этого», если действительно не знают» [1]. В этих словах дана по сути дела линия дальнейшей научной разработки психологии.

Ушинский в «Педагогической антропологии» всюду подчеркивает стремление поставить психологию на путь анализа фактов, прочно установленных. «Мы шли везде за фактами и на сколько вели нас факты: где факты переставали говорить, там мы ставили гипотезу — и останавливались, никогда не употребляя гипотезу, как признанный факт»[2]. К этому вопросу Ушинский возвращается неоднократно. «Психология так долго находилась в зависимости от философии, что нельзя ожидать, чтобы взгляд на нее как на науку, не имеющую ничего общего с философскими умозрениями, как на науку наблюдения и опыта, установился скоро, установился не только в заглавии психологических теорий, где он давно уже заявляет себя, но и на самом деле»[3].

[1] Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, Избр. философ. соч., 1938, стр. 83.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, Предисловие, стр. XXXI. Предисловие датировано 7 декабря 1867 г.

[3] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., т. II, Предисловие, стр. XII. Предисловие датировано 20 марта 1869 г.

Стремление Ушинского разработать психологию как «науку наблюдения и опыта» вполне соответствует взгляду Чернышевского на развитие этой науки. Не подлежит сомнению, что Ушинский хорошо знал работу Чернышевского «Антропологический принцип в философии», которая была опубликована в журнале «Современник» в апрельских и майских книгах за 1860 г. Ушинский серьезно занимался философией прежде чем начал работать над «Педагогической антропологией»[1].

Вот почему при анализе философских позиций Ушинского неправильно ссылаться только на идеалистическо-религиозный характер его общего мировоззрения. Необходимо, как это и сделал Н. К. Гончаров, исходить из анализа его педагогических и психологических трудов, чтобы понять методологические позиции. Тогда станет ясно, что Ушинский в научной деятельности стремился, конечно, далеко непоследовательно, к обоснованию многих научных положений на материалистических путях. «В настоящее время, — пишет Ушинский в 1869 году, — возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного миросозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой, — на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время я не понимаю»[2].

Глубокий анализ философии Ушинского содержится в исследовании Д. О. Лордкипанидзе[3], который обоснованно утверждает, что Ушинский был не только великим педагогом, но и крупным мыслителем в области философии.

Д. О. Лордкипанидзе встал на путь конкретного анализа философских воззрений Ушинского, считая недостаточной и односторонней общую оценку, как это обычно делалось до сих пор. В результате анализа Лордкипанидзе приходит к выводу о том, что Ушинского «...нельзя не считать в области на-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., т. I, стр. XXVI.

[2] К. Д. Ушинский. Человек как предмет воспитания, т. II, стр. XIII.

[3] Д. О. Лордкипанидзе, Педагогическое учение К. Д. Ушинского. Академия педагогических наук РСФСР. Изд. Института педагогических наук Грузинской ССР. Тбилисси, 1948, глава 1.

турфилософии и гносеологии в основном, в большой степени материалистом. Одновременно Ушинский оставался идеалистом в области понимания законов развития общества, придавая в конечном счете решающее значение в развитии общества законам и законодателю, совершенству разума» [1].

В целом же Д. О. Лордкипанидзе относит Ушинского к числу представителей тех направлений общественной мысли в России, у которых имеется, по выражению В. И. Ленина, «солидная материалистическая традиция».

Философские воззрения Ушинского нестройны, непоследовательны. Однако нужно уметь разглядеть те наиболее важные позиции, с которых он решал основные вопросы психологии и педагогики. Глубоко изучая новейшие открытия в области естествознания, Ушинский стремился найти в них материалистический подход к явлениям природы и духовной жизни человека. Ушинский при этом не удовлетворялся грубо механистическим, идущим от вульгарных материалистов, объяснением явлений, и там, где он не находил научных объяснений явлениям, он останавливался, а иногда прибегал к чисто религиозному объяснению этих явлений. «Но необходимо видеть основное и главное в трудах великого русского педагога. Основное и главное является оригинальным, прогрессивным, не потерявшим своего значения и для наших дней. Прогрессивное же в области воспитания и образования у Ушинского имеет материалистическую основу»[2]. Нам представляется, что в приведенных исследованиях содержится правильная, в основном, трактовка философских основ педагогики Ушинского. К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся в следующей части работы, когда речь пойдет о теории познания как основе дидактики Ушинского.

Несомненное продвижение в советской педагогической литературе получил и вопрос о дидактике Ушинского. Опубликован ряд исследований по отдельным вопросам теории обучения Ушинского. Сюда относятся

---

[1] Д. О. Лордкипанидзе, цитир. труд, стр. 58.

[2] Н. К. Гончаров, «Основы педагогики», 1947, стр. 186.

работы крупнейшего специалиста по Ушинскому В. Я. Струминского: 1) «Дидактические взгляды К. Д. Ушинского» (журн. «Начальная школа», № 3, 1937); 2) «Педагогическая система К. Д. Ушинского»[1] — и, в частности, раздел «Педагогические принципы Ушинского в их приложении к практике школьной работы», где рассматриваются вопросы: идея народной школы в системе Ушинского; воспитательная работа в школе; учебный материал начальной школы; дидактические принципы обучения; методика преподавания родного языка; 3) Книга «К. Д. Ушинский. Об учебно-воспитательной работе» (Учпедгиз, 1939, с вводной статьей В. Я. Струминского); 4) Ст. «Человек как предмет воспитания» Ушинского (журн. «Советская педагогика», № 3—4, 1942); 5) Панков Н. И. Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (ст. «Ученые записки Куйбышевского Гос. пед. ин-та и учительского института им. В. В. Куйбышева» Куйбышев, вып. 4, 1940). 6) Казанский Н. Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (журн. «В помощь учителю», Л., 1940, № 12). 7) Его же. К. Д. Ушинский о развитии самостоятельности учащихся в процессе обучения. («Ученые записки Ленингр. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», Кыштым, 1944, т. 52). 8) Проф. Чавдаров С. Х. «Дидактические принципы Ушинского и советская педагогика» («Учительская газета», 1941, 11 апреля). 9) Данилов М. А. «Дидактика К. Д. Ушинского» («Советская педагогика», № 11—12, 1945). Основы дидактики Ушинского глубоко проанализировал Д. О. Лордкипанидзе в одной из глав его монографии (докторской диссертации) «Педагогическое учение К. Д. Ушинского», изданной в Тбилиси в 1948 году. Дидактика Ушинского, кроме того, рассматривается в курсах истории педагогики: Е. Н. Медынского, а также Ш. И. Ганелина и Е. Я. Голант[2].

Анализ этих работ показывает, что при исследовании дидактики Ушинского советские педагоги стремились раскрыть самое существенное в ней: о содержа-

---

[1] В. Я. Струминский, Педагогическая система К. Д. Ушинского, Вводная статья. Кн. «К. Д. Ушинский». Избранные педагогические сочинения, т. I, Учпедгиз, М., 1939.

[2] Более полный список исследований дан в указателе литературы.

нии обучения, о методах, об уроке, о дидактических принципах, о научных основах дидактики Ушинского. Все эти направления в исследовательской работе определялись главной задачей — изучая дидактическое наследство Ушинского, критически проанализировать его, выявить в нем то ценное, что следует использовать в советской школе.

Считаем необходимым выделить и глубже характеризовать из перечисленных работ — исследования Н. И. Панкова (диссертация), проф. В. Я. Струминского и Д. О. Лордкипанидзе.

В диссертации Н. И. Панкова «Дидактические взгляды К. Д. Ушинского»[1] содержится интересная попытка научного анализа дидактики великого русского педагога.

В статье освещены следующие вопросы:

1. Состояние крепостнической школы и ее критика К. Д. Ушинским.
2. Основы воспитания и обучения.
3. Принципы дидактики.
4. Урок и методы его проведения.
5. Выводы.

В работе Н. И. Панкова использован действительно большой материал из педагогических трудов Ушинского и этому материалу придана довольно стройная логика его движения. Но и в этой работе недостаточно глубоко и местами упрощенно рассмотрены философские и психологические основы дидактики, и потому трактовка некоторых вопросов дана неправильно. «Деление обучения на активное и пассивное, которое Ушинский различал под влиянием своей дуалистической концепции, нужно признать механическим, чисто искусственным делением. Вследствие ограниченности своего мировоззрения Ушинский, естественно, пришел к неправильному признанию преподавания как пассивного обучения, но, несмотря на это, он в дальнейшем вывел правильное положение об активной роли учителя и ученика в процессе обучения, что отразилось в его дидактических принципах» (стр. 107).

Легко видеть, что здесь слишком упрощенно и по-

[1] Опубликована в «Ученых записках» Куйбышевского Гос пед. ин-та и Учительского ин-та им. В. В. Куйбышева, вып. 4, Куйбышев, 1940.

этому неправильно рассматривается вопрос об активном и пассивном обучении у Ушинского. Важно, однако, отметить, что Н. И. Панков дает формулировку дидактических принципов Ушинского. «Основные дидактические принципы Ушинского в его теоретических работах сводятся к следующему: 1) руководящая роль учителя; 2) самодеятельность учащихся; 3) природосообразность; 4) наглядность; 5) система; 6) прочность и последовательность; 7) разнообразие занятий и многообразие методов; 8) воспитывающее обучение» (стр. 111).

Эти принципы, в общем, соответствуют духу дидактической теории К. Д. Ушинского. В отборе принципов можно почувствовать большую их близость принципам советской дидактики и совершенно недостаточную обоснованность с точки зрения дидактических обобщений самого Ушинского. Эти принципы формулированы автором, а не даны Ушинским. Видимо, и сам автор не вполне уверен в том, что эти принципы внутренне определяют систему дидактики Ушинского, и потому свою диссертацию озаглавил «Дидактические взгляды К. Д. Ушинского» (разрядка наша. — *М. Д.*).

В заключительной части своей работы Н. И. Панков приходит к выводу о том, что Ушинский в разрешении дидактических и методических проблем стоял на почве позитивной и притом передовой современной ему науки. Он выдвигал правильное и в то же время прогрессивное требование, что педагогика и дидактика могут быть созданы только на основе научно разработанной теории. Наука в педагогике Ушинского получает широкое использование в разработке вопросов теории обучения.

Дидактика Ушинского, — утверждает Н. И. Панков, — является: а) результатом самого добросовестного и кропотливого изучения лучших образцов школьной практики, русской и заграничной школы; б) она построена на глубоком и довольно обширном изучении всей мировой педагогической и методической литературы как западноевропейской, так и американской; в) она опирается на достижения эмпирической психологии. Это все дало возможность Ушинскому свои правила и принципы дидактики соразмерить с силами и потребностями ребенка, правильно сочетать объективные задачи

воспитания и субъективные интересы ученика, поставив все это в полную связь с целями обучения.

Дидактика как теория обучения не мыслилась Ушинским как голая рецептура, а как систематически разработанная теория, вооружающая учителя для практической деятельности, — совершенно правильно говорит Н. И. Панков.

«Ушинский для своего времени был основоположником дидактики и методики русской школы, которая указывала путь к развитию и большему усовершенствованию практики обучения в пореформенной народной школе. Дидактика Ушинского была и остается выдающейся и талантливой во всей русской дореволюционной педагогике. Поэтому она представляется нам не как простой памятник прошлого русской школы, а как источник, из которого можно и нужно много позаимствовать и для нашей советской школы» (стр. 144).

Однако в трудах Н. И. Панкова осталась нерешенной главная задача, заключавшаяся в том, чтобы раскрыть принципиальные основы дидактики Ушинского и показать понимание им процесса обучения и условий успешной его организации.

Серьезные работы по исследованию дидактики Ушинского принадлежат проф. В. Я. Струминскому. В статье «Дидактические взгляды К. Д. Ушинского»[1] в кратком изложении дается сводка прямых высказываний Ушинского по вопросам дидактики. После сжатой вводной части, в которой раскрывается ход работы Ушинского над дидактическими вопросами, указывается главная задача, вставшая перед Ушинским при разработке дидактики: «Необходимо найти какую-то середину между объективными задачами обучения и субъективными детскими интересами». Разрешение этого вопроса, по мнению Струминского, Ушинский находит в анализе процессов внимания: «В этом учении о двух типах внимания заключаются психологические основы всей дидактики Ушинского». И дальше в статье приводятся систематически расположенные требования к правильной постановке обучения в связи с принципами: 1) наглядности обучения; 2) апперцепирования нового материала при помощи повторения и укрепления старого; 3 и 4) перемены в занятиях и разнообразия в мето-

[1] Журн. «Начальная школа», № 3, 1937.

дах работы. Изложенные в связи с этими принципами... «дидактические требования рассчитаны на возбуждение в учащихся внимания пассивного».

Дидактика Ушинского, — говорит Струминский, — не ограничилась этим, она «...имела еще и другую сторону, заключающуюся в требовании развивать в детях активное внимание, а не просто занимать их интересным преподаванием, в требовании ставить учащихся перед ответственными объективными задачами, вызывающими активную работу мысли при их решении». «Основные дидактические приемы, рассчитанные на возбуждение активного внимания ребенка, сводятся, — говорит Струминский, — к следующему: общее требование приучения ребенка к самодеятельности; требование развития логической мысли ребенка; требование систематического разучивания с детьми уроков в классе и твердого запоминания всего, что должно быть заучено, требование твердого порядка в занятиях». Далее показано, как эти общие принципы учебной работы применяются к решению конкретных вопросов обучения (рассказ в классе, дисциплина на уроке).

В конце статьи В. Я. Струминский указывает: «Изложенным исчерпываются основные дидактические взгляды Ушинского..., если не касаться многочисленных частностей... и если оставить в стороне изложение и анализ положенных в основу дидактики Ушинского теоретико-познавательных принципов, что могло бы составить предмет особой статьи».

Данная работа, имеющая задачей систематизацию «прямых дидактических высказываний» Ушинского, несомненно, очень ценна была на первом этапе исследования его теории обучения. Однако вызывает законное возражение принцип, взятый за основу систематизации: развитие пассивного и активного внимания детей в обучении, соответствующий утверждению автора о том, что учение о двух видах внимания составляет «психологические основы всей дидактики Ушинского».

Дальше мы попытаемся доказать, что дидактика Ушинского имеет более глубокие и прочные психологические основания. К этому в последующих работах приходит и сам. проф. Струминский. Заметим, что в данной статье В. Я. Струминский выдвигает очень важный вопрос о логике дидактики, как она рисовалась самому

Ушинскому. Указывая, что сохранилась его программа преподавания педагогики, которой он следовал очень точно и при написании «Педагогической антропологии», Струминский говорит: «Возможно, что в этой системе он развил бы свое изложение и в третьем томе «Педагогической антропологии», однако же, понадобилось бы специальное исследование, чтобы восстановить более или менее полно то, что предполагал дать Ушинский в своей дидактике».

Работа над дидактикой Ушинского продолжена проф. В. Я. Струминским в книге «К. Д. Ушинский — об учебно-воспитательной работе» (Учпедгиз, 1939). Эта работа выразилась и в краткой вводной статье и в подборе высказываний Ушинского. «Ушинский дал научную разработку основных правил дидактики, — говорит проф. Струминский. — Если обычно эти правила носили рецептурный, эмпирический характер, то Ушинский поставил своей задачей дать рациональное обоснование дидактики, исходя из основных принципов познания».

Проф. В. Я. Струминский отмечает: Ушинский верно подметил, что при всей специфике психической жизни ребенка познание последнего, как и у взрослого человека, идет, в основном, по одному пути: оно складывается на основе впечатлений, воспринятых из внешнего мира, которые подвергаются затем умственной обработке, причем достигнутые результаты делаются достоянием человека только при условии постоянного и систематического употребления их в деле дальнейшего познания. Отсюда В. Я. Струминский формулирует основные дидактические правила, теоретически разъясняемые и практически постоянно применяемые Ушинским: а) наглядность обучения; б) логическая обработка воспринятого материала и в) повторение, т. е. постоянное воспроизведение ранее усвоенного в дальнейшем процессе познания. «Представляя собой определенные стадии в самом процессе познания, — говорит В. Я. Струминский, — эти правила получают, таким образом, замечательную стройность и обоснованность, обеспечивая педагогу сознательное проведение рациональных приемов учебной работы в любой ее форме, будет ли это урок в целом или какая-нибудь его часть — беседа, рассказ и т. п.».

После краткой вводной статьи в книжке подобраны

высказывания Ушинского по основным вопросам обучения и воспитания. Эта книжка имеет практическое значение для учителя. Однако в ней нет рассмотрения интересующего нас вопроса.

В статье проф. В. Я. Струминского «Педагогическая система К. Д. Ушинского»[1] содержится общий обзор теоретических основ педагогики Ушинского, к которым автор относит: идеи народности, родного слова, гуманизма и активности или труда. В. Я. Струминский в заключение указывает, что «...Ушинский считал своей задачей развернуть перед педагогом широкую картину законов человеческой природы, показать ему, в частности, основные психические функции последней, и на основе систематических знаний о физической и духовной природе человека создать твердую психологическую базу для той методической системы, которую он до сих пор освещал только с принципиальной стороны... Проделывая... длительный процесс анализа и оценки европейских педагогических систем, внимательно изучая потребности русской школы, продумывая важнейшие педагогические проблемы, Ушинский разрабатывал собственную систему педагогики на основе лучших достижений педагогического опыта и опираясь на свою идею народности».

Д. О. Лордкипанидзе в своем труде об Ушинском посвящает анализу его дидактики особую главу: «Дидактическое учение»[2]. Д. О. Лордкипанидзе рассматривает в ней на ряду с общими и психологические основы дидактики Ушинского, а так же вопросы о природе обучения, общедидактических принципах и методах обучения.

Подвергнув серьезному анализу дидактические труды Ушинского, включая и его учебники, автор раскрывает закономерности обучения и их обоснование (по Ушинскому). В связи с этим обстоятельно освещаются такие вопросы: воспитывающее обучение, связь обучения с жизнью, природосообразность в обучении. После

---

[1] Проф. В. Я. Струминский, Вводная статья к «Избранным педагогическим сочинениям К. Д. Ушинского», т. I, Учпедгиз, 1939.

[2] Д. О. Лордкипанидзе, Педагогическое учение К. Д. Ушинского. Академия педагогических наук РСФСР. Изд. Института педагогических наук Грузинской ССР, 1948, гл. IV, стр. 190—291.

анализа психологических основ обучения, автор раскрывает дидактические принципы: сознательности и активности; последовательности в обучении, наглядности, прочности усвоения знаний и навыков. Каждый из этих принципов обоснован материалами из трудов Ушинского.

В книге Д. О. Лордкипанидзе обстоятельно раскрываются и вопросы об уроке и применение дидактики к частным методикам.

Д. О. Лордкипанидзе вполне убедительно показывает прогрессивный характер дидактики Ушинского и ее значение для советской школы. Важно и то, что Д. О. Лордкипанидзе пришел к выводам, совпадающим с нашими, о том, что дидактическое наследство Ушинского представляет собою последовательно развитую теорию, учение.

В итоге обозрения работ, посвященных изучению дидактики Ушинского, можно сделать следующие выводы:

а) Серьезная работа по исследованию дидактического наследства Ушинского проведена в советский период. Именно в последние десятилетия происходит разработка его дидактических трудов.

б) За этот период многое сделано для систематизации дидактических высказываний Ушинского и приведения их в такой вид, при котором советский учитель мог бы непосредственно ими воспользоваться.

в) Предпринята работа по научному анализу дидактического наследства и определению его методологических основ. Однако результаты этой работы не всегда убедительны. В частности, вопрос о дидактических принципах Ушинского решается иногда произвольно. Это объясняется тем, что авторы в малой степени исходят из тех оснований, которыми руководствовался сам Ушинский.

г) До сих пор различна общая характеристика дидактического наследства Ушинского: в одних случаях оно называется дидактическими взглядами (Панков, Струминский); в других — просто дидактикой, и лишь Д. О. Лордкипанидзе говорит о дидактическом учении Ушинского.

д) Далеко не раскрытыми оказались научные основания дидактики в трудах Ушинского.

Неразработанным остался и вопрос об условиях и путях применения дидактических положений в советской школе. Критический анализ отдельных советов Ушинского по обучению нередко подменяется общим утверждением о значении их для советской школы.

Итак, работа над дидактикой К. Д. Ушинского не может считаться законченной. Предшествующими работами подготовлены условия для исследования самых важных вопросов дидактических трудов великого русского педагога. К таким вопросам относятся — обоснование дидактики, ее предмет и методы исследования, главнейшие положения о природе процесса обучения и его основных закономерностях в трактовке Ушинского.

Глава вторая

УШИНСКИЙ О РОЛИ ШКОЛЫ В ПРОСВЕЩЕНИИ НАРОДА

Чтобы найти правильный подход к изучению дидактического наследства Ушинского, необходимо ясно представить замысел, характер и объем предпринятой и выполненной им работы.

Ушинский высоко оценивал роль просвещения и школы в жизни народа. Он является талантливейшим представителем того поколения просветителей, деятельность которых особенно ярко выступала на фоне общественного движения в России в шестидесятых годах прошлого века.

Известно, что все прогрессивные деятели этого периода и прежде всего революционные демократы Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов глубоко понимали страшную отсталость России и необходимость осуществления широкой программы просвещения народа. В 1859 г. Н. Г. Чернышевский писал: «Каждое человеческое дело успешно идет только тогда, когда руководится умом и знанием; а ум развивается образованием, и знания даются тоже образованием; потому только просвещенный народ может работать успешно. В каком же положении наше образование? В целой Западной Европе, имеющей около 200 миллионов жителей, не найдется столько безграмотных людей, как в одной нашей родине; в какой-нибудь Бельгии или хотя бы даже Баварии, при всей отсталости Баварии от других земель Западной Европы, на 5 миллионов населения считается столько же учащихся в школах, сколько в целой России, и число грамотных людей в России таково, что

едва ли бы достало его на одну провинцию в Прусском королевстве...» [1].

Н. Г. Чернышевский доказывает, что причины этого позорного и тяжелого для России положения коренятся отнюдь не в народе, и только близорукие «провинциальные» люди видят причину слабого развития образованности в нашей стране в том, что «...русское племя мало имеет охоты к просвещению», подобно тому, как причину неуспешности русского человека в материальной работе усматривают в том, что «он от природы расположен к лени».

«Обе эти клеветы одинаково тупоумны и нелепы, — утверждает Н. Г. Чернышевский. — Стремление в народе чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишком не благоприятствуют его осуществлению» [2].

Эти обстоятельства, затрудняющие просвещение и умственное развитие народа, по мнению революционных демократов, коренятся в общественных порядках. «Улучшение общественного и материального положения (н а р о д а. — *М. Д.)* — вот необходимое предварительное средство для возможности распространяться просвещению и улучшаться нравам» [3]. Это «предварительное средство» должно быть завоевано революционным путем. Чернышевский, по выражению В. И. Ленина, «...умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [4].

Ушинский ясно видел культурную отсталость России и понимал необходимость проведения широкой программы народного образования. Более того, он высказывал прогрессивные мысли об основных условиях улучшения жизни народа: «...свобода есть законная дочь вольного, упорного, неутомимого труда, а вольный труд широко развивается только под покровом свободы; ибо как то, так и другое составляют только две стороны жизни — этого стремления к деятельности сознательной

---

[1] Н. Г. Чернышевский, ст. «Суеверие и правила логики». Цит. из кн.: Н. Г. Чернышевский, Избр. педагогич. высказывания, Учпедгиз, 1940, стр. 120.

[2] Н. Г. Чернышевский, цитир. книга, стр. 121.

[3] Там же, стр. 107.

[4] В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция», Соч., т. XV, стр. 144.

и свободной»[1]. Однако Ушинский не сумел увидеть коренные причины невежества и тяжелой жизни народа и встать на революционный путь в борьбе за улучшение его положения.

Ушинский искренне верил, что реформы, намечаемые и осуществляемые правительством, лишь в том случае затронут действительную перестройку жизни народа, если будут соединены с широкой программой народного просвещения. Болея душою за улучшение жизни народа, стремясь найти средства ускорения народного развития, Ушинский указывал: «Дать... быстроту народному развитию может только сознательное разумное воспитание и разумное ученье: они будят ум народа, дают свободу его сознанию и обогащают его познаниями, до которых он опытом не добрался бы и в многие сотни лет...».

Однако Ушинский далек от мысли признать школу единственным фактором воспитания, отрицательно относясь к распространенной в то время трактовке этого вопроса немецкими педагогами. У народа, как и у каждого отдельного человека, имеются и другие факторы воспитания — природа, жизнь, наука, опыт. Но все эти «воспитатели» оказывают серьезное влияние на человека в том случае, если он достаточно подготовлен. Даже «...книга, имеющая столь важное значение для человека, сколько-нибудь тронутого развитием, так же, как природа и опыты жизни, остается немою не только для того, кто не умеет читать, но и для того, кто, прочитав механически страницу, не сумеет извлечь из мертвой буквы живой мысли... Нет, книгами нельзя развивать просвещение в народе, лишенном сколько-нибудь разумного первоначального воспитания»[2].

И, чтобы еще яснее подчеркнуть ведущую идею о роли школы в жизни народа, Ушинский пишет: «...в основу всяких прочных улучшений в народном быте, в основу всякого движения вперед цивилизации сельского населения должна необходимо, неизбежно лечь народ-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, 1916, стр. 368. В дальнейшем все ссылки на цитируемое произведение будут даны по II тому этого же издания, а по I тому — 1873.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., 1913, т. II, стр. 133—134. В дальнейшем все ссылки на «Собр. пед. соч.» будут даны по этому изданию.

ная школа, которая бы, внося в наши села и деревни, здравое первоначальное воспитание, открыла зрение и слух, душу и сердце народа урокам великих наставников человечества: природы, жизни, науки и христианской религии»[1].

При этом речь идет о такой школе, которая поможет народу наладить свою жизнь: «Развивая умственные и нравственные силы народа, обогащая его полезными знаниями, возбуждая в нем разумную предприимчивость и любовь к труду, поощряя его воздерживаться от диких, непроизводительных издержек (каковы, например, издержки на пьянство, поглощающие разом и деньги, и ум, и время, и силы), укореняя в массах простого населения правильный и ясный взгляд на необходимость администрации, законов и государственных издержек, — истинное народное образование сохраняет, открывает и поддерживает именно те источники, из которых льется народное богатство и льется само собою, без всяких насильственных мер: время, труд, честность, уменье владеть собой — физические и нравственные силы человека — эти единственные творцы всякого богатства»[2].

Идея организации и широкого распространения разумно устроенной народной школы полностью захватила Ушинского. В переписке с друзьями он часто возвращается к этому вопросу. Так, в письме к Л. Н. М... от 3.XI.1862 г. Ушинский пишет: «Теперь именно настает время, когда России более всего нужны школы, хорошо устроенные, и учителя, хорошо подготовленные — и много, много школ; иначе и свобода крестьян, и открытое судопроизводство не принесут всей той пользы, какую могли бы принести эти два истинно великие шага вперед»[3].

Потребность народа в просвещении, которую так остро почувствовал Ушинский, связана с быстрым процессом капиталистического развития России и ростом самосознания трудящихся. «Ни в одной стране, — указывает Ленин в статье «Пятидесятилетие падения крепостного права», — крестьянство не переживало и после

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 134.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 226.

[3] Письмо К. Д. Ушинского, «К биографии Ушинского — выдержки из его частной переписки», журн. «Русская школа», № 7—8, 1893, стр. 57.

«освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России. Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу»[1].

В бурном общественном подъеме шестидесятых годов вопросы народного образования занимали очень важное место. Для всех прогрессивных деятелей стала ясной острая потребность в широкой программе просвещения в стране. «Вопросы воспитания начинают обсуждаться в общих журналах и даже в специальной, казалось бы, далекой от педагогических тем, периодической печати, например, в «Морском сборнике». Периодическая печать обращает внимание на слабое развитие грамотности среди широких народных масс. Появляется ряд новых педагогических журналов («Журнал для воспитания», «Учитель» и др.).

Выдвигается блестящая плеяда классиков русской педагогики: Пирогов, Ушинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Толстой и ряд талантливых педагогов — Стоюнин, Корф, Водовозов, Острогорский и др.»[2].

В полном противоречии с этой острой потребностью народа в просвещении находилось школьное дело в России. Царское правительство, особенно при Николае I, всеми мерами противодействовало широкому развитию школ и прогрессивной педагогической теории. Школ было очень мало, учили в школах плохо. «Чтобы судить о значении Ушинского и его книг, необходимо припомнить хотя бы и в самых общих чертах, чему и как учили у нас в семье и школе начальной — до Ушинского, — говорит крупный педагог Д. И. Тихомиров. — В то время не было у нас педагогической литературы, не было и мысли о необходимости педагогической подготовки для учителя: каждый учил точно так же, как и сам когда-то учился, а на первой ступени считал себя вправе учить и всякий грамотей до отставного солдата и дьячка включительно, — учили, как учились испокон веков, чуть ли не со времен Владимира Святого».

---

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XV, стр. 109.

[2] Е. Н. Медынский, проф., История педагогики (учебник для педагог. ин-тов), Учпедгиз, 1947, стр. 371.

Д. И. Тихомиров указывает, что и общественное положение начального учителя расценивалось немногим выше положения крепостной прислуги и только в 1863 г. русский народный учитель освобожден от телесных наказаний.

В программу семейного и школьного обучения совсем не входило обучение «родному языку», этого предмета и не знали тогда, а учили лишь грамоте по складам, механическому чтению, механическому списыванию с прописи. В школах не было и специально предназначенной книги для классного чтения: после азбуки упражняли в беглом чтении по священной истории или же заучивали часослов, псалтырь, святцы. Школьное обучение, одинаковое по всем предметам, было для ребенка бессмысленным, надоедливым, скучным до отвращения. Школьники учились только по принуждению, из-за страха перед неизбежным наказанием, нередко суровым и беспощадным.

«По своему содержанию все учение тогда носило узко- и формально-практический характер, — свидетельствует Д. И. Тихомиров, — одних оно готовило в писаря, других — в чиновники и офицеры. Живое слово, живая мысль, живое и доброе чувство неведомы были такому учению, как никому не приходило в мысль, что ребенок — человек, живущий и развивающийся по законам своей природы, которому предстоит впереди личная самодеятельность, личная человеческая жизнь. Ученик был так же безответен и бесправен перед лицом своего учителя, как и взрослый перед лицом своего господина или начальника. Жестокая учеба, таким образом, целесообразно приготовляла к не менее жестокой жизни. Нужно было с детства сломить в человеке «мятежную» от природы личную волю, чтобы он и до старости оставался во всем покорным воле чужой, — и воспитание довольно успешно обезличивало человека и внушало ему страх перед всяким самостоятельным и свободным шагом; оно всех равняло под одну мерку покорности и безволия, воспитывая в то же время твердое убеждение, что каждый должен до смерти оставаться в том звании и состоянии, в каком кто родился. «Сила ломит и соломушку, — поклонись пониже ей...». Таковы были тогда по существу все школы, низшие и высшие, крестьянские, дворянские и духовные...

Этой-то старой школе и крепостническим взглядам на задачи учения и воспитания Ушинский смело и решительно противопоставляет, взамен отживающего, — новую гуманную школу, в основу коей положены высокие идеалы жизни и воспитания... Это было время великих реформ, время беспощадной критики и бесповоротного осуждения всех отживших форм жизни крепостной Руси, время небывалого общественного подъема и неудержимых стремлений к свободе и обновлению, время непоколебимой веры в полную возможность быстрого перерождения общества и народа через крещение новой школой и свободным просвещением. И благо русской народной школе, что ей пришлось строиться заново, а не прилаживать заплаты к ветхому рубищу; благо, что судьба послала ей и такого просвещенного зодчего, как К. Д. Ушинский: если и постигнут ее впереди испытания, козни, утраты, враги, — она выдержит напор, потому что построена не на песке, а на твердой основе вековечной истины» [1].

Если принять во внимание, что Д. И. Тихомиров родился в 1844 г., станет ясно, что его словами характеризуется начальное обучение в те годы, к которым относится начало педагогической деятельности Ушинского.

Сложность вопроса о развитии школьного дела заключалась, однако, не только в том, что школьное ученье велось из рук вон плохо, но и в том, что в обществе не было сколько-нибудь сложившихся взглядов на роль и характер школы. Ушинский с горечью говорит об этом: «Мы, в светских наших школах и даже вообще в народном образовании, так мало подвигались последовательно вперед и так часто меняли самые основы и самые существенные требования, так часто перестраивали самый фундамент здания, находя все сделанное прежде не только недостаточным, но даже положительно дурным и вредным, что и теперь, через полтораста лет после Петра Великого, стоим в деле светского народного образования почти при самом начале пути; еще и теперь задаем себе вопрос — нужно ли оно или нет?»

Более того, сложность задачи о создании правиль-

[1] Д. И. Тихомиров, Значение К. Д. Ушинского для народной школы, «Педагогический листок», 1901, М., кн. 3-я, стр. 277—280.

но организованных школ усугублялась тем, что отсутствовали и условия для серьезного подхода к этим вопросам. «Удалив философские науки из университетов, не занимаясь почти нигде психологией, читая только кое-где, так себе, для формы, педагогику, имея педагогические институты, которые вынуждены были закрывать в то самое время, когда чувствовали сильнейший недостаток в учителях, мы не выработали ни в науке, ни в жизни никаких воспитательных правил, которые бы уже сделались в настоящее время достоянием общественного мнения, и до сих пор не сознали хорошенько, — какого человека хотим готовить в воспитаннике русской школы» [1].

Глубокое понимание первоочередной важности вопросов воспитания для общественного развития и ясный отчет о тех неблагоприятных условиях, в которых находилась страна в то время, побуждают Ушинского к творческой лихорадочной деятельности.

Главный вопрос заключается в том, каким путем должна итти разработка теории и практики школьного дела у нас на родине? Можно ли успешно решить эту задачу способом перенесения готовых систем воспитания и обучения, разработанных за границей, и, в частности, в Германии? Ответ на этот вопрос дан Ушинским в результате вдумчивого изучения постановки школьного дела в западноевропейских странах и в США.

Приводим сжатую формулировку выводов его исследования: «1. Общей системы народного воспитания для всех народов не существует не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания. 2. У каждого народа своя особенная национальная система воспитания, а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным. 3. Опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам. Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, «Педагогический сборник», 1865, кн. XIII, стр. 1049.

стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен пытать свои собственные силы»[1].

Ушинскому принадлежит бесспорная заслуга серьезного для того времени анализа своеобразных черт воспитания в каждой из изученных им стран. «Немец, англичанин, француз, американец требуют от воспитания не одного и того же и под именем воспитания заключаются у каждого народа различные понятия»[2]. Хотя эти требования к воспитанию видоизменяются в каждом народе по сословиям, все же они носят в себе, в конце концов, одни и те же черты национального характера. Так, например, «характеристическими чертами» немецкого воспитания, по Ушинскому, являются: шовинизм, страсть к абстракции, педантизм и резонерство. Важно, однако, не только определение черт немецкой педагогики, а то, что Ушинский чувствовал и, по образному выражению проф. Н. А. Константинова, «пророчески» предвидел, что Германия в будущем станет кошмаром для Европы. «А разве не видать, что Пруссия, эта многоученая и «нравственная» Пруссия, только еще раскрывает ворота в ужасное будущее Европы, никак не исключая и нас»[3].

Выводы о народной основе педагогических систем оказали огромное влияние на весь ход дальнейших исследований и практической деятельности Ушинского. В тесной связи с этими выводами вырабатывалась Ушинским идея народности русского воспитания, одухотворившая всю его педагогическую систему и придавшая ей черты самостоятельности и оригинальности. Разработку этой идеи Ушинский приводит на основе всего того, что было уже сделано передовыми мыслителями России. Огромная роль в этом отношении принадлежит В. Г. Белинскому, влияние которого на Ушинского несомненно[4].

---

[1] К. Д. Ушинский, О народности в общественном воспитании, Собр. пед. соч., т. I, стр. 107.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 69.

[3] Н. А. Константинов, проф., Народность как основа педагогической системы К. Д. Ушинского, «Советская педагогика», № 4—5, 1946.

[4] Идея народности в трудах Ушинского и ее теоретические истоки глубоко и убедительно разобраны в приведенной уже выше работе Н. А. Константинова, а также в работе проф. В. Я. Струминского «Проблема народности в педагогической системе

Система и характер воспитания теснейшим образом связаны с творчеством, жизнью и характером народа,— говорит Ушинский: «...воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа». «Народные начала» получают свое выражение прежде всего в общественных мнениях и убеждениях. И потому — «система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы хитро она ни была обдумана, окажется бессильною и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества. Она может приготовлять техников, но никогда не будет воспитывать полезных членов общества. Возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части; где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество учебных заведений...»[1].

Отстаивая идею народности воспитания, Ушинский выдвигал ту мысль, что в основании всех идей о школьном деле должны быть положены потребности народа, его характер, язык, быт и история развития и что разработка педагогической системы должна итти у каждого народа своими силами. Ушинский отнюдь не склонен отрицать значения обмена педагогическим опытом между народами. «Мы не должны забывать, что народная школа не принадлежит к тем явлениям народной жизни, которые могут быть целиком пересажены из одной почвы в другую и приняться в среде народа. Конечно, мы можем занять много полезных педагогических изобретений у западных наших братьев, опередивших нас в образовании. Но дух школы, ее направление, ее цель должны быть обдуманы и созданы нами самими, сообразно истории нашего народа, степени его развития, его характера, его религии»[2].

К. Д. Ушинского», «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 5, 1946.

[1] К. Д. Ушинский, О народности в общеественном воспитании, Собр. пед. соч., т. I, стр. 108.

[2] К. Д. Ушинский, О нравственном элементе в русском воспитании, Собр. пед. соч., т. I, стр. 226—227.

Поэтому русская школа и русская педагогика должны итти своим путем, считаясь с потребностями жизни народа. Эти мысли руководят Ушинским при решении практических вопросов строительства школы. Так, протестуя против введения преподавания классических языков во всех средних школах России, указывая, что нельзя механически копировать западноевропейскую школу, Ушинский пишет: «Наша русская школа не имеет истории и обзавестись историею, как какою-нибудь заграничною машинкою, невозможно; а потому волею или неволею, нам приходится итти рациональным путем, то-есть, на основаниях научных, на основаниях психологии, физиологии, философии, истории и педагогики, а главное — на прочном основании знания своих собственных потребностей, потребностей русской жизни, — вырабатывать для себя самостоятельно, не увлекаясь подражаниями кому бы то ни было, ясное понятие о том, чем должна быть русская школа, какого человека должна она воспитывать и каким потребностям нашего общества удовлетворить, и где в числе этих потребностей окажутся классические языки, там их и вводить. Выработка этого убеждения в университетах, педагогических собраниях и учительских семинариях, распространение его в обществе как этим путем, так и путем педагогической литературы, образование ясного общественного мнения в этом отношении, так, чтобы общество знало, чего оно должно требовать от своих школ, а школы знали, каким требованиям они должны удовлетворить, — вот, по нашему мнению, единственное средство прикрепить нашу школу к нашей русской почве и дать ей ту органическую жизнь, которой она в настоящее время не имеет»[1].

Только при этом условии может происходить органическое развитие образования и школы, при котором опыт других народов может быть плодотворно использован. «Ради Бога не думайте, что великие просветители жили для России даром и что нам все следует начинать снова...», — пишет Ушинский в одном из писем.

Ясно понимая значение школы и просвещения для России, изучив самым тщательным образом состояние

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, «Педагогический сборник», 1865, октябрь, стр. 1052.

школы за границей и все классические педагогические труды, внимательно усвоив опыт отечественной народной педагогики, Ушинский стремился создать педагогическую теорию, содействующую великому делу разумного и плодотворного развития народа.

Для решения этой задачи Ушинский проделал огромную работу, результатом которой явился его капитальный труд «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», в трех томах (последний том, как уже сказано было, остался незаконченным). Одновременно он пишет другие работы, в которых решалась поставленная задача. Все педагогические труды Ушинского дают ответ на поставленный вопрос.

Глава третья

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИДАКТИКИ В ТРУДАХ УШИНСКОГО

ОБУЧЕНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОСТРОЕНО НА НАУЧНЫХ ОСНОВАНИЯХ

Ушинский ставит перед собою фундаментальную задачу — найти научные основания воспитания подрастающего поколения, создать педагогическую теорию и, в частности, дидактику, вооружающую учителя для наиболее разумной и успешной работы.

Глубокое понимание необходимости разработки основных вопросов воспитания для содействия общественному развитию и понимание тех неблагоприятных условий, в которых находилась страна в то время, побуждают Ушинского к напряженной творческой деятельности именно в этом направлении.

Ушинский видит свою главную и первоочередную задачу не в том, чтобы дать новый свод правил обучения, которые могли бы быть заучены педагогом и использованы как готовые рецепты. Разумно поставленная педагогическая деятельность требует, чтобы педагог не столько заучивал готовые правила воспитания, сколько осознал те явления и процессы, на которых строятся правила руководства детьми.

Если в медицине нельзя ограничиться изучением практической терапии и только по ней лечить, а требуется непременно изучение тех наук, которые являются ее основой, то тем более нельзя в воспитании руководиться одними правилами воспитания, изложенными в руководствах. «И как мы ни называем медиком того, кто знает только «лечебники» и даже лечит по «Другу здравия» и тому подобным собраниям рецептов и медицинских советов, то точно так же не можем мы на-

звать педагогом того, кто изучил только несколько учебников педагогики и руководствуется в своей воспитательной деятельности правилами и наставлениями, помещенными в этих «педагогиках», не изучив тех явлений природы и души человеческой, на которых, быть может, основаны эти правила и наставления» [1].

Для того чтобы определить цели и средства воспитания и обучения подрастающего поколения, нельзя ограничиваться простым изложением тех или иных педагогических правил. Задача заключается в том, чтобы найти те основания, из которых можно вывести воспитательные рекомендации и правила. Иными словами, педагогика и дидактика нуждаются в серьезных научных основаниях.

Средства воспитания и обучения должны быть почерпнуты из природы человека.

К наукам о человеке прежде всего обращается взор Ушинского. Педагогика и дидактика должны обосновываться антропологическими знаниями. Отсюда зарождается у Ушинского генеральная тема его исследований — «Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания». Этой теме посвящены два первые тома его труда: «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии».

Предпринимая это исследование, Ушинский далек от мысли, что один человек может в совершенстве выполнить всю эту работу. «Можно ли надеяться, чтобы один и тот же человек был столь же глубоким физиологом и врачом, сколько и глубоким психологом, историком, филологом и т. д.», — спрашивает Ушинский. Ответ не может быть положительным. Ушинский намечает далеко идущую вперед перспективу организованной совместной работы по проблемам воспитания представителей различных наук, изучающих человека. В этом отношении педагогика должна ожидать еще важных услуг от педагогов, специалистов в медицине, анатомии и физиологии человека, историков, филологов и т. п. «Только педагог-историк может уяснить нам влияние общества, в его историческом развитии, на воспитание и влияние воспитания на общество, не гадательно только как делается это теперь почти во всех всеобъемлющих

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIX.

германских педагогиках, но основывая всякое положение на точном и подробном изучении фактов».

Однако «...медик, историк, филолог могут принести непосредственную пользу делу воспитания только в том случае, если они не только специалисты, но и педагоги: если педагогические вопросы предшествуют в их уме всем их изысканиям, если они, кроме того, хорошо знакомы с физиологией, психологией и логикой— этими тремя главными основами педагогики»[1]. Последуем за Ушинским и посмотрим, как он подходит к решению вопросов обоснования педагогики и дидактики данными этих наук.

«Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности».

Известно, что Ушинский высоко ценил значение педагогического опыта для педагогической теории. Однако, говорит Ушинский, «...не следует слишком преувеличивать этого значения. Результаты большей части воспитательных опытов отстоят слишком далеко по времени от тех мер, результатами которых мы их считаем, чтобы мы могли назвать данные меры причиною, а данные результаты следствием этих мер: тем более, что эти результаты приходят уже тогда, когда воспитатель не может наблюдать над воспитанником»[2].

Но дело не только в этом. Педагогические опыты очень сложны, и каждый из них имеет не одну, а несколько причин. Следовательно, «...в деле воспитания опыт имеет значение лишь в том случае, если мы можем показать психическую связь между данною мерою и теми результатами, которые мы ей приписываем». «Таким образом мы видим, — указывает Ушинский,—что ни педагогический такт, ни педагогический опыт сами по себе недостаточны для того, чтобы из них можно было выводить сколько-нибудь твердые педагогические правила»[3].

Действительные основания педагогики и дидактики можно определить только путем исследования законо-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIX.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXIII.

[3] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. XXVII.

мерностей развития человека и анализа условий, в которых протекает педагогический процесс. «Только изучая природу, — замечает Бэкон, — можем мы надеяться управлять ею и заставить ее действовать сообразно нашим целям» (стр. X). «Воспитатель должен стремиться узнать человека, каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель должен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах, во всех положениях, в радости и горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово человеческого утешения уже бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих идей, историю развития всякой страсти и всякого хотения. Тогда только будет он в состоянии почерпать в самой природе человека средства воспитательного влияния, а средства эти громадны!» [1].

Научные основы педагогика должна черпать из «обширного круга антропологических наук», причем физиология, психология и логика являются главными основами педагогики, а следовательно, и дидактики.

Ушинский прекрасно понимал, что действительная, на научных данных базирующаяся педагогика в его время делала лишь первые шаги. «Мы сохраняем твердое убеждение, что великое искусство воспитания едва только начинается, что мы стоим еще в преддверии этого искусства и не вошли в самый храм его, и что до сих пор люди не обратили на воспитание того внимания, какого оно заслуживает...». И Ушинский сделал очень много для установления взгляда на педагогику как на науку, хотя и не считал ее наукою в обычном смысле слова.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ДИДАКТИКИ ПО УШИНСКОМУ

Ушинский, признавая ощущения, впечатления, опыт основой наших знаний, в материалистическом духе трактует процесс образования понятий. Рассматривая поня-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. XXII.

тие о пространстве и его развитии, Ушинский замечает: «...Понятие пространство есть сложное и производное, основанием которого служат наши чувства и опыт — и без опыта мы не имели бы понятия о пространстве». Но в этом понятии «есть нечто и a priori... A priori здесь те свойства души, по которым она, встретив раз тело, как помеху движениям, создала антитезис материи, то-есть понятие о пустоте, которое есть не что иное, как отрицание материи. A priori здесь еще и переход от понятия к другому, доведший человечество от понятия пустоты до понятия необходимости бесконечного пространства. A priori здесь, следовательно, не самое понятие пространства, невозможное без опыта, а движение понятий, органическое развитие их (энтелехия, по Аристотелю, если мы верно понимаем это слово), развитие, доведшее человечество от ощущения пустоты до идеи бесконечности» [1].

На первый взгляд может показаться, что Ушинский использует здесь кантианский тезис об априорных началах познания, заложенных в нашем сознании. Однако термину «a priori» Ушинский придает свое в известной мере материалистическое толкование. A priori, по Ушинскому, это — условие познания, т. е. деятельность сознания, «движение понятий», стремление души. В этой статье встречается и такое выражение Ушинского: «Если мы признаем сознание свойством материи...». Однако эта мысль дальше не развита. После обстоятельного (и не во всем последовательного) рассмотрения вопроса о взаимоотношении материи и сознания Ушинский признает, что «...материя есть то, что сознается сознанием, а сознание то, что сознает материю»[2].

Признание опытного начала всех наших знаний приводит Ушинского к очень важному выводу об относительности истины. В самом деле, — говорит Ушинский, — негр, не видевший никогда белых людей, думает, что все люди черны. Его вывод определяется ограниченностью материалов. «В этом отношении истина всех человеческих выводов всегда относительна, и мы всегда можем думать, что грядущие века хранят в себе

[1] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, «Отечественные записки», СПб. XIX, 1866, стр. 216.

[2] Там же, стр. 223.

открытие такого множества неизвестных нам фактов, что эти факты изменят все наши теперешние выводы, хотя логика, или, лучше сказать, деятельность сознания, не изменится и будет все та же»[1]. Здесь выражено совершенно правильное положение об относительности истины в связи с развитием науки и с открытием новых фактов, но не совсем правильно сформулирован вопрос о неизменности деятельности сознания.

Ушинский всемерно отстаивает объективное искание истины и протестует против всего мертвенного, что задерживает познание. «Мы смеемся над средневековой схоластикой и спешим завестись собственною. Разве в идеализме Гегеля, точно так же как и в позитивизме Конта не проглядывает ее мертвящий глаз? Не говорил ли нам идеализм: «не изучай материи — ты там ничего не найдешь»? Не говорит ли нам новый позитивизм: «Изучай только материю — ты там все найдешь»? Мы же говорим: «Изучайте явления и души, и внешней природы; в них вы найдете решения многих вопросов из бесчисленного числа еще нерешенных; но не закрывайте глаз на эти нерешенные вопросы, ибо сознательное непонимание бесконечно лучше и плодотворнее ложного понимания. Первое дает бесплодное успокоение, второе пробуждает деятельность, а деятельность — это жизнь»[2] (разрядка наша. — *М. Д.*).

Из всего того, что выше приведено, можно заключить, что в трудах Ушинского выступает тенденция материалистического понимания процесса познания. Не случайны поэтому слова Ушинского о заслугах материалистической философии, которая «...внесла и продолжает вносить много положительного в науку и мышление; искусство же воспитания в особенности и чрезвычайно много обязано именно материалистическому направлению изысканий преобладающему в настоящее время»[3].

---

[1] К. Д. Ушинский, Рассудочный процесс, «Педагогический сборник», изд. при Гл. Упр. Военно-уч. зав., кн. VIII и IX, 1867, стр. 757.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 414.

[3] К. Д. Ушинский, Вопрос о душе в его современном состоянии, «Отечественные записки», т. 159, 1866 г.

В тесной связи с этими чертами материалистического понимания процесса познания находится у Ушинского вопрос об историческом подходе к изучению педагогических явлений: «...историческая точка зрения — едва ли не самая верная при образовании учебных заведений каждого народа» [1].

По мере углубления в разработку конкретных вопросов в трудах Ушинского все в большей и большей степени выступают материалистические черты познания и элементы диалектики. Так обстоит дело и в психологии и в дидактике. Проф. Б. Г. Ананьев утверждает: «Действительное новаторство Ушинского относится к конкретным проблемам психологии ума и деятельности» [1]. К подобным выводам приходят даже те исследователи, которые считают Ушинского в основном идеалистом по своим воззрениям. Так, проф. К. Н. Корнилов, анализируя труды Ушинского, находит в них много таких передовых идей, которые получили свое оправдание только в наши дни. Таковы идеи о формирующем влиянии деятельности живого существа на строение организма, о сне, как «приостановке деятельности центрального органа мозга», о привычках и навыках как «усвоенных рефлексах», о роли труда в жизни человека, о единстве мышления и речи и др. [2].

В теории познания огромное значение имеет трактовка вопроса о взаимосвязи науки и жизни, практики, Ушинский в этом вопросе развивает материалистический взгляд. Так, рассматривая вопрос о цели деятельности человека по Миллю, Ушинский пишет: «Он (Милль. — *М. Д.*) хочет везде поставить науку на первое место, но сила вещей невольно выдвигает вперед жизнь, показывая, что не наука должна указывать окончательные цели жизни, а жизнь указывает практические цели и самой науке»[3]. Еще более ясно о том же самом сказано в связи с выяснением задач науки и значения для человечества педагогики. «Практическое значение науки в том и состоит, чтобы овладевать случай-

---

[1] Б. Г. Ананьев, К. Д. Ушинский — великий русский психолог, «Советская педагогика», № 12, 1945.

[2] Проф. К. Н. Корнилов, К. Д. Ушинский как психолог, «Ученые записки» Моск. Гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXXIII. Памяти Ушинского, М., 1946, стр. 30.

[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. V.

ностями жизни и покорять их разуму и воле человека. Наука доставила нам средство плыть не только по ветру, но и против ветра; не ждать в ужасе громового удара, а отводить его; не подчиняться условиям расстояния, но сокращать его паром и электричеством. Но, конечно, важнее и полезнее всех этих открытий и изобретений, часто не делающих человека ни на волос счастливее прежнего, потому что он внутри самого себя носит многочисленные причины несчастья, — было бы открытие средств к образованию в человеке такого характера, который противостоял бы напору случайностей жизни, спасал бы человека от их вредного, растлевающего влияния и давал бы ему возможность извлекать отовсюду только добрые результаты»[1].

Материалистический подход Ушинского к анализу процесса познания выразился, в частности, в его оценке значения трудов Бэкона. «Новым органоном Бэкон назвал свою книгу также и потому, что видел в индуктивном методе как бы новый открытый им орган чувств для постижения природы. Но легко видеть, что это новое орудие открытия законов природы и пользования ими было новостью, может быть, для мыслителей по профессии, но не для человечества, которое пользовалось индуктивною методою, без сомнения, с первых дней появления своего на свет и ей было обязано всеми теми полезными открытиями, которых ко времени Бэкона набралось уже столько, что открытия, сделанные после него, несмотря на всю свою громадность, составляют к ним только незначительную прибавку. Если человек научился ловить и убивать зверя, шить себе одежду, приготовлять пищу, сеять хлеб, обрабатывать металлы, строить дом и лодку, натягивать парус, — словом, если он сделал все те бесчисленные открытия и изобретения, которыми жизнь человеческая отличается от жизни животных, то этим он обязан единственно индуктивной методе, т. е. мышлению, основанному на опытах и наблюдениях. Громадная же заслуга Бэкона состоит в том, что он внес в науку этот вульгарный, чернорабочий способ добывания истины, который, несмотря на то, что подарил мир тысячами полезнейших изобретений и открытий, все еще не входил в аристократическую область ученого мышления. Если же и

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. XIV.

после Бэкона, даже до нашего времени, приложение индуктивного метода в науке ограничивалось одною областью естествознания, то это показывает только, как самые простые истины медленно распространяются и что общество ученых — вовсе не та среда, в которой истина уже не встречалась бы с закоренелыми предрассудками».

Хотя Бэкон и не во всем освободился от схоластического наследства, но замечает Ушинский, — «...основная идея бэконовской индукции совершенно ясна. Цель ее состоит в том, чтобы узнать законы явлений природы и воспользоваться этим знанием в практической жизни; а средство этого метода — наблюдение. Добыть закон явлений природы из наблюдений и опытов и пользоваться этим добытым законом, с одной стороны, для улучшений в практической жизни, а с другой, — для производства новых опытов и наблюдений — вот в нескольких словах характеристическая черта бэконовской индукции»[1] (разрядка в обоих случаях наша. — *М. Д.*).

В этих ясных словах выражена довольно правильно суть бэконовской теории познания и ее роль в истории развития науки. Так написать о Бэконе мог только мыслитель, которому материалистическое понимание истории развития науки внутренне близко, родственно.

В выше приведенных формулировках Ушинского сказалась, конечно, его непоследовательность: он не дал общей оценки философии Бэкона. Но по существу вопроса Ушинский сказал очень много: научные проблемы возникают в жизни, в практике, а знания и законы, добытые наукой, суть результат наблюдений и анализа явлений природы и опытов. Знания помогают улучшить практическую жизнь. Потребности жизни общества вызывают новые наблюдения и опыты.

Увидеть заслугу Бэкона в том, что он внес в науку простой, «чернорабочий» способ добывания истины, мог только мыслитель, признающий материалистический характер науки, хотя, может быть, и не отдающий себе полного отчета в этом.

Ушинский ясно понимал значение правильного метода мышления для познания. И потому он всюду, где только представляется возможность, подчеркивает логи-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 405.

ческие основы педагогики и дидактики. На эту характерную черту трудов Ушинского обратила внимание в свое время В. А. Волкович. Еще в Московском университете К. Д. Ушинский вдохновился к исследовательской работе, а в занятиях со студентами (в Ярославле) развернулась его богато одаренная натура и окрепло стремление к истинно научной, обобщающей и обосновывающей деятельности. «Отсюда, — продолжает В. А. Волкович, — его философски обоснованное педагогическое мировоззрение, та глубина мысли, которую дает только научное исследование. Отсюда требование им как руководящего принципа педагогической деятельности — педагогической идеи»[1]. «Сила научной истины — самая прочная и надежная сила, перед которой рано или поздно должны будут отступать даже самые яростные враги европейско-русской школы», — говорил Ушинский.

При рассмотрении дидактических вопросов К. Д. Ушинский стремится исходить из широких оснований и борется с односторонним подходом. Так, в связи с вопросом об условиях наиболее эффективного воспитания и обучения Ушинский пишет: «Ни в чем, может быть, одностороннее направление знаний и мышления так не вредно, как в педагогической практике... Односторонний филолог еще менее способен быть хорошим воспитателем, чем односторонний физиолог, экономист, историк. Не односторонность ли филологического образования, преобладавшая до новейшего времени во всех школах Западной Европы, пустила в ход бесчисленное множество чужих, плохо переваренных фраз, которые, обращаясь теперь между людьми, вместо действительных, глубоко сознанных идей, затрудняют оборот человеческого мышления, как фальшивая монета затрудняет обороты торговли... Мы не оспариваем великой пользы филологического образования, но показываем только вред его односторонности. Слово хорошо тогда, когда оно верно выражает мысль; а верно выражает оно мысль тогда, когда вырастает из нее, как кожа из организма, а не надевается, как перчатка, сшитая из чужой кожи... Язык, конечно, есть один из могущественнейших воспитателей человека, но он не может за-

[1] В. А. Волкович, Национальный воспитатель К. Д. Ушинский, СПб., 1913, стр. 10.

менить собою знаний, извлекаемых прямо из наблюдений и опытов» [1].

В связи с этим Ушинский затрагивает тот вопрос, который глубоко волновал все общество — о реальном и классическом образовании. «Не о преимуществах этих двух направлений в образовании, а о гармоническом их соединении следовало бы говорить, и искать средств этого соединения в душевной природе человека».

Рассматривая вопрос о роли индукции и дедукции в познавании и обучении, Ушинский указывает, что во всякую индукцию вносится множество ранее образовавшихся понятий, которые, в свою очередь, были результатами самостоятельных индукций. Понятно поэтому, как часто подвергается человек опасности ошибиться при индукции. «Из этого... педагог должен вывести, как важно положить верные основные понятия в душу дитяти, как важно выучить его наблюдать, не внося в свои наблюдения ни малейшей ложной мысли, и как важно, наконец, чтобы в преддверии всех наук стояла беспристрастная логика, излагающая те понятия, которые вносятся человеком положительно в каждый его опыт, в каждое наблюдение и в каждую индукцию» [2].

Значение работ Ушинского о логических основах процесса обучения огромно. Он установил связь научного познания и обучения, сходство и различие между ними, на что обратил внимание в своих работах проф. В. Я. Струминский [3].

Ушинский в связи с вопросом о роли дедукции в познании и обучении говорит: «...каждая наука есть не более, как одно чрезвычайно обширное и сложное понятие... Для человека, изучившего науку вполне, вся она является одним понятием, историю образования которого он может довести с конца до начала, т. е. до первичных суждений, до основных сочетаний из ощущений. Но совсем в другом отношении к науке стоит ученик. Ученый стоит наверху пирамиды, начинающий учиться — у ее основания, и как нельзя начать строить

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXI.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 417.

[3] В. Я. Струминский, Вступ. статья в кн. «Ушинский об учебно-воспитательной работе», Учпедгиз, 1939.

пирамиду с верхушки, а должно начинать с основания, точно так же и изучение науки должно начинать с основания, т. е. с первичных наблюдений и образования первичных суждений, с изучения тех фактов, на которых зиждется пирамидальная система науки»[1]. В этом богатом содержанием отрывке сказано очень многое: а) подмечена связь исторического и логического в науке; б) показано сходство и различие положения ученого и ученика относительно науки; в) подчеркнут основной путь усвоения знаний учащимися: от наблюдений к обобщениям и понятиям.

Высоко оценивая значение логики в обучении, Ушинский понимает, что одностороннее применение логики чревато отрицательными последствиями. Ушинский замечает, что не всякая логическая истина является разумной. «Мы часто встречаем глупейших резонеров, у которых что ни слово, то рассудочная истина, а вместе с тем, что ни слово, — то ложь и доказательство невежества и тупости. Вот почему, хотя и необходимо, с самого же начала ученья, развивать в детях рассудочные операции, но должно остерегаться, чтобы не впасть при этом в односторонность и не сообщить детям страсть к резонерству, которая могла бы увлечь их далее того, чем идут их знания и точные наблюдения. Рассудочные ассоциации должны развиваться и усложняться вместе с развитием способности к точным наблюдениям и увеличениям запаса знаний»[2].

Последний тезис Ушинского имеет огромное принципиальное значение. Развитие мышления учащихся может быть успешным только в том случае, если усложнение рассудочных операций происходит в тесной связи («вместе») с развитием наблюдательности и увеличением запаса знаний.

В этой цитате привлекает внимание не только то, что относится непосредственно к средствам предупреждения резонерства в детях, но и то, что Ушинский в дидактику вплетает живую жизнь с ее разнообразными типами людей. Эта идея необычайно проста и необычайна важна: дидактика в теории и на практике должна учитывать требования жизни.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 422.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 234.

ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДИДАКТИКИ

Педагогика, опираясь на философию, определяет цели воспитания. Вопросу о целях воспитания Ушинский придавал важнейшее значение. «Что сказали бы вы об архитекторе, который, закладывая новое здание, не сумел бы ответить вам на вопрос, что он хочет строить, — храм ли, посвященный богу истины, любви и правды, просто ли дом, в котором жилось бы уютно, красивые ли, но бесполезные торжественные ворота, на которые заглядывались бы проезжающие, раззолоченную ли гостиницу для обирания нерасчетливых путешественников, кухню ли для переварки съестных припасов, музеум ли для хранения редкостей или, наконец, сарай для складки туда всякого, никому уже в жизни ненужного хлама? То же самое должны вы сказать и о воспитателе, который не сумеет ясно и точно определить сам цели своей воспитательной деятельности»[1].

И это понятно: «...вверяя воспитанию чистые и впечатлительные души детей, вверяя для того, чтобы оно провело в них первые и потому самые глубокие черты, мы имеем полное право спросить воспитателя, какую цель он будет преследовать в своей деятельности, и потребовать на этот вопрос ясного и категорического ответа. Мы не можем в этом случае удовольствоваться общими фразами, в роде тех, какими начинаются большею частию немецкие педагогики». «Определение цели воспитания мы считаем лучшим пробным камнем всяких философских, психологических и педагогических теорий»[2].

Ушинский неизменно подчеркивал, что воспитание есть деятельность сознательная, но «сознательной деятельностью может быть названа только та, в которой мы определили цель, узнали материал, с которым мы должны иметь дело, обдумали, испытали и выбрали средства, необходимые для достижения сознанной цели».

Нет надобности раскрывать в данной работе все положения Ушинского по вопросу о целях воспитания. Укажем только, что в подготовительных материалах ко II тому «Антропологии» в записках Ушинского по во-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. VII.
[2] Там же, стр. VIII—IX.

просу об этике Аристотеля содержатся интересные замечания. «Вот верно, — говорит Ушинский, — счастье состоит в деятельности, сообразной душе». И дальше указывает: «По моему же — блаженство состоит в творящей и совершенствующей деятельности и не имеет другой цели, кроме совершенства... Цель воспитания — очистить путь по этой дороге. Чтобы каждый в своей сфере мог сделать, что может лучшего, и в том находил свое высшее счастье и блаженство» [1].

Из того факта, что в сохранившихся и опубликованных подготовительных материалах для III тома «Педагогической антропологии» вопрос о «Стремлении к совершенству» занимает очень видное место, и А. Н. Острогорский выделил специальный раздел с таким названием, можно заключить, что этому фактору развития человека и его воспитания Ушинский придавал огромное значение. Сохранившиеся 16 выписок из разных авторов — Бенеке, Руссо, Броун и др., с замечаниями к ним Ушинского составляют содержание этого раздела материалов. В приведенных выше положениях заложен правильный подход к вопросу о целях воспитания. Ушинский придает огромное значение труду в жизни человека и в соответствии с этим формулирует задачи воспитания. «Воспитание должно развить в человеке привычку и любовь к труду; оно должно дать ему возможность отыскать для себя труд в жизни» [2].

По вопросу об умственном образовании Ушинский указывает: «Развитие сознания, без сомнения, одна из главнейших целей воспитания, и истины науки являются орудием для этого развития» [3]. Эта необычайно глубокая, хотя и недостаточная формулировка цели воспитания — р а з в и т и е сознания человека и указание роли науки в этом процессе — определяет построение процесса обучения по Ушинскому, о чем будет сказано в следующей главе.

Раскрывая цели обучения, Ушинский указывает: «Должно постоянно помнить, что следует передать уче-

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, СПб., 1908, стр. 136.

[2] К. Д. У ш и н с к и й, Труд в его психическом и воспитательном значении, Собр. пед. соч., т. I, стр. 154.

[3] К. Д. У ш и н с к и й, Собр. пед. соч., т. I, стр. 106.

нику не только те или другие познания, но и развить в нем желание и способность самостоятельно, без учителя, приобретать новые знания. Эта способность... должна остаться с учеником и тогда, когда учитель его оставит, и дать ученику средства извлекать полезные знания не только из книг, но и из предметов его окружающих, из жизненных событий, из истории собственной души. Обладая такою умственною силою, извлекающею отовсюду полезную пищу, ученик будет учиться всю жизнь, что, конечно, и составляет одну из главнейших задач всякого школьного учения»[1].

В педагогике обосновывается также очень важный вопрос о значении воспитания: «...Мы уверены, — говорит Ушинский, — что воспитание, совершенствуясь, может далеко раздвинуть пределы человеческих сил: физических, умственных и нравственных»[2].

Основания дидактики заключаются не только в общей педагогике. Необходимо обратиться к рассмотрению наук о человеке, чтобы найти в них те факты и положения, которые дают правильное понимание обучения как органической части воспитания. «Физиология и психология, или, пожалуй, антропология, идут рука об руку, и обе составляют или, по крайней мере, должны составлять основу искусства воспитания, которое, по выражению Песталоцци, берет человека всего, его тело и его душу»[3].

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ФИЗИОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДИДАКТИКИ

Значение физиологии человека для педагогики и дидактики Ушинский формулирует следующим образом: «Читая физиологию, на каждой странице мы убеждаемся в обширной возможности действовать на физическое развитие индивида, а еще более на последовательное развитие человеческой расы. Из этого источника, только что открывающегося, воспитание почти еще и не черпало»[4].

---

[1] К. Д. Ушинский, Воскресные школы, Собр. пед. соч., т. I, стр. 176.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XII.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 98.

[4] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXII.

Рассмотрев вопрос о влиянии внешних условий на развитие организмов, Ушинский приходит к следующему выводу: «... на развитие растительного организма в индивидуальном человеке и более или менее полное раскрытие его может оказывать произвольное влияние другой человек, посредством тех же агентов, которые давали ему власть над растениями и над животными, т. е. посредством пищи, воздуха, температуры и света, — словом посредством произвольного влияния на процесс питания, который, сравнительно с процессом питания в растениях, только видоизменяется в человеке, но требует также пищи, сообразной организму, и тех же условий, делающих питание и развитие возможным. Правила этого влияния, сообразно целям, для которых назначается растительный организм человека, составляют один из отделов теории искусства воспитания, а именно воспитание физическое, которое специально разрабатывается медициной» [1].

В первом томе «Педагогической антропологии» первая часть — «Часть физиологическая», состоящая из семнадцати глав, посвящена вопросам научного обоснования условий благоприятного развития человеческого организма. Особое внимание уделено деятельности нервной системы: состав нервной системы, нервная усталость и нервные раздражения, сущность «отражательных или рефлективных движений»; привычки и навыки как усвоенные рефлексы, участие нервной системы в акте памяти и влияние нервной системы на воображение и волю.

Не имея возможности раскрыть по существу содержание этих глав, остановимся лишь на отдельных высказываниях Ушинского, где даются ценные для дидактики выводы из физиологии нервной деятельности человека. «Нормальная деятельность нервов состоит именно в том, что они устают, отдыхают и потом снова начинают действовать; но выведенные из этой нормальной деятельности, они как бы перестают уставать, продолжают работать с необыкновенною энергиею и часто мучат нас непрошенною работою» [2]. Для педагогов понимание этого положения имеет большое значение. Дело в том, что «...процесс уставания и от-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 12.
[2] Там же, стр. 94.

дохновения нервов, а равно их нормальная или раздраженная деятельность, должны иметь большое влияние на яркость, отчетливость и ход наших представлений, а следовательно — на акты внимания, воспоминания, воображения и даже мышления, на сколько мышление связано с представлениями» [1].

Заслуживает внимания и следующее заключение Ушинского: «...сильная нервная система, легко воспринимающая внешние впечатления, твердо удерживающая их следы и быстро воспроизводящая эти следы к сознанию, есть одно из существенных условий великого ума» [2].

Ценнейшие выводы содержатся в главах о привычках и навыках, однако, более конкретное рассмотрение их мы отнесем к следующей главе, в которой будет исследован вопрос о сущности обучения.

Точка зрения Ушинского в вопросах физиологического изучения человека, как это показал чл.-корр. Академии педагогических наук Б. Г. Ананьев, заключается в том, что главнейшие из условий возобновления тканей заключены в самой деятельности организма. «Эта идея формирующей роли деятельности, как видно, выступает уже в физиологии, а затем станет генеральным принципом психологии Ушинского» [3]. Этот принцип развит далее Ушинским в педагогике и дидактике.

Замечательно, что он увидел преобразующую роль труда для человека и свои идеи выразил в тезисах, которые созвучны марксистскому пониманию вопроса. «...Труд, исходя от человека на природу, действует обратно на человека не одним удовлетворением его потребностей и расширением их круга, но собственною своею, внутреннею, ему одному присущею силою, независимо от тех материальных ценностей, которые он доставляет. Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние, но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравствен-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 97.

[2] К. Д. Ушинский, Педагогич. приложения анализа памяти, Собр. пед. соч., т. II, стр. 179.

[3] Б. Г. Ананьев, Ушинский — великий русский психолог, «Советская педагогика», № 12, 1945.

ности и счастия. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится» [1].

В дидактике, как это будет показано дальше, Ушинский рассматривает ученье как умственный труд детей и приходит к исключительно плодотворным выводам.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИДАКТИКИ

Основания дидактики, коренящиеся в психической деятельности человека, серьезно и, можно без преувеличения сказать, талантливо изучались Ушинским. Он ясно понимал роль психологии для педагогики: «...психология, в отношении своей приложимости к педагогике и своей необходимости для педагога, занимает первое место между всеми науками» [2].

Ушинский подошел к психологии как педагог, и его интересовали прежде всего педагогические возможности, таящиеся в психологическом изучении человека. Ушинский пришел к убедительным и далеко идущим выводам: «Пересматривая психические факты, добытые в разных теориях, мы поражаемся едва ли еще не более обширною возможностью (сравнительно с физиологией. — *М. Д.*) иметь громадное влияние на развитие ума, чувства и воли в человеке, и точно так же поражаемся ничтожностью той доли из этой возможности, которою уже воспользовалось воспитание. Посмотрите на одну силу привычки: чего нельзя сделать из человека с одною этою силою? Посмотрите хотя на то, например, что делали ею спартанцы из своих молодых поколений, и сознайтесь, что современное воспитание пользуется едва малейшею частицей этой силы. Конечно, спартанское воспитание было бы теперь нелепостью, не имеющей цели; но разве не нелепость то изнеженное воспитание, которое сделало нас и делает наших детей доступными для тысячи неестественных, но тем не менее мучительных страданий и заставляет тратить благородную жизнь человека на приобретение мелких удобств жизни»? [3]

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 145.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXVII.

[3] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. XXIII.

Задача, которую поставил перед собою Ушинский,— взять из психологии подлинно установленные факты и выводы для обоснования обучения и воспитания, оказалась исключительно сложной. Ушинский довольно быстро убедился в невозможности воспользоваться сложившимися психологическими теориями, так как сознавал «...односторонность каждой из них и что во всех их есть своя доля правды и ошибки, своя доля верных выводов из фактов и ни на чем неосновательных фантазий. Мы пришли к убеждению, — продолжает Ушинский, — что все эти теории страдают теоретической самонадеянностью, объясняя то, чего еще нет возможности объяснить, ставя вредный призрак знания там, где следует сказать еще простое н е з н а ю, строя головоломные и утлые мосты через неизведанные еще пропасти, на которые следовало просто указать, и, словом, дают читателю за несколько верных и потому полезных знаний столько же, если не более, ложных и потому вредных знаний» [1].

Главный тезис, предваряющий и заключающий исследования психологических основ дидактики, выражен Ушинским в следующих словах: «Изучая эти (т. е. душевные. — *М. Д.*) процессы, нельзя не видеть возможности дать человеку с обыкновенными способностями, и дать прочно, в десять раз более сведений, чем получает теперь самый талантливый, тратя драгоценную силу памяти на приобретение тысячи знаний, которые потом позабудет без следа» [2]. Однако нельзя было ограничиться выводами относительно количества знаний.

Тщательный анализ процессов сознания дал возможность Ушинскому выяснить природу процесса обучения и условия, благоприятствующие развитию познавательных сил человека. Не считая необходимым останавливаться на результатах исследования по отдельным психологическим вопросам, укажем на два основных вывода о работе нашего сознания, имеющих большое значение для разработки дидактики.

Сознание является средством (орудием) деятельности человека и в процессе деятельности раскрывается: «...мы можем уже теперь сказать с уверенностью, что

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, цитир. труд, стр. XXVI.
[2] Т а м ж е, стр. XXIV.

не сознание составляет сущность души, а врожденное ей стремление к деятельности, к жизни, для которого и самое сознание служит только одним из средств. Конечно, мы знаем только то, что доступно сознанию, ибо знание есть плод сравнения и различения, т. е. деятельности сознания. Но эта деятельность сознания, обогатив нас познаниями как о деятельности нашей души, так и о явлениях внешней для нас физической природы, привела нас к необходимой гипотезе стремлений, которые предшествуют самой деятельности сознания» [1]. Отсюда берет начало понимание Ушинским сущности учения как процесса умственного труда школьника.

Весьма существенно, что при всем многообразии психических процессов деятельность нашего сознания едина. «Сопоставляя добытые нами понятия различных, произвольных актов сознания, произвольного внимания, произвольного воспоминания, произвольного воображения и произвольного рассудочного процесса, мы невольно поражаемся необычайным сходством всех этих актов, и это может служить наибольшей очевидностью единства нашей души или, по крайней мере, покудова — единства нашего сознания. Собственно все эти произвольные акты нашей души составляют один акт произвольного сознавания и различаются только по положению тех материалов, над которыми сознание работает, и по цели этих работ, и, кроме того, в каждом акте соединяются все остальные. В акте внимания сознание различает ощущения, представления и понятия, но вместе с тем оно должно вызывать их из области памяти, передвигать в области воображения и, наконец, сравнивать без чего самое различение невозможно. В акте припоминания нужно внимание, чтобы различить, и нужно воображение, чтобы представлять и передвигать представления; воспоминанию нужен рассудок, чтобы сравнивать и различать. В процессе воображения и процессе рассудка мы видим то же самое соединение всех прочих процессов. Таким образом, во всех этих процессах мы видим обширный процесс сознавания» [2].

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, т. II, стр. 420.
[2] Там же, стр. 477.

Это чрезвычайно важное положение, сформулированное в самой сжатой форме с целью «...хотя отчасти, намекнуть на то, что может быть развито вполне только впоследствии», — имеет огромное значение для дидактики.

Прежде всего обучение должно опираться на деятельность сознания в целом и развивать его целостно. Значит, дидактика базируется не только на теории активного и пассивного внимания, как склонен интерпретировать психологические основы дидактики Ушинского проф. В. Я. Струминский, а на психологическом анализе деятельности сознания в целом. При этом центральным является процесс сознавания, важнейшим компонентом которого является внимание. Тезис о единстве деятельности сознания глубоко разработан в дидактике в связи с вопросами о методах обучения. Ушинский показывает, как важно в разнообразных процессах учения — упражнениях, повторении и др. — стимулировать мышление учащихся, а в чисто мыслительных процессах аппелировать к памяти, воображению и другим формам деятельности сознания.

Из анализа процессов деятельности сознания и, в частности, процесса образования понятий Ушинский приходит к выводу об огромном значении речи для рассудочного процесса. Именно в слове завершается процесс образования понятий: «...понятие долго не может оторваться от тех представлений, из которых оно составилось; оно даже не могло бы от них оторваться и навсегда осталось бы в нашей душе чем-то смутным и мелькающим в толпе представлений, если бы человек не обладал духовною, ему исключительно принадлежащею способностью — облекать понятия в слово, налагать на понятие новый произвольный значок, называемый словом, и тем самым оканчивать и завершать процесс образования понятия, начинающийся, но никогда не оканчивающийся, и не завершающийся в животном».

Слова облегчают и сокращают рассудочный процесс. «Разложите самое короткое суждение, — продолжает Ушинский, — например: «Этот человек богат» на все представления, из которых составились эти три слова, и их связь, и вы оцените всю необычайную концентрирующую силу языка. В одном слове: «дерево», «животное», «камень», множество наблюдений, опытов, сравнений,

понятий, рассудочных процессов...». И именно потому, что процесс образования понятий заканчивается в слове, «...мышление, в полном, человеческом смысле этого слова, совершается только в словах, и слово является главным средством человеческого развития...».

Такое большое значение слова объясняется тем, что оно — «плод рассудочного процесса» — оказывается, не умирает, а «...переходит в язык народа, делается живым атомом этого могучего, вечно развивающегося организма, и таким образом, слово, добытое в рассудочном процессе нашими отдаленнейшими предками, переделанное в процессе сознания наших дедов и отцов, со всеми следами своего сознания и своей многовековой переделки в тысячах поколений, достигнет к нашим потомкам и пробудит в них понятия, идеи и чувства, которые создавали это слово» [1].

Понятно поэтому, что речь является «главным средством человеческого развития». Понятно поэтому, что вопрос о развитии речи в связи с развитием мышления рассматривается Ушинским в дидактике в качестве главного вопроса.

Однако нельзя переоценивать значения слова в обучении и воспитании. Воспитательная сила слова сказывается тогда, когда оно выступает в тесной связи с собственными наблюдениями ребенка, с его самостоятельной мыслью. «Язык, конечно, есть один из могущественнейших воспитателей человека; но он не может заменить собою знаний, извлекаемых прямо из наблюдений и опытов. Правда, язык ускоряет и облегчает приобретение таких знаний, но он же может и помешать ему, если внимание человека слишком рано и преимущественно было обращено не на содержание, а на форму мысли, да притом еще мысли чужой, до понимания которой, может быть, еще и не дорос учащийся. Не уметь хорошо выражать своих мыслей — недостаток; но не иметь самостоятельных мыслей — еще гораздо больший. Самостоятельные же мысли вытекают только из самостоятельно же приобретаемых знаний»[2].

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 447—448.
[2] Там же, стр. XXI (разрядка наша. — *М. Д.*).

Как ни велико значение психологии для дидактики, нельзя, однако, выводить педагогические и дидактические правила непосредственно из анализа того или иного психического явления. «Почти всякое педагогическое правило является результатом не одного психического закона, но многих...». Более того, в дидактике, как и в педагогике, по Ушинскому, «...прилагаются выводы не одной психологической науки, а и многих других...»[1].

Легко видеть, какие педагогические возможности раскрыл Ушинский в психологическом изучении человека. А вместе с тем, благодаря диалектическому подходу к важнейшим проблемам психологии, он значительно продвинул вперед самую разработку этих проблем[2].

ЗНАЧЕНИЕ ДИДАКТИКИ КАК ОРГАНИЧЕСКОЙ ЧАСТИ ПЕДАГОГИКИ

Значение и роль дидактики, по Ушинскому, раскрыты в сущности в предшествующем рассмотрении ее теоретических обоснований. Ушинский указывает практические задачи преподавания педагогики[3]: развить у будущих педагогов желание сознательно заниматься воспитательной деятельностью, открыть им возможность понимать педагогические сочинения и тем вести далее свое педагогическое образование, для которого в учебном заведении закладываются лишь самые первые основы, и дать возможность по выходе же из учебного заведения, с успехом, без тяжелых проб и грубых ошибок, заняться воспитанием и первоначальным обучением детей. Но, само собою разумеется, что здесь речь идет о минимальных задачах практического характера, связанных с преподаванием педагогики и дидактики.

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. XXXVII.

[2] Обстоятельный анализ психологических трудов К. Д. Ушинского содержится в работах проф. К. Н. Корнилова (К. Д. Ушинский как психолог, «Ученые записки» Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина, т. XXXIII, М., 1946) и проф. Б. Г. Ананьева («Ушинский — великий русский психолог», «Советская педагогика», 1945, № 12).

[3] К. Д. Ушинский, Программы педагогики для специальных классов женских учебных заведений. Цель преподавания педагогики, Избр. пед. соч., 1939, т. I, стр. 391.

Действительное значение дидактики как органической части педагогики Ушинский видел в том, чтобы: а) раскрыть процесс умственного развития ребенка и установить главные факторы, определяющие условия нормального, плодотворного протекания этого процесса; б) изучить многовековой опыт человечества в области обучения и найти научные основы разумной его постановки; в) создать теорию обучения, обеспечивающую учителю правильное понимание самых существенных и глубоких процессов учения школьника и возможность самостоятельного подхода к решению практических задач обучения; г) дать систему дидактических положений, правил, советов, обеспечивающих учителю возможность использовать в своем опыте все ценное, добытое в дидактике.

Значение дидактики в конце концов заключается в том, чтобы обеспечить разумную и плодотворную постановку школьного обучения.

При этом Ушинский ясно проводит свою генеральную идею о том, что главное значение в дидактике принадлежит не самим правилам, а их научному обоснованию, «что выучивание педагогических правил не приносит никому никакой пользы и что самые правила эти не имеют никаких границ: все их можно уместить на одном печатном листе, и из них можно составить несколько томов. Это одно уже показывает, что главное дело вовсе не в изучении правил, а в изучении тех научных основ, из которых эти правила вытекают»[1].

Тезис о необходимости глубокого научного обоснования дидактических правил проходит красной нитью через все исследования Ушинского. Важно отметить, что этому тезису придается действенное значение: дидактическое правило только в том случае оказывается ценным и практически полезным, когда оно применяется не механически, а сознательно, обоснованно, с учетом конкретных условий учения и развития школьника, которые должны быть ясны для учителя.

Главное же дело заключается в том, чтобы, исходя из научных основ процесса умственного развития человека, выработать правильное понимание сущности обучения, понять ведущие идеи этого процесса. Значе-

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXIX.

ние этого вопроса ясно высказано Ушинским в оценке методики швейцарского педагога Мюллера, работа которого им была изучена. Охарактеризовав методы работы этого замечательного педагога-практика, Ушинский указывает: «Он уже достиг той педагогической высоты, когда всякая метода исчезает в личности педагога и когда из этой личности появляется всякий раз совершенно самостоятельный тот прием, который нужен в данном случае. Такой высокий педагог уже творит методу, а не руководится ею; он достиг уже источника всех метод — глубокомысленной основной педагогической идеи» [1].

Основанием для выработки ведущей основной педагогической идеи является правильное понимание обучения, его главнейших, существеннейших сторон.

СОДЕРЖАНИЕ И ПОРЯДОК ИЗЛОЖЕНИЯ ДИДАКТИКИ ПО УШИНСКОМУ

Прямые указания Ушинского о содержании третьего тома и порядке изложения дидактики до нас не дошли. Это обстоятельство побуждает нас тщательно рассмотреть материалы, которые относятся к этому вопросу и сохранились в тех или иных публикациях. Прежде всего обратимся к «Программе педагогики для специальных классов женских учебных заведений», по которой, как утверждает проф. В. Я. Струминский, вел свои занятия по педагогике в Смольном институте Ушинский [2].

Можно ли считать, что в этой программе дан план, которым предполагал руководствоваться Ушинский при работе над III томом «Антропологии»? В. Я. Струминский основательно указывает, что хотя первые два тома «Антропологии» написаны в полном соответствии с содержанием двух первых частей программы, все же нельзя утверждать, что и в третьей части программы намечен порядок изложения третьего тома «Антропологии».

Имеются, однако, некоторые соображения, позволя-

---

[1] К. Д. Ушинский, Педагогическая поездка по Швейцарии, Собр. пед. соч., т. I, стр. 448.

[2] Программа помещена в «Избр. пед. соч.» Ушинского, 1939, т. I, стр. 391; там же и очень ценное примечание В. Я. Струминского к ней. В дальнейшем все ссылки на «Избр. пед. соч.» будут даны по данному изданию.

ющие принять и программу в ее третьей части за основу системы изложения III тома «Антропологии».

Прежде всего, рассматриваемая программа имеет дату «16 февраля 1870 г.»[1].

Есть основание полагать, что именно в этот период К. Д. Ушинский работал над III томом.

Из письма к Н. А. Корфу от 27 сентября 1870 г. (см. выше, стр. 14) можно понять, что к этому моменту, из-за нездоровья Ушинского, вся деятельность его сократилась, но он надеялся возобновить работу и за зиму продиктовать третий том, который был «в материалах уже готов. Можно поэтому утверждать, что 16 февраля 1870 г. план третьего тома и форма и последовательность изложения дидактики были ясны для автора и отражены им в программе. Имеется и еще один факт, подтверждающий вероятность только что высказанного предположения.

В том же письме к Н. А. Корфу Ушинский пишет[2]: «В первых же главах этого тома вы найдете и разрешение показавшегося вам противоречия. Человек не потому говорит, что обладает рассудком, который есть и у животных, а потому, что обладает самосознанием, т. е. способностью наблюдать свое собственное душевное явление, чего нет у животных. Эта-то способность дает человеку дар слова, свободу воли, нравственность и способность к самосовершенствованию, к прогрессу». В программе по педагогике в соответствующем разделе находим: «Б. Психические явления высшего разряда, порядка, или явления духовные». «Общее понятие об этих явлениях и самосознание как отличительный их признак. Отношение самосознания к сознанию. Самосознание как источник разума. Самосознание, или разумность, как общий корень всех духовных, чисто человеческих явлений. Виды этих явлений: 1. Дар слова. II. Чувство художественное. III. Чувство нравственное. IV. Чувство религиозное. А в следующем абзаце можно встретить фразу: «Развитие языка в человечестве».

Таким образом, первые главы третьего тома 27 сен-

---

[1] Эта дата установлена В. А. Лир (Ленинград). См. выше упоминаемое примечание В. Я. Струминского.

[2] Повторяем, что это было 27 сентября 1870 г., т. е. за 3 месяца до его смерти.

тября 1870 г. были уже написаны Константином Дмитриевичем, или, во всяком случае, подготовлены им так, чтобы можно было диктовать материал в той логике, которая представлена в программе.

Все это позволяет нам признать порядок, принятый в программе, за основу изложения дидактической системы Ушинского. Это наиболее правильное из возможных решений, хотя следует указать, что поставленная В. Я. Струминским исследовательская задача не снята. Дальнейшая работа над нею потребует изысканий архивных материалов.

Однако в настоящее время нет уверенности, что архивные изыскания принесут большие результаты в деле восстановления рукописей III тома «Педагогической антропологии» Ушинского. Очень возможно, что Ушинский «еще не нашел той формы, в какую должна была вылиться эта ответственнейшая часть предпринятого им труда»—высказывает очень обоснованное суждение проф. В. Я. Струминский. Из писем Н. С. Ушинской явствует, что работа К. Д. Ушинского над главами III тома оставляла у него глубокое неудовлетворение, и он часто уничтожал то, что было им написано [1]. Вот почему, принимая логику программы педагогики в качестве основы для расположения материала по дидактике, приходится признать, что этим самым лишь приближенно решается поставленная задача восстановления основного содержания и логики дидактической концепции К. Д. Ушинского.

Дидактику или «науку обучения» Ушинский считал особым разделом педагогики. Ее предметом является обучение, в котором Ушинский различает учение школьников и преподавание. Обучение, следовательно, есть совместная деятельность ученика и учителя, происходящая под руководством последнего. «Учение как одно из самых сильных воспитательных средств, как по своей важности, так и по обширности и разнообразию своих правил, излагается обыкновенно отдельно в дидактике, или науке обучения. Дидактика бывает общая, излагающая правила учения вообще, и частная, излагающая правила обучения отдельных предметов.

---

[1] В. Я. Струминский, Архив К. Д. Ушинского, «Советская педагогика», 1946, № 12.

Отсюда выходит разделение курса педагогики на две части: на педагогику и дидактику»[1].

В содержание дидактики Ушинский включает далее: ее психологические основания, ее важное значение. Общая дидактика расшифровывается Ушинским следующим образом: «Общее понятие об учении. Учение как средство воспитания. Практические цели учения: два различных вида учения: а) учение пассивное посредством преподавания; б) учение активное посредством собственного опыта. Относительное значение каждого, их необходимая связь в каждом учении. Преподавание в тесном смысле слова. Необходимые условия каждого преподавания: 1) своевременность, 2) постепенность, 3) органичность, 4) постоянство, 5) твердость усвоения, 6) ясность, 7) самодеятельность учащихся, 8) отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости, 9) нравственность, 10) полезность.

Общая организация учения. Необходимость плана. Его правильность и практичность. Два главные метода преподавания и учения: 1) метод синтетический, 2) метод аналитический. Особенная приложимость того или другого метода к разным предметам изучения. Необходимость их соединения во всех предметах. Правильная организация знаний как результат соединения обоих методов.

Приемы преподавания: 1) прием догматический, или предлагающий. Предложение предметное и предложение словесное. Необходимые условия того или другого; 2) прием сократический и спрашивающий; 3) прием эвристический, или дающий задачи. Правила задач; 4) прием акроаматический, или излагающий. Правила изложения. Особенная приложимость этих приемов по возрастам и приемам учения. Необходимость их соединения в каждом преподавании.

После этого идет второй раздел: частная дидактика, в которой излагается «изменение правил общей дидактики различными предметами преподавания».

Перед нами — стройная система изложения научных основ дидактики. Именно этот порядок наиболее ярко и последовательно и полно выражает замыслы автора «Педагогической антропологии». Поэтому и мы примем

---

[1] К. Д. Ушинский, Программа педагогики для специальных классов женск. зав., Избр. пед. соч., т. I, стр. 393.

его в качестве руководящей основы изложения материала.

Для раскрытия содержания дидактики К. Д. Ушинского не представляется возможным использовать расположение материалов, принятое в подготовительных рукописях III тома «Антропологии» А. Н. Острогорским. Порядок этот следующий: 1) свобода воли; 2) стремление к совершенству; 3) этика и право; 4) эстетическое чувство; 5) вера; 6) педагогика; 7) язык. Легко видеть, что в этом расположении материала нет созвучия логике рассмотрения дидактических вопросов Ушинским. Но это и понятно. А. Н. Острогорский, как было выяснено выше (стр. 12—14), и не мог разрешить задачи приведения этого материала в той последовательности, в какой он был подготовлен К. Д. Ушинским.

Итак, рассматриваемую программу по педагогике приходится считать основанием логики изложения III тома «Педагогической антропологии». Других более надежных путей решения вопроса нет в настоящее время.

Однако в целях наибольшей достоверности решения вопроса о содержании третьего тома необходимо использовать, наряду с программой, и другие источники. Так, например, в предисловии ко II тому «Антропологии», датированном 20 марта 1869 г., Ушинский прямо высказывается по интересующему нас вопросу: «В третьем томе я надеюсь поместить окончание «Антропологии» и педагогические приложения, из нее выведенные. Эти педагогические приложения должны, по моему плану, составить сжатый учебник педагогики; но такой учебник, которого никак нельзя было бы заучивать» [1].

Это указание подтверждает ту мысль, что при разработке дидактики Ушинского необходимо исходить из анализа всей его педагогической системы и из указаний о задачах, плане и содержании дидактики. Основная роль среди них принадлежит программе по педагогике для специальных классов женских учебных заведений, в которой намечена структура педагогики и дидактики как предметов преподавания, а также плану

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. XIV.

книги «Руководство к преподаванию по «Родному слову».

Судя по тому, что «Руководство» опубликовано в 1864 г., т. е. в том году, когда появились в печати первые главы «Педагогической антропологии» (статьи на тему: «Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания»), можно полагать, что Ушинский работал параллельно и над дидактикой начального обучения и над разработкой теоретических основ общей дидактики. Известно, что «Руководство к преподаванию по «Родному слову» рассматривалось Ушинским как первый опыт систематического изложения «главнейших дидактических правил первых лет обучения», как книга, приближающаяся по содержанию к дидактике элементарного преподавания.

Понятно, что все эти работы, равно как содержание первых двух томов «Педагогической антропологии» и предисловие к ним, дают возможность правильно подойти к пониманию дидактики Ушинского.

Прежде чем приступить к изложению дидактики Ушинского, необходимо отдать отчет о том, как нужно излагать материал, чтобы он сохранил, по возможности, свои основные оригинальные черты. Необходимо уяснить, педагогическую терминологию, которой пользовался автор незаконченной работы. Так, например, Ушинский не оперирует термином «дидактический принцип». Внесение логических категорий, которым сам автор не пользовался, едва ли будет правомерно в нашей работе. Ушинский пользуется такими терминами: «правила», «главнейшие правила», «советы», «меры». Так, в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» встречается такое выражение: «Просмотрев еще раз мою книжку, я нашел, что изложил в ней довольно подробно главнейшие дидактические правила первых лет учения и что мне осталось сказать немногое, чтобы вышла не дидактика элементарного преподавания, но маленький сборник необходимейших советов по этому делу, который, покуда у нас нет еще ни одного полного курса дидактики, может иметь свое значение и принесть относительную пользу»[1]. В «Руководстве» же, как известно, нашли свое выражение главные положения об

[1] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, стр. 191.

обучении: о времени начала ученья, о предметах первоначального ученья, об организации первоначального ученья, о классной дисциплине, о наглядном обучении и т. п.

Ушинский выражал закономерности дидактики в простых терминах. Да это и понятно, если принять во внимание, что Ушинский прекрасно понимал всю неразработанность педагогической науки в его время. Второй вывод, который необходимо сделать из этих слов, заключается в том, что цитируемое произведение Ушинский не считал дидактикой элементарного преподавания, и тем более полным курсом дидактики. В связи с этим следует заметить, что Ушинский различает дидактику как общую науку об обучении и дидактику первоначального обучения.

Исходя из программы дидактики и общего анализа педагогики Ушинского, правильнее всего дальнейшее изложение главнейшего материала дидактики Ушинского дать в двух главах: а) процесс обучения и его сущность; б) система главнейших дидактических положений и правил.

Чтобы яснее понять эту задачу, не лишне привести слова самого Ушинского о характере изложения дидактики. «В третьем томе мы изложим в системе, удобной для обозрения, те педагогические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души. В этом томе мы будем кратки потому, что не видим никакой трудности для всякого мыслящего педагога, изучив психический и физиологический закон, вывести из него практические приложения. Во многих местах мы будем только намекать на эти приложения, тем более что из каждого закона можно вывести их такое множество, какое множество разнообразных случаев представляется в педагогической практике. В этом и состоит преимущество изучения самых законов науки, прилагаемых к педагогике, перед изучением голословных педагогических наставлений, которыми наполнена большая часть германских педагогик. Мы не говорим педагогам поступайте так или иначе; но говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, сообра-

жаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить» [1].

Есть и еще одно обстоятельство, которое необходимо учесть при выполнении рассматриваемой задачи. Оно заключается в своеобразной черте педагогических трудов Ушинского, выгодно отличающей их от трудов многих других классиков педагогики. Речь идет о той особой манере рассмотрения и изложения педагогических вопросов, в которой ясность мысли, глубина рассмотрения и стройность изложения сочетаются с необычайной конкретностью, образностью и живостью представлений рассматриваемых явлений.

В трудах Ушинского всюду чувствуется биение живой педагогической мысли, отражающей сложную динамику реального процесса обучения и воспитания. Сквозь стройную в логическом отношении трактовку педагогических вопросов читатель как бы непосредственно ощущает живой процесс воспитания и обучения. Именно поэтому труды Ушинского рядом поколений педагогов читались, читаются и будут читаться с захватывающим интересом. Понятно поэтому, что нам придется в дальнейшем широко пользоваться собственными словами Ушинского.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXXVII.

Глава четвертая

ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ И ЕГО СУЩНОСТЬ

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ОБ ОБУЧЕНИИ

Скромному подзаголовку «Общее понятие об обучении» в трудах Ушинского соответствует глубокое и содержательное учение о сущности процесса обучения, разработка которого составляет огромный его вклад в педагогическую науку. До Ушинского в классических дидактических системах были представлены две, в основном, противоположные концепции о сущности обучения. Одна из них главную задачу обучения усматривала в развитии духовных сил школьника. Это так называемая теория формального образования. Вторая — рассматривала обучение как передачу учащимся полезных в жизни знаний, отодвигая на второй план задачу умственного развития учащихся. Это так называемая теория материального образования. В этих концепциях совершенно различно решались вопросы о содержании обучения, о побуждении школьников к обучению, о главных процессах умственной деятельности школьников в учении, о методах и приемах обучения. Так, например, сторонники теории формального образования не придавали большого значения содержанию приобретаемых знаний и часто на первое место выдвигали изучение древних языков и математики. Представители теории материального образования заботились, главным образом, о приобретении знаний и отдавали предпочтение естествознанию.

Ушинский с большой тщательностью изучает решение педагогических вопросов в каждой концепции и критически выделяет ценное в них.

Нельзя признать правильным увлечение формальным развитием учащихся, независимым от содержания науч-

ного знания. «Психический анализ показывает ясно, что формальное развитие рассудка, в том виде, как его прежде понимали, есть несуществующий призрак, что рассудок развивается только в действительных реальных знаниях, что его нельзя наломать, как какую-нибудь стальную пружину, и что самый ум есть не что иное, как хорошо организованное знание» [1].

Вместе с тем Ушинский ясно видит недостатки и так называемой теории материального образования: нельзя сводить обучение к обогащению учащихся полезными сведениями и игнорировать задачу развития умственных сил учащихся. Сложные задачи обучения нельзя решать, исходя только из непосредственной пользы того или иного знания. И Ушинский вносит серьезные поправки в рассуждения Спенсера об учебном материале и доказывает, что имеется много знаний, «...которые хотя и приложимы только посредственно, но часто важнее непосредственно приложимых».

Ушинский раскрывает вред односторонности формального и материального направления и обосновывает необходимость правильного сочетания их в обучении.

Обоснованное решение вопроса об обучении возможно в том случае, если ясна цель его. В программе содержится пункт: «Практические цели обучения». Ушинский считает главнейшей целью обучения — подготовку учащихся к жизни, к полезной трудовой деятельности. «Всякое не мертвое, не бесцельное ученье имеет в виду готовить дитя к жизни...» [2]; «...воспитание, если оно желает счастья человеку, должно воспитывать его не для счастья, а приготовлять к труду жизни» [3]. Приготовить же к труду жизни — значит развить умственные силы ребенка, вооружить его научными полезными знаниями, а главное — научить разумно трудиться, с пользой для общественного дела применять знания и быть самостоятельным в жизни. «Мы... думаем, что истинный воспитатель должен быть посредником между школою, с одной стороны, и жизнью и наукой — с дру-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 468.

[2] К. Д. Ушинский, Руководство к «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 154.

гой; он должен вносить в школу только действительные и полезные знания, добытые наукою, оставляя вне школы все увлечения, неизбежные при процессе добывания знаний. Он должен выводить из школы в жизнь новые поколения, неиспорченные, неизмятые меняющимися увлечениями жизни, но вполне готовые к борьбе, которая их ожидает»[1].

Педагогика поэтому должна ясно понимать основные тенденции в развитии жизни и науки. «Самое характерное явление науки двух последних десятилетий есть необычайное усиление и распространение естествознания; а вместе с тем и промышленная деятельность народов расширилась и приобрела такое значение, какого не имела никогда»... Школа должна итти в ногу с требованиями жизни. «Школе не опрокинуть жизни; но жизнь легко опрокидывает деятельность школы, которая становится поперек ее пути»[2].

Однако нельзя односторонне рассматривать обучение как простую подготовку к практической жизни и в этом видеть весь смысл обучения. Необходимо знать законы развития духовных сил ребенка и следовать этим законам. Эти мысли изложены Ушинским в связи с рассмотрением характера английского воспитания. «Английское воспитание так увлеклось полезным (useful) в развитии детского характера, что часто пренебрегает тем, что в нем есть прекрасного. Оно думает только о том, что может остаться в жизни, и рано топчет цветы, которые и без того скоро вянут. Но мы думаем, что педагогика, развивая в ребенке будущего человека, не должна забывать, что детство также есть период жизни, и часто лучший ее период»[3].

Ушинский признает правомерным два вида учения школьника — учение посредством преподавания и учение посредством собственного опыта. Сравнивая их, Ушинский первый вид учения называет пассивным, второй — активным, в том смысле, что во втором случае человек сам познает окружающий мир, анализируя свой опыт. Из того, что на первое место поставлено учение посредством препо-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 467—468.

[2] Там же.

[3] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 41.

давания, можно заключить, что в школе более всего применим именно этот вид учения. Однако Ушинский указывает, что и для школьного обучения каждое из них имеет свое относительное значение, поэтому необходимо связывать их между собою в обучении. Это указание имеет глубокий смысл. В дальнейшем ходе своих исследований начального обучения Ушинский показывает, как внесение элементов учения путем анализа собственного опыта ребенка в преподавании придает активный характер всему обучению.

Однако этим еще не решался основной вопрос — о сущности обучения. Ушинский подходит к решению этого вопроса от требований жизни и из анализа процесса развития сознания. «Не уметь хорошо выражать своих мыслей — недостаток, но не иметь самостоятельных мыслей — еще гораздо больший; самостоятельные же мысли вытекают только из самостоятельно же приобретаемых знаний. Кто не предпочтет, — уверенно спрашивает Ушинский, — человека, обогащенного фактическими сведениями и мыслящего самостоятельно и верно, хотя выражающегося с трудом, человеку, у которого способность говорить обо всем чужими фразами, хотя бы взятыми даже из лучших классических писателей, далеко переросла и количество знаний и глубину мышления» [1].

Ушинский убедительно доказывает, что односторонее увлечение в обучении задачей развития ума так же, как и задачей приобретения готовых знаний, противоречит законам развития сознания человека. «Изощрять рассудок в о о б щ е... есть дело невозможное, так как рассудок, или, лучше сказать, сознание, обогащается только: а) приумножением фактов и б) переработкою их. Чем более фактических знаний приобрел рассудок и чем лучше он переработал этот сырой материал, тем он развитее и сильнее» [2]. Тем, кто думает, что дело воспитания — только развить ум, психология отвечает, что «самый ум есть не что иное как хорошо организованная система знаний».

В этом замечательном выводе дана основа правильного подхода к решению проблемы, занимавшей дидак-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XXI.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 434.

тов многих поколений, о том, что является главным в обучении — приобретение знаний или умственное развитие. Ушинский первый из дидактов так ясно сформулировал положение о внутреннем единстве процессов усвоения знаний и развития мышления школьника. В связи с этим становится ясным, что обучение есть прежде всего процесс усвоения знаний и развития ума школьников.

При таком понимании обучения становится ясной образовательная роль каждого учебного предмета и, в частности, естествознания. Внимательно следя за успехами естественников, Ушинский приходит к следующему выводу: «Число знаний человека о природе не только увеличилось в громадных размерах, но и сами эти знания все более и более приобретают научную форму, способную развить человека умственно не менее, а может быть, и более, чем прежние приемы и методы так называемого формального развития»[1].

Чтобы сделать более убедительными свои выводы об общих условиях и закономерностях развития мышления человека, а также о своеобразии процессов мышления в обучении, Ушинский рассматривает деятельность развитого сознания человека, совершенно правильно полагая, что изучение явления в его развитой форме даст ключ к пониманию предшествующих стадий развития этого явления. «Если опытный полководец поражает нас быстротою и верностью своих соображений, то это именно потому, что он не развлекается подробностями, развлекающими нас, но сосредоточивает деятельность своего сознания на том только, что может решить судьбу битвы. Этою же возможностью обязан он именно предварительной обработке материала. С детства уже он имел наклонность читать и слушать о сражениях; с детства уже это было любимым материалом, над которым без устали работала его голова; потом тот же материал, уже значительно подготовленный, сделался для него наукою в юности; наконец, в годы мужества уже на практике, в битвах и в мирное время, он продолжал ту же работу и так концентрировал весь этот сложный материал, что быстрота его соображений поражает нас, развлекаемых подготовительными работами, с которыми он давным давно покончил. Быстрота соображения у

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 467.

него та же, что у нас, да соображать-то ему приходится не столько, сколько нам. Нас подавляет бесконечное разнообразие фактов, а он переработал эти факты так, что ему легко обозреть их, и потому владеет ими свободно»[1].

Следовательно, обучение — вооружение учащихся знаниями и развитие их способности сосредоточиться над изучаемыми предметами, производить для этого необходимые усилия внимания, памяти, мышления, концентрировать сложный материал.

ФАКТОРЫ ПОБУЖДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ К УЧЕНИЮ

Одним из важных в теории обучения является вопрос о средствах побуждения школьников к учению. Каковы должны быть эти средства при разумно поставленном обучении? Ушинский отвечает на этот вопрос следующим образом: «Воспитатель не должен забывать, что учение, лишенное всякого интереса и взятое только силою принуждения, хотя бы она черпалась из лучшего источника — из любви к воспитателю, — убивает в ученике охоту к учению, без которой он далеко не уйдет; а учение, основанное только на интересе, не дает возможности окрепнуть самообладанию и воле ученика, так как не все в учении интересно и придет многое, что надобно будет взять силой воли»[2].

Раскрыв односторонность и недостаточность средств принуждения, хотя бы и доведенных до самых тонких и виртуозных форм, и противоположных средств, основанных на «заинтересовании» детей, в которых особенно изощрялась «потешающая» педагогика, Ушинский приходит к замечательному выводу о том, что разумные средства побуждения школьников к учению коренятся в природе самого процесса обучения, если оно правильно поставлено. «Учение есть труд и должно остаться трудом, но трудом полным мысли, так, чтобы самый интерес к учению зависел от серьезной мысли, а не от каких-нибудь не идущих к делу прикрас»[3].

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 431.

[2] К. Д. Ушинский, Педагогические приложения анализа памяти, Собр. пед. соч., т. II, стр. 194.

[3] К. Д. Ушинский, Предисловие к 1-му изд. «Детского мира», в собр. пед. соч., т. I, стр. 79.

Это — несомненно одно из краеугольных положений дидактической системы Ушинского, вытекающее из психофизиологических основ процесса обучения. «Без личного труда человек не может итти вперед, не может оставаться на одном месте, но должен итти назад»[1]. Труд является непременным условием развития и самосовершенствования человека на всех этапах жизни. Детский и юношеский периоды не составляют в этом отношении исключения. В связи с этим процесс обучения приобретает у Ушинского новую трактовку: оно «...не только должно развить разум человека и дать ему известный запас сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которого жизнь его не может быть ни достойною, ни счастливою»[2].

Главное требование к организации и методике обучения и заключается в том, чтобы школьник, обучаясь, разумно трудился, а учитель руководил этим активным, деятельным трудом. Ушинский зло высмеивает методику обучения, при которой школьники остаются пассивными и приучаются бесцельно убивать время. Если учитель заботится только о том, чтобы школьники знали предмет, и совершенно игнорирует вопрос о том, каким путем придет к ним это знание, если он, занимаясь с одним учеником, предоставляет всем остальным ученикам в классе ничего не делать, — он культивирует у школьников вредную черту — бездельничанье. «Таким образом проводит иной счастливый мальчик большую часть дней целой недели и приобретает гнусную привычку оставаться целые часы, ничего не делая и ничего не думая»[3].

Следовательно, задача педагога заключается в том, чтобы приучить школьников к умственному труду и воспитать у них жажду к труду.

Ушинский совершенно правильно указывает, что задача эта сложная. «Умственный труд—едва ли не самый тяжелый труд для человека. Мечтать легко и приятно, но думать трудно... Мальчик скорее готов поработать физически целый день или просидеть без мысли над

---

[1] К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении. Собр. пед. соч., т. I, стр. 147.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 160.

[3] Там же, стр. 165.

одной и той же страницей несколько часов и вызубрить ее механически, нежели подумать серьезно несколько минут. Мало этого: серьезный умственный труд утомляет непривычного человека быстрее, чем самый сильный труд физический»[1].

Как же приучить к умственному труду школьников? «Организм человека должен приучаться к умственному труду понемногу, осторожно; но действуя таким образом, можно дать ему привычку легко и без всякого вреда для здоровья выносить продолжительный умственный труд. Вместе с этой привычкой трудиться умственно приобретается и любовь к такому труду или, лучше сказать, жажда его. Человек, привыкший трудиться умственно, скучает без такого труда, ищет его и, конечно, находит на каждом шагу»[2].

Ушинский глубоко раскрывает внутренние основы труда. Суть дела заключается в усилии, в систематических усилиях, направленных к достижению поставленной задачи. «Усилие — глубокая вещь, в которую стоит вдуматься», — замечает Ушинский по поводу мыслей Гершеля. Развивая свои соображения по этому вопросу, Ушинский записывает: «Но, признав душу и ее власть над телом, мы легко объясним себе принуждение, в которое она ставит тело своими требованиями, и чувство усилия, все увеличиваясь, чем более воля требует затраты сил и вызова их из более необходимых мест работы — это насилие воли может итти до повреждения организма — и чудес факирских»[3].

Это усилие в умственной деятельности выражается прежде всего в активном или произвольном внимании, то-есть том компоненте психической жизни человека, который предваряет, сопровождает и заключает все без исключения познавательные процессы.

Основной путь решения вопросов о средствах пробуждения школьников к учению, по Ушинскому, заключается в воспитании у школьников серьезного взгляда на жизнь и в такой организации их учения, при котором оно ходом своего движения, направляемого педа-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 163.
[2] Там же.
[3] Собрание неизданных соч. К. Д. Ушинского. Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, и материалы для биографии, СПб., 1908, стр. 36—37.

гогом, вызывает и интерес, и внимание, и, самое главное, посильно разумную деятельность детей.

Правильная организация учебной деятельности детей имеет поэтому решающее значение и для успешного учения и для воспитания: «...разумно устроенная классная деятельность есть одно из рациональнейших и действительнейших средств, не только предупреждающее нравственные детские болезни, но и излечивающее их разумной деятельностью и той правильной жизнью, которой проживает ребенок в свои два часа в классе» [1]. Различные меры поощрения и наказания Ушинский рассматривает как педагогические средства уже производного характера.

Анализ вопроса о процессе обучения и, в частности, вопроса о роли пассивного и активного внимания, приводит Ушинского к выводу о значении интереса в обучении. «Всякое интересное для детей ученье, чтение, рассказ способствует развитию пассивного внимания. Но одного пассивного внимания еще недостаточно, и даже развитое преждевременно чрезмерно и без содействия активного внимания... оно может превратиться в болезненное состояние души, которая делается какою-то бессильною, ленивою, требует беспрестанно раздражения интересными рассказами или интересным чтением, не может закрыть своих дверей, не может углубиться в себя и остаться наедине сама с собою, не может из себя ничего самостоятельного вызвать и проводит самую пассивную жизнь... Пробуждая интересы к окружающему в душе ребенка, и в особенности интересы к слушанию занимательных рассказов, мы должны остерегаться, чтобы не перейти границу благоразумия и не обессилить детской души, кормя ее только интересным для нее да интересным и не возбуждая ее к самостоятельной деятельности, которая прежде всего выражается в активном внимании»[2].

Чтобы понять, насколько плодотворны выводы Ушинского о роли активного и пассивного внимания и интереса в обучении и как много ясности вносит он в вопрос о побуждении школьников к учению, стоит привести высказывания по этому же вопросу Гербарта.

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр 151.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 171.

«Вообще внимание, — говорит Гербарт, — есть старание достигнуть приращения существующих представлений. Оно бывает произвольное и непроизвольное. Внимание произвольное зависит от заранее принятого намерения; учитель часто добивается его увещаниями или угрозами. Гораздо выше и богаче результатами внимание непроизвольное; его надобно получить посредством искусства преподавания: именно в нем заключается тот интерес, который мы имеем в виду»[1].

И различие концепций, и различие уровня научного решения проблемы о внимании у Гербарта и Ушинского выступают предельно ясно. Для Ушинского пассивное внимание, развитое преимущественно перед активным и в ущерб последнему, является педагогически малоценным и даже вредным, потому, что ведет к болезненно-пассивному состоянию души. Для Гербарта непроизвольное (то-есть пассивное) внимание оказывается гораздо выше и богаче результатами, чем внимание произвольное (то-есть активное). Источник активного внимания Ушинский видит в возбуждении самостоятельной деятельности школьника самим процессом учения. По Гербарту, учитель часто добивается (именно это слово очень ясно выражает суть дела) его увещаниями и угрозами.

Самостоятельная деятельность учащихся, по Ушинскому, возбуждается ходом учения. Полное раскрытие этого тезиса содержится в анализе процесса усвоения знаний учащимися.

ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПРЕДМЕТОВ, ИЗУЧАЕМЫХ ШКОЛЬНИКАМИ

Разумная деятельность детей в обучении требует, в свою очередь, ясности и обоснования. В чем она должна состоять? Каков главный путь обучения, которым безошибочно может итти учитель? Каков путь приобретения учащимися знаний? Таковы вопросы, на которые нужно было дать ответ.

Для обоснования ответов на эти вопросы Ушинский проводит анализ процесса умственной деятельности

[1] Гербарт, Главнейшие педагогические сочинения, М., 1906, стр. 105.

человека. Ушинский формулирует эти выводы в следующих словах: «Верность наших заключений и вся правильность нашего мышления зависят, во-первых, от верности данных, из которых мы делаем логический вывод, и, во-вторых, от верности самого вывода. Как бы ни были логически верны наши выводы, но если данные, воспринятые нами из внешнего мира, неверны, то и выводы будут ложны. Отсюда вытекает обязанность для первоначального обучения — учить дитя наблюдать верно и обогащать его душу возможно полными, верными, яркими образами, которые потом становятся элементами его мыслительного процесса»[1].

Отличительной особенностью учения школьника как раз и является то, что он проделывает первые шаги обобщений конкретного материала своих наблюдений и образует представления и понятия под руководством учителя. В этом заключается одно из главных отличий обучения от научного познания.

Основой же этих представлений и понятий является чувственное восприятие предметов реальной действительности, а первые собственные обобщения единичных впечатлений и представлений имеют огромное значение для всего последующего умственного развития человека. Ребенок, должен начинать изучать науку (в доступной для него форме) непременно с первичных наблюдений и сам проделывать обобщения — на первых порах самые простейшие. Понятна поэтому та исключительная забота Ушинского о правильной постановке начального обучения, которая привела его к очень глубоким педагогическим выводам. Стала ясной роль личных наблюдений учащихся в начальной школе.

Ушинский ставит огромной важности вопрос о том, как обеспечить «верность данных, из которых мы делаем логический вывод», т. е. правильность наблюдений. Решение этого вопроса он видит в разумном проведении наглядного обучения и в использовании жизненных наблюдений ребенка. «Прочную мысль наглядного обучения положил еще Руссо, — другие только показали возможность ее выполнения. Вот в сжатых и ясных словах вся необходимость наглядного обучения. «Так как все, проникающее в человеческий разум, идет туда пу-

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

тем чувства, то первая стадия в развитии разума — это разумение чувственное; оно служит основанием для разумения умственного: первые наши учителя философии — это наши ноги, руки, глаза. Заменить все это книгами не значит учить нас рассуждать; это значит учить нас пользоваться чужим разумом, учить нас много верить и никогда ничего не знать»[1].

Наглядность обучения обосновывается у Ушинского тем, что источником человеческих знаний являются ощущения, впечатления, опыт. «Материя, или, вернее сказать, движения материи явились для человека причиною всех тех ощущений, которые он испытует независимо от своего произвола»[2]. Вместе с тем Ушинский усматривает основания наглядного обучения, особенно на первоначальной его стадии и в характере психической деятельности ребенка. Ведь «...дитя, если можно так выразиться, мыслит формами, красками, звуками, ощущениями вообще, и тот напрасно и вредно насиловал бы детскую природу, кто захотел бы заставить ее мыслить иначе... Детская природа ясно требует наглядности»[3].

Наглядное, по Ушинскому, «...такое учение, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком: будут ли эти образы восприняты при самом ученье, под руководством наставника, или прежде, самостоятельным наблюдением ребенка, так что наставник находит в душе дитяти уже готовый образ и на нем строит ученье»[4].

Наглядность обучения имеет очень важное значение в обучении. Для того чтобы школьник усвоил прочно те или иные знания, необходимо заставить участвовать в усвоении возможно большее число ощущений: зрительных, слуховых, осязательных, обонятельных и вкусовых, если изучаемые предметы, как, например, некоторые предметы из естественных наук, это позволяют.

Ушинский подчеркивает, что во всяком наблюдении есть элементы сравнения, сопоставления, выделения

[1] Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского, Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, 1908, стр. 197.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 379.

[3] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

[4] Там же, стр. 155.

главного. Наблюдение предполагает целенаправленный мыслительный процесс, а мышление начинается с наблюдения. Даже «...всякое определенное ощущение есть уже результат сравнения, а сравнение, как известно, есть основная отличительная деятельность рассудка. На этом основании мы признали..., что уже при образовании первых ощущений работает рассудок»[1]. «...Мы вправе вывести,—говорит Ушинский,—что ощущение или сознавание есть не более, как различение, плод сравнения, и что там, где невозможны сравнение и различение,—нет ощущений и нет сознания»[2]. Вот почему утверждает Ушинский: «Если ученье имеет претензию на развитие ума в детях, то оно должно упражнять их способность наблюдения»[3]. И это понятно, так как «...главную цель наглядного обучения составляет упражнение наблюдательности, логичности и умение выражать в словах свои наблюдения и логические из них выводы»[4].

Подтверждение этого положения Ушинский видит в том, что «...ничто не может быть важнее в жизни, как уметь видеть предмет со всех сторон и в среде тех отношений, в которые он поставлен».

Уменье видеть умственными глазами нашими предмет в центре всех его отношений составляет отличительный признак великих умов,—утверждает Ушинский. Анализируя слова Неккер-де-Соссюр о развитии этой способности у великих полководцев и администраторов, которые ведут разом тысячи различных нитей, следят за их соединением, разделением, перекрещиванием, потому что эти люди, так сказать, видят все предметы своей мысли разом. Ушинский указывает: если это так, то очень важно сообщить детям такой способ представления, который позволил бы им обнимать разом множество предметов вместе и созерцать их внутренне, не разделяя[5].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 313.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 210.

[3] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

[4] К. Д. Ушинский, О первоначальном преподавании русского языка, Собр. пед. соч., т. II, стр. 145.

[5] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 230.

Но эту способность нельзя образовать только посредством языка. Необходимо изучение конкретных явлений. Ушинский обогащает понимание наглядности в обучении. Во-первых, важны не только те наглядные образы, которые восприняты в процессе обучения, но и те наглядные представления, которые приобретены ребенком прежде в жизни, в процессе его самостоятельных наблюдений. В связи с этим Ушинский высоко ценит в обучении тот жизненный опыт, который ребенок приобретает до школы. Во-вторых, главное значение наглядного обучения не в приобретении наглядных представлений, хотя они очень важны. Главное — в развитии наблюдательности, мышления и речи школьника.

Наглядное обучение обосновывается тем, что «непосредственно воспринятые нами из внешнего мира образы являются ... единственными материалами, над которыми работает наша мыслительная способность, хотя идея работы принадлежит нам» [1].

ПОНИМАНИЕ ИЗУЧАЕМЫХ ПРЕДМЕТОВ И ЯВЛЕНИЙ

Как же обеспечить «верность логических выводов» школьников в обучении? Как происходит мыслительная работа и каков путь образования первичных суждений, понятий при изучении фактов, а вместе с тем и путь развития мышления?

Ответ на этот вопрос в общей форме дается Ушинским в его анализе актов деятельности сознания. Процесс мышления совершается в форме понятий. «Понять предмет или явление и значит не что иное как составить об них понятие, а составить понятие о предмете или явлении значит соединить, не сливая, т. е. сочетать те признаки предмета или явления, которые мы считаем ему присущими». Указывая, что Гегель «определил понятие только как стремление духа уловить общее в бесчисленных признаках предметов и, по своему обыкновению, обратясь к этимологии, показал, что самое слово Begriff (понятие) происходит от глагола, (begreifen, ergreifen), т. е. ловить», Ушинский продолжает: «Замечательно, что и на нашем языке слово понятие и слово понимать имеют общий корень с

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

глаголом поймать, так что понятие можно передать словом уловление, т. е. процесс улавливания общих признаков, мелькающих в массе единичных представлений: это неоконченный процесс, беспрестанно совершающийся и никогда не завершающийся вполне до тех пор, пока это ловимое нами понятие по форме не превратится в слово, а содержание его не выразится в духе нашем идеею»[1].

Процесс образования понятий, — говорит Ушинский, — сложный. В нем «...мы:

1) сознаем разом несколько различных ощущений, понятий, представлений, суждений и т. д.;

2) сознаем их сходство;

3) сознаем их различие;

4) сознаем их отношения в этих сходствах и различиях и

5) соединяем в один вывод, не уничтожая различия»[2] (разрядка наша. — *М. Д.*).

Деятельность мышления тесно связана с речью, так что развивать речь это значит почти то же, что и развивать мышление.

При этом следует иметь в виду, что «всякая новая мысль не может быть высказана сразу вся, особенно, если она вытекает из сложных и разнообразных наблюдений, принадлежащих к различным областям знания»[3].

Что значит понять реальный предмет? — спрашивает Ушинский и отвечает: «Итак, понять реальный предмет значит определить верно его положение в мире реальных предметов и узнать его отношение к ним. Что значит, например, узнать цветок? Узнать род, вид, семью, к которым он принадлежит, и узнать отношения его особи к солнцу, дождю, человеку, животным и т. д. Это и значит постичь цветок. Что же мы делаем во всем этом процессе познавания? Сравниваем, различаем, сводим сходство и различие в суждение и суждение сливаем в понятие данного цветка»[4].

Существенно важным средством мышления является суждение, в котором мысль оформляется. «Сужде-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 310—311.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 312.

[3] Там же, стр. 313.

[4] К. Д. Ушинский, «Рассудочный процесс», журн. «Педагог. сборник», 1867, кн. VIII—IX, стр. 748.

ние,—говорит Ушинский,—есть не более, как то же понятие, но еще в процессе своего образования. Оконченное суждение превращается в понятие»[1]. В суждении делаются яснее и представления и понятия.

Ушинский и в этом вопросе вносит свое, новое и правильное, в воззрения, высказанные его предшественниками. Так, например, по поводу замечания Бенеке о том, что в суждении особенное представление становится яснее через соединение с понятием, а понятие, в свою очередь, освежается через присоединение к нему особенного представления, Ушинский пишет: «Заметка эта очень верна, но к ней следует прибавить, что представление наше становится яснее в том только случае, когда мы поняли особенности данного представления, выдвигающие его из понятия и мешающие ему слиться с понятием, от чего собственно и происходит суждение. Если же этого нет, то суждение есть не более, как словесный акт, ничего не прибавляющий к рассудку, и может потому иметь только значение грамматического примера. Это уже не суждение, а пустая форма суждения. Действительное же суждение есть непременно знание чего-нибудь особенного, нового»[2].

Это меткое и глубокое замечание о пустой форме суждения имеет очень важное значение. Суждение оказывается содержательным в том случае, если в нем отражается и соединение и различение понятия и представления. «Сознание разом отражает это соединение и различение в форме, которую мы называем суждением»[3].

К вопросу о роли логической обработки и группировки материала, над которым работает наше сознание, Ушинский подходит и в связи с рассмотрением вопроса о чувстве умственного напряжения. Признавая это чувство закономерным, поскольку оно выражает, что «...число материалов, которые должны быть одновременно обняты сознанием, чтобы оно могло свести их в одно понятие, превышает силы души», Ушинский утверждает, что это чувство хорошо знакомо каждому человеку, занимавшемуся умственным трудом.

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. работа, стр. 745—746.
[2] Там же, стр. 745.
[3] Там же, стр. 744.

Как ни велика роль умственного напряжения для успешной познавательной деятельности, однако, оказывается, что главная роль принадлежит предварительной обработке материала сознания (образованию представлений, суждений и понятий). И вопрос, не поддававшийся нашему умственному напряжению, оказывается разрешенным (или ясной становится ложность его решения), как только мы вновь проделаем предварительную, логическую обработку соответствующего материала.

Значение этой предварительной обработки материала столь велико, что Ушинский формулирует парадоксальное положение: «Умственным напряжением ничего не возьмешь: испытав его, человек поворачивает назад и принимается за переработку и перестановку материала. Мы не всегда ясно помним этот свой собственный прием, после которого мы иногда, с поражающей нас легкостью, понимаем то, чего прежде не могли понять, несмотря на все наше умственное усилие, выражавшееся чувством умственного напряжения. Но стоит только постараться припомнить, каким образом мы достигли этой легкости понимания того, что прежде казалось нам столь трудным, и мы непременно увидим, что мы предварительно поработали над самим материалом понимания. Понимание этого великого психического закона и уменье им пользоваться составляет основание дидактики или искусства передачи сведений» [1].

О РОЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДРАЖАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Именно чувство умственного напряжения является очень важным признаком самостоятельности мышления. Ушинский прекрасно понимал значение вопроса о соотношении самостоятельных усилий и подражания в учении школьников. «Основная идея при изучении отечественного языка состоит в том, что дитя может выразить ясно и самостоятельно только ту мысль, которую и усвоит так же ясно и самостоятельно» [2].

Однако Ушинский не допускает и мысли об обучении путем только самостоятельных усилий школьника.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. II, стр. 193.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 248.

«Нет сомнения, — говорит он, — что дети (в младшем школьном возрасте. — *М. Д.*) более всего учатся, подражая; но ошибочно было бы думать, что из подражания сама собою вырастет самостоятельная деятельность. Подражание дает много материала для самостоятельной деятельности; но если бы не было самостоятельной деятельности, независимой от подражания, то нечему было бы и подражать. Самостоятельная деятельность не появляется потом с возрастом... Вот почему воспитатель по временам должен отступать от ребенка и совершенно предоставлять его самому себе. Зерно самостоятельности скрывается глубже в душе дитяти, чем может проникнуть туда воспитание, и сами попытки туда проникнуть могут только помешать развитию зерна. Воспитание может много, но не все»[1].

Ушинский неоднократно, в связи с самыми разнообразными вопросами, формулирует мысль о правильном соотношении — готового знания, примера, образца в учении школьника и элементов его самостоятельных творческих усилий. Так, отстаивая необходимость на начальном этапе обучения «учения вслух», путем проговаривания урока по книге, т. е. подражания образцу, Ушинский указывает: «Но этим я никак не хочу сказать, что дитя не должно было приучать к самостоятельной передаче своих мыслей в самостоятельно выработываемой фразе. Это необходимо, и притом с самого начала ученья; но учитель должен сознавать трудность этого, уже творческого процесса, всю бедность детского запаса в словах и выражениях и, следовательно, упражнять в этом дитя постепенно, обогащая его в то же время затверженными, но хорошо осознанными словами и выражениями. Одно так же необходимо, как и другое. Если бы мы захотели, чтобы дитя, как этого и добивались некоторые педагоги, само создало из созерцания предметов (Anschauungs-unterricht) весь свой язык, то не ушли бы далеко и напрасно связали бы душу ученика необыкновенной бедностью слов и выражений. Вот почему и то заучиванье чужих фраз и слов, которым богаты французские школы, и то самостоятельное самообучение, выводимое из созерцания предметов, которое приводила крайняя песталоццневская школа,

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, ч. II, стр. 409.

имеют обе свои дурные и хорошие стороны; а уменье педагога в том и состоит, чтобы воспользоваться хорошими и избежать дурных, пополняя и исправляя одну методу другой» [1].

Суть дела заключается в том, чтобы «...дети, по возможности, трудились самостоятельно, а учитель руководил этим самостоятельным трудом и давал для него материал» [2].

Ушинский глубоко проникает в этот вопрос и возникновение самостоятельных мыслей, усилий, попыток, рассматривает, как проявление органически развивающихся умственных сил ребенка. Он приходит к выводу, что преждевременно развитая самостоятельность ребенка, вызванная искусною методикою, но не коренящаяся в природном развитии действительных сил ребенка, часто оказывается мнимой самостоятельностью, проявляющейся только в классной обстановке.

Подобные явления, по его наблюдениям, часто встречаются в германских школах. «Германская педагогика, увлеченная философским направлением, внесла его даже в элементарные школы, и если раннее умственное развитие детей невольно поражает в них наблюдателя, то он напрасно будет искать вне школы плодов этого развития. Развитие это было преждевременно вызвано сообщением идей учителя ученику, а не самостоятельной работой над фактами и потому редко приносит желаемый плод. Зародыши образов и будущих идей рано и насильственно раскрываются в душе ребенка и теряют силу развития, которая заменяется каким-то туманным признаком. Это все равно, что раскрывать руками зарождающиеся почки цветов. Сравните искусственно и преждевременно развернутую розу с тою, которая развернулась силою собственной зрелости, и вы поймете всю разницу между образом, созревшим самостоятельно в душе человека в форму идеи, и зародышем образа, преждевременно развернутым идеею другого... Самостоятельность развития, которая насильно вытягивается из души хитро придуманной методой, только кажущаяся самостоятельность... Сама строгая логическая последовательность герман-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., т. I, стр. 143.
[2] К. Д. Ушинский, ст. О народности в общественном воспитании, Собр. пед. соч., т. I, стр. 86.

ских метод вредна для развивающейся души, которая не может уйти ни на минуту с своей работой в творческие глубины природы» [1].

ЗАУЧИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАМЯТИ УЧАЩИХСЯ В ОБУЧЕНИИ

Всемерно отстаивая идею сознательности школьника в обучении и показывая пути осуществления этой идеи на всех этапах, во всех моментах процесса обучения, — при наблюдениях и первичном восприятии объяснений учителя, при разучивании материала по учебнику, в разнообразных упражнениях и при повторении учебного материала, Ушинский убедительно доказывает необходимость такого простого средства обучения как заучивание с целью обогащения сознания фактическим материалом и развития памяти школьника.

И этот вопрос обосновывается Ушинским исходя из анализа деятельности развитого сознания человека. Так, при рассмотрении попыток Бэкона классифицировать явления по их различным признакам и составлять специальные таблицы, Ушинский скептически относится к этим таблицам, видя в них отзвук средневековой схоластики. Но в то же время он высоко оценивает ту ревность, с которой Бэкон подбирает всевозможные факты, и его заботу о том, «...чтобы не упустить (факт — *М. Д.*) из виду, не позволить ему скрыться от «суда ума». «И действительно, — говорит Ушинский, — трудно вперед рассчитать, в каком отношении нам может быть полезен тот или другой факт. Факт, повидимому, самый незначительный и который мы затрудняемся поместить куда-нибудь (речь идет о месте факта в таблицах. — *М. Д.*), может бросить самый яркий свет на все собрание однородных с ним фактов, смотря по тому, в какую комбинацию войдет с ними, комбинацию, часто совершенно случайную и неожиданную для того самого, в чьей голове она совершается. Вот почему громадная память, хотя иногда исключительно направленная на факты одной какой-нибудь категории явлений, и сильное деятельное воображение, беспрестанно и быстро перебирающее эти факты в сознании и

[1] К. Д. Ушинский, ст. О народности в общественном воспитании, Собр. пед. соч., т. I, стр. 85—86.

беспрестанно комбинирующее их в самые разнообразные и прихотливые сочетания, составляют отличительную черту в характере тех личностей, которые подарили мир какими-нибудь новыми открытиями и изобретениями. К этому присоединяется еще необычайное упорство мысли, работающей все в одной сфере и в одном направлении... Самый легкий, особенный оттенок в каком-нибудь факте изучаемого явления может уже дать новую мысль, а самая прихотливая комбинация наиболее отстоящих друг от друга фактов может навести на мнение наиболее замечательное» [1].

В этих словах содержится совершенно правильное и педагогически ценное положение о теснейшей связи мышления, памяти и воображения в деятельности человека и о единстве сознания. Понятно поэтому, что и в обучении, придавая главное внимание развитию мышления и речи, отнюдь не следует пренебрегать развитием памяти. Оказывается, развитая память и деятельное воображение — непременные спутники творческого мышления.

Ушинский специально выясняет вопрос о роли механического заучивания в процессе обучения. Он указывает: «Новая педагогика, в противоположность прежней, схоластической, поставила уж слишком низко механическую память и механическое заучивание; однако же, такое заучивание все же остается материальной основой всякого учения, как бы оно рассудочно ни было, и оказывается исключительно возможным там, где нельзя построить никакой рассудочной ассоциации» (например: заучивание собственных имен, дат, числа жителей, первых иностранных слов и т. д.). И Ушинский заключает: «...сколько бы мы ни старались внести рассудочный элемент во все ученье дитяти, всегда останется много и очень много такого, что может быть взято механической памятью. Вот почему ученье никак не должно пренебрегать этой памятью, хотя и не должно, с другой стороны, на ней одной только основываться, как это часто было в старинных схоластических школах» [2].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 408.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 178—179.

ПРИВЫЧКИ И НАВЫКИ В ОБУЧЕНИИ

В тесной связи с этими положениями Ушинский рассматривает вопрос о роли сознательных и привычных, механических действий в обучении, о значении привычек и навыков. Непонимание природы привычек и навыков приводило психологов и педагогов к многочисленным ошибкам и противоречиям. Предстояло дать обоснованный ответ на этот вопрос.

И Ушинский, исходя из анализа деятельности взрослого, развитого человека, формулирует этот ответ. «В каждом слове, которое мы произносим, в каждом движении руки при письме, во всяком мастерстве есть непременно своя доля навыка, доля рефлекса, более или менее укоренившегося. Если б человек не имел способности к навыку, то не мог бы подвинуться ни на одну ступень в своем развитии, задерживаемый беспрестанно бесчисленными трудностями, которые можно преодолеть только навыком, освободив ум и волю для нозых работ и для новых побед. Вот почему то воспитание, которое упустило бы из виду сообщение воспитанникам полезных навыков и заботилось единственно об их умственном развитии, лишило бы это самое развитие его сильнейшей опоры; а именно эта ошибка, заметная отчасти и в германском воспитании, много вредила нам и вредит до сих пор... навык во многом делает человека свободным и прокладывает ему путь к дальнейшему прогрессу...» [1].

Основной педагогический вывод из этого анализа ясен: выработка привычек и навыков имеет очень важное значение, и воспитание, «строящее на них свое здание, строит его прочно». «Не только в воспитании характера, но также и в образовании ума и в обогащении его необходимыми знаниями нервная сила привычки, только в другой форме, в форме навыка, имеет первостепенное значение. Всякий, кто учил детей чтению, письму и началам наук, заметил, без сомнения, какую важную роль играет при этом навык, приобретаемый учащимся от упражнения и мало-помалу укореняющийся в его нервной системе в форме рефлективных бессознательных или полубессознательных движений» [1].

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 135.

Ушинский обстоятельно разработал вопрос о выработке умений и навыков в обучении. Обучение на всех этапах является сознательной для детей деятельностью и потому необходимо развивать умственные силы ребенка. Но нельзя при этом забывать, что в процессе сознательной деятельности школьник должен приобретать умения и навыки, т. е. привычные для него действия. Так, например, при обучении чтению и письму нужно, насколько только возможно, развивать сознание ребенка, но в то же время необходимо добиваться, чтобы процесс чтения и письма от упражнения превращался постепенно в навык, освобождая сознание и волю ребенка для других, более высоких видов умственной деятельности.

Ушинский всюду подчеркивает теснейшую связь усвоения знаний и выработки навыков. Вместе с тем он указывает, что навыки приобретаются путем сознательной деятельности школьников. Путь механической тренировки не годится для этой цели. «Даже в самой сознательной из наук, математике, навык играет значительную роль. Конечно, учитель математики должен заботиться прежде всего о том, чтобы всякое математическое действие было вполне сознано учеником, но вслед затем он должен заботиться и о том, чтобы частое упражнение в этом действии превратило его для учащегося в полусознательный навык, так, чтобы, решая какую-нибудь задачу высшей алгебры, ученик не тратил уже своего сознания и воли на припоминание низших арифметических действий. Дурно, если ученик при решении уравнений будет задумываться над табличкой умножения, хотя, конечно, изучение таблицы умножения не должно быть механическим» [2].

Основным средством выработки навыков являются упражнения, которые должны следовать за ясным пониманием того или иного правила, обобщения. Выработка навыков теснейшим образом связана с усвоением знаний. Ушинский стремится показать взаимодействие, взаимопроникновение знаний и навыков в процессе обучения. Так, говоря о разучивании школьниками учеб-

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в применении к воспитанию. Цитир. по «Избр. пед. соч.» К. Д. Ушинского, Учпедгиз, 1945, стр. 493.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. источник, стр. 494.

ного материала путем умственных и словесных упражнений, Ушинский указывает: «Главною целью этих упражнений должно быть полное усвоение и ясное выражение самого реального положительного знания, причем побочным образом будут упражняться и умственные силы и способности слова» [1].

Таковы главнейшие положения Ушинского об основах правильно поставленного процесса учения. Сущность обучения, по Ушинскому: а) в возбуждении у учащихся внутренней потребности в знании; б) в развитии разума ребенка путем организации его наблюдений, опытов; в) в вооружении учащихся положительными знаниями; г) в воспитании «жажды» труда и привычки к упорному систематическому умственному труду; д) в воспитании убеждений и нравственности. От подобного понимания природы процесса обучения Ушинский подходит к формулировке системы дидактических положений, правил и советов.

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 149.

Глава пятая

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАВИЛА ПО УШИНСКОМУ

ОСНОВАНИЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ И ПРАВИЛ

Дидактические положения и правила логически вытекают из общей дидактической концепции. Однако дидактика не может перечислить все правила и способы преподавания. «Она только указывает на главнейшие правила и на наиболее выдающиеся приемы. Практическое же применение их бесконечно разнообразно и зависит от самого наставника. Никакая дидактика и никакой учебник не могут заменить наставника: они только облегчают ему труд» [1].

Переходя к вопросу о порядке расположения дидактических положений, необходимо иметь в виду, что программа педагогики для специальных классов женских учебных заведений в разделе «Дидактика» перечисляет необходимые условия преподавания «в тесном смысле слова»: 1) своевременность, 2) постепенность, 3) органичность, 4) постоянство, 5) твердость усвоения, 6) ясность, 7) самодеятельность учащегося, 8) отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной легкости, 9) нравственность, 10) полезность. Здесь перечислены важнейшие общедидактические требования к успешности обучения. Отметим, что в состав этих условий вошли элементы различной логической природы: наряду с условиями («своевременность»), вошли правила («отсутствие чрезмерной напряженности и чрезмерной

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II, Избр. пед. соч., т. II, стр. 439.

легкости») и дидактические принципы («самодеятельность учащихся»). Нет оснований поэтому рассматривать приведенный в программе перечень как систему дидактических положений.

Нельзя также принять безоговорочно за основу расположение дидактических правил в книге «Руководство к преподаванию по «Родному слову», так как Ушинский указывал, что в ней изложены «...отрывочно главнейшие правила первоначального обучения» [1].

Сличение содержания этой книги, являющейся, как это видно из слов Ушинского, первым этапом разработки дидактики начального обучения, с программой по педагогике — в разделе дидактики — показывает много общего по содержанию, но вместе с тем и существенное различие порядка рассмотрения дидактических вопросов в каждом из этих произведений. И это понятно. В одном случае речь идет о практическом руководстве для учителя по вопросам преподавания русского языка, хотя попутно рассматриваются и вопросы дидактики начального обучения. В другом произведении рассматриваются наиболее общие вопросы дидактики. Дальше будет показано, что Ушинский разработал и дидактику первоначального обучения и общую дидактику.

Предлагаемое ниже расположение дидактических положений и правил, по нашему мнению, является наиболее соответствующим порядку изложения дидактики, задуманному Ушинским. Мы выделяем основные правила и положения, чтобы сделать ясной основную линию логического движения материала.

1. Учение детей есть основа их органического умственного развития. Оно должно проводиться своевременно

«Угадать настоящее время для начала ученья довольно трудно и, конечно, есть дело практики; но во всяком случае, лучше начать ученье несколько позднее, чем несколько раньше, хотя как то, так и другое имеет свои дурные стороны».

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. I, Избр. пед. соч., т. II, стр. 141.

Если вы начинаете вообще учить ребенка раньше, чем он созрел для ученья, или учить его какому-нибудь предмету, содержание которого приходится ему еще не по возрасту, то неминуемо встретитесь с такими препятствиями в его природе, которые может преодолеть только одно время, и чем настойчивее будете вы бороться с этими препятствиями возраста, тем более принесете вы вреда вашему ученику. Вы требуете от него невозможного: требуете, чтобы он стал выше своего собственного развития, забывая, что всякое органическое развитие совершается в определенный период времени и что наше дело — не ускорять и не замедлять этого развития, а только давать ему здоровую пищу». Большое зло попыток преждевременного развития ребенка заключается в том, что «...встречаясь преждевременно с чрезмерными требованиями ученья вообще и какого-нибудь отдельного предмета в особенности и нападая на непреодолимые по возрасту трудности, дитя может потерять веру в свои собственные силы, и эта неуверенность может в нем так укорениться, что надолго замедлит его успехи в ученье» [1].

2. Ученье детей есть труд и должно возбуждаться факторами, свойственными умственной трудовой деятельности, посильной для школьника

«...Способность к постоянству умственной деятельности в одном направлении есть одно из важнейших условий всякого ученья, но способность эта развивается мало-помалу, постепенно; а преждевременными чрезмерными усилиями вы можете только подорвать это развитие и заметите, что дитя не только перестанет итти вперед, но как бы подвинется назад, будто в душе его лопнула какая-то слишком натянутая струна. Приучайте же ребенка к постоянству деятельности в одном направлении, но приучайте осторожно, понемногу...» [2].

Ушинский признает необходимость использования широкого круга средств побуждения школьников к учению, среди которых огромное значение имеет их интерес. Однако нельзя переоценивать роли этого фактора. «Надеяться на самый интерес и занимательное изложе-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 141—142.
[2] Там же, стр. 144.

ние предмета можно только, и то не всегда, в университетах; но в средних и низших учебных заведениях нельзя ожидать, чтоб ученик сам увлекался предметом; но должно иметь методу, которая помогает учителю держать внимание всех своих слушателей постоянно в возбужденном состоянии...» [1]. «Мы думаем, что лучше всего приучить дитя прямо к выполнению его учебных обязанностей, каковы бы они ни были; но облегчать ему эти обязанности там, где можно, интересом предмета» [2]. И Ушинский дает развернутую систему приемов и средств приучения школьников к серьезному труду.

Нужно воспитать у школьников привычку к труду. Она достигается тем, что «преподавание всякого предмета должно непременно итти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы» [3].

Ученик должен быть деятельным в обучении. «Более всего необходимо, чтобы для воспитанника сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове; потому что в эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность» [4]. У Ушинского речь идет о целенаправленной деятельности учащихся, которая характеризуется ясным пониманием задач учения, сознательным выполнением этих задач — в каждом конкретном случае, с применением имеющегося опыта.

Надо отметить важность воспитания уважения к обучению и важность усилий детей в овладении знаниями. «Еще недостаточно, чтобы сам наставник смотрел на свой предмет и говорил о нем серьезно, чтобы он приступал к своему делу с полным сознанием важности его значения, должно еще, чтобы начальники заведений, сами родители и все взрослые люди, окружающие дитя, смотрели с уважением на его детские усилия пройти с помощью наставника гигантскую дорогу, пройденную человечеством. Как яда, как огня, надобно бояться, чтобы к мальчику не забралась идея, что он учится

---

[1] К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении, Собр. пед. соч., т. I, стр. 165.

[2] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 194.

[3] К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении, Собр. пед. соч., т. I, стр. 163.

[4] Там же, стр. 164.

только для того, чтобы как-нибудь надуть своих экзаминаторов и получить чин, что наука есть только билет для входа в общественную жизнь, который следует бросить или позабыть в кармане, когда швейцар пропустил уже вас в залу, где и прошедший без билета или с фальшивым или чужим билетом смотрит с одинаковой самоуверенностью...» [1].

Определенная роль в побуждении детей к учению принадлежит поощрениям и наказаниям. Ушинский, в соответствии с общей концепцией о процессе обучения, не придает этим средствам первенствующей роли. Он рассматривает поощрение и наказание в качестве своеобразных педагогических лекарств, которые требуют умелого применения. «Воспитатель не должен никогда хвалить дитя в сравнении с другими, но только в сравнении с его собственным прежним несовершенством, или еще лучше в сравнении с нормою того совершенства, которое достигается» [2]. При этом поощрение имеет более важное значение, чем порицание. Ушинский замечает: «Да, дети ненавидят учителей, от которых никогда не дождешься одобрения или признания того, что хорошо сделано. А у иных входит в систему никогда не хвалить; это убивает стремление к совершенству: кто бранит, должен уметь и хвалить» [3].

Таковы общие средства и приемы побуждения учащихся к учению.

3. Учение школьников состоит в сознательном усвоении знаний и в выработке умений самостоятельно приобретать знания

Активная деятельность учащихся в обучении вызывается пониманием задач работы и разумным применением их сил и опыта. Необходимость организации и наблюдений учащихся и их разносторонней умственной деятельности обусловливает и методы обучения. «Всякий правильный метод учения от известного для мальчиков должен переходить к неизвестному, а не наоборот. Предметы естественных наук уже наполовину зна-

---

[1] К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении. Собр. пед. соч., т. I.

[2] Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского. Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, 1908, стр. 67.

[3] Там же, стр. 62.

комы ребенку, если он на них посмотрел; заставьте его смотреть внимательнее, вводите его вопросами в существенные подробности предмета, и вам останется только сказать несколько слов, выразить одну мысль, уже шевелящуюся в голове ученика, и вы дадите прочное основание его знаниям о предмете и подымете мышление воспитанника на одну ступень выше. При такой методике учения возбуждается та самостоятельная работа головы учащегося, которая составляет единственное основание всякого плодовитого учения» [1].

«...Ни один наставник не должен забывать, что его главнейшая обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду и что эта обязанность более важна, нежели передача самого предмета» [2].

Задача приучения учащихся к самостоятельной работе лучше всего решается в процессе усвоения знаний, так что, в конце концов, оказывается, что сознательное усвоение знаний и выработка умений самостоятельно работать и приобретать знания — две стороны одной и той же задачи. Заключая свои указания о работе с детьми по «Родному слову», Ушинский пишет: «При всех этих занятиях, как устных, так и письменных, наставник должен как можно более оставлять самостоятельности ученику: пусть сам ученик изучает грамматику, руководимый учебником и под надзором наставника. Независимо уже от специальной цели изучения грамматики посредством самостоятельных наблюдений над языком, мы имеем еще цель, как в этой части «Родного слова», так и в прочих, приучить дитя к самостоятельной работе и к самостоятельной беседе с книгой, которая перед ним раскрыта. Приучить дитя к разумной беседе с книгой и приохотить к такой беседе — есть, по нашему мнению, одна из важнейших задач школы» [3].

Здесь высказана одна из важнейших идей дидактики Ушинского: сознательное усвоение знаний есть в то же время наилучший способ приобретения учащимися умений самостоятельно овладевать знаниями, при условии

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 162.
[2] К. Д. Ушинский, Труд в его психическом и воспитательном значении, Собр. пед. соч., т. I, стр. 165.
[3] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 429.

самостоятельных наблюдений, чтения книги и «беседы с нею».

Как ни ценно развитие мышления ребенка, было бы неправильным придерживаться в обучении только одностороннего чисто рассудочного обучения, пренебрегающего усвоением реальных знаний о предметах и явлениях, окружающих ребенка. Надо учить применять приобретенные знания на практике: «Дельное же воспитание должно брать средний путь: должно обогащать человека знаниями и, в то же время, приучать его пользоваться этими богатствами; а так как оно имеет дело с человеком растущим и развивающимся, умственные потребности которого все расширяются и будут расширяться, то должно не только удовлетворять потребностям настоящей минуты, но и делать запас на будущее время» [1].

Сознательное усвоение знаний, как, впрочем, и вся умственная деятельность школьника, зависит прежде всего от внимания.

4. Необходимо систематически воспитывать внимание учащихся

«Развить в ученике внимание к научным предметам — значит проложить ему широкую и легкую дорогу к учению. Внимание — единственные ворота, через которые сознательное знание, одно только плодовитое, может перейти в умственные способности ученика. Недостаток способностей в ученике есть, по большей части, не более, как неуменье быть внимательным, и в этом неуменье всего более виновата сама школа; потому что уменье не родится с человеком (детское внимание всегда мгновенно), а приобретается навыком. Вот почему... нам кажется, что уменье учителя занять в свой урок всех учеников есть критериум учительского достоинства...» [2].

«Зная, что напряженность внимания есть необходимое условие прочного и верного восприятия памятью,

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 186.

[2] К. Д. Ушинский, Внутреннее устройство северо-американских школ, Собр. пед. соч., т. II, стр. 55.

воспитатель должен приучать воспитанника все к сильнейшему и продолжительнейшему сосредоточению внимания. Этот же последний акт... зависит или от силы воли воспитанника и от власти, приобретенной им над своим нервным организмом, или от интереса, возбуждаемого самым предметом усвоения» [1].

Раскрыв огромное значение внимания в обучении и доказав, что задача учителя заключается в последовательном развитии умений учащихся сосредоточивать свое внимание, Ушинский разработал подробно относящиеся к этому правила. Приведем основные указания К. Д. Ушинского об этом:

а) «Должно делать ученье занимательным для ребенка, но в то же время должно требовать от детей точного исполнения и незанимательных для них задач, не наклоняя слишком ни в ту, ни в другую сторону, давая пищу пассивному вниманию и упражняя активное, которое, хотя и слабо в ребенке, но может и должно развиваться и крепнуть от упражнения» [2].

б) На всех стадиях обучения нужно применять разнообразные средства развития пассивного и активного внимания, а именно: вводить интересный материал, наряду с менее интересным или даже вовсе не интересным, но нужным, чередовать виды занятий (особенно в младших классах). Вместе с тем, следует помнить, что наглядность обучения и образность рассказа учителя помогают установить внимание школьников. Рассматривая с этой точки зрения «деловые статейки» в начальной школе, Ушинский доказывает, что эти статейки очень «удобны... для умственных и письменных упражнений, для выводов, сравнений и умозаключений, что ...статейка, вовсе не интересная для дитяти по содержанию, делается для него интересною по той работе, которую она дает, по тем упражнениям, для которых она и написана» [3].

Существенным средством развития внимания является постепенное увеличение требующихся от учащихся

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 194.

[2] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 172.

[3] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 184.

умственных усилий. Иллюстрацию этого правила можно видеть уже в первой части «Родного слова». Так, например, в § 18 «месяцы весенние, летние, осенние и зимние ...названия месяцев уже не разделены, а нарочито смешаны для той цели, чтобы дети, после беседы с учителем, результатом которой должно быть усвоение детьми названий месяцев в порядке и по временам года, могли уже сами привесть в должный порядок слова учебника. Дети читают так: октябрь — осенний месяц, май — весенний и т. д. Потом читают одни весенние, одни осенние и т. д. и, наконец, пишут все названия месяцев по порядку и временам года»[1]. Этой же цели служат упражнения: закончить начатую фразу, ответить на поставленный вопрос, изменить фразу... Все это — задания, требующие умственной работы школьника, начавшейся с малого и легкого.

Постепенное усложнение умственной деятельности учащихся достигается при разумных методах обучения. Так, при наблюдениях учащиеся побуждаются всматриваться в предметы, устанавливать признаки сходства и различия между ними, группировать предметы по их главным признакам. Эта мыслительная деятельность учащихся содействует развитию активного их внимания.

Отсюда следует, что средства воспитания внимания коренятся, по Ушинскому, в правильной постановке обучения в целом.

5. Усвоение знаний начинается с упорядочения и систематизации имеющихся у детей конкретных представлений, опыта и переживаний

В приведенной выше программе по педагогике содержится очень интересный пункт. «Важное значение первых восприятий в душевной истории человека вообще и, в частности, значение их в умственном развитии и в учении». Признание большой роли первых восприятий означает необходимость опоры на них при последующем приобретении знаний.

Ребенок приходит в школу, имея уже те или иные наблюдения, некоторый опыт, запас слов и т. п. С чего следует начать обучение, чтобы вызвать активность школьника и возбудить работу его сознания? Ушинский отвечает: «Должно сначала приучить детей отдавать се-

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 173.

бе отчет о тех мыслях, которые уже есть в их головах, правильно думать и выражаться о тех предметах, с которыми они более или менее знакомы. Понятий, мыслей и познаний слов и выражений в голове десятилетнего ребенка уже весьма много, более, может быть, чем он приобретает их во все последующее свое учение. Но эти понятия и мысли, познания, слова и фразы вливались в детскую голову разновременно, случайно, в беспорядке, безотчетно, часто перемешиваясь с множеством ошибок. Лучшее начало учения состоит именно в том, чтобы привести в порядок, уяснить то, что уже собрано в детскую голову, превратить безотчетные знания в сознательные и тем самым пробудить деятельность сознания и преподать ребенку ту самостоятельность, при которой только учение и становится полезным»[1].

Было бы неправильным применять это дидактическое правило только в первоначальном обучении. Оно оказывается действительным и в средних и в старших классах. «Хороший педагог, прежде чем сообщить какое-нибудь сведение ученикам, обдумает: какие ассоциации по противоположности или по сходству может оно составить со сведениями, уже укоренившимися в головах учеников, и, обратив внимание учащихся на сходство или различие нового сведения со старым, прочно вплетет новое звено в цепь старых, а потом нарочно подымет старые звенья вместе с новыми и тем самым укрепит прочнее новые ассоциации»[2].

Таким путем обеспечивается преемственность между познавательной деятельностью ребенка до школы, протекающей стихийно, и процессом обучения в школе.

6. Педагог должен учить детей правильно наблюдать изучаемые предметы и явления и делать из наблюдений обоснованные выводы, заключения и обобщения.

«Сознавая всю важность первых ассоциаций, следов, составляющих, так сказать, фундамент памяти, на ко-

---

[1] Из записок К. Д. Ушинского о первоначальном преподавании русского языка (по неизданным бумагам архива Смольного института), ст. В. Чернышева, «Педагогический листок», 1910, № 8, стр. 582.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 228.

тором она строится, привязывая новые звенья к прежним, — воспитатель позаботится, чтобы вообще при начале ученья, и при начале изучения каждого предмета в особенности заложены были самые прочные и самым прочным образом сознанные ассоциации. На этой необходимости основывается великое значение наглядного обучения вообще и наглядности в первоначальном обучении каждому предмету» [1].

Значение наглядности в обучении определяется далее тем, что она «...есть необходимое условие самостоятельного понимания ребенком той или другой мысли...» [2].

Наглядное обучение — это «...такое ученье, которое строится не на отвлеченных представлениях и словах, а на конкретных образах, непосредственно воспринятых ребенком: будут ли эти образы восприняты при самом ученье, под руководством наставника, или прежде, самостоятельным наблюдением ребенка, так что наставник находит в душе дитяти уже готовый образ и на нем строит ученье. Этот ход ученья, от конкретного к абстрактному, отвлеченному, от представлений к мысли, так естественен и основывается на таких ясных психических законах, что отвергать его необходимость может только тот, кто вообще отвергает необходимость сообразоваться в обучении с требованием человеческой природы вообще и детской в особенности» [3].

В качестве приемов наглядного обучения Ушинский рекомендует: показывание картинок и рассказывание по картинкам; рассмотрение предметов, наблюдение явлений природы в натуре. При этом все это должно быть подчинено задачам первоначального обучения: «...для беседы с детьми должно выбирать предметы, которые легко и удобно могут быть ими наблюдаемы, следовательно, предметы наглядные и притом из мира, детям доступного. Эти наблюдения и вытекающие из них беседы не должны быть беспорядочны и бессвязны, но должны быть расположены так, чтобы новая беседа дополняла предшествующие, а предшествующие беседы

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 190.

[2] К. Д. Ушинский, Избр. пед. соч., т. II, стр. 244.

[3] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 155.

служили, в свою очередь, для пополнения и уяснения новой» [1].

Для приучения детей к созерцанию предметов на уроках чтения Ушинский рекомендует преподавателю прежде чтения статьи показывать предмет и своими вопросами заставлять сделать их хотя отрывочное, но подробное описание. В ответах на эти вопросы должен участвовать весь класс, а в самых вопросах должна быть соблюдаема постепенность сообразно развитию детей; так, например, преподаватель спрашивает сначала начинающих учеников: Какой цвет предмета? Из чего он сделан? Какова его величина сравнительно с другими предметами? Сколько ног? Сколько крыльев? и т. п., а впоследствии он уже может задавать такие вопросы: перечислите существенные признаки предмета; расскажите пользу, которую он может приносить человеку; и т. п. [2].

Ушинский широко понимает наглядность и отличает ее от пассивного, неосознанного зрительного восприятия. Его правила о применении наглядности в изучении грамматики имеют принципиальное значение. «Так как грамматика есть результат наблюдений человека над собственным языком, а не язык — результат грамматики, то самый рациональный прием изучения грамматики будет такой, при котором стараются обратить внимание дитяти на то, как он говорит, и только руководят его наблюдениями над теми грамматическими законами, которым он бессознательно подчиняется в своей речи, усвоенной подражанием, но созданной самосознанием» [3].

Конечно, это возможно только под руководством учителя. «Руководство наставника при этом, без сомнения, необходимо: предоставленное самому себе, дитя, конечно, не сделает никаких наблюдений над таким сложным, обширным и притом невидимым явлением, каким представляется человеческое слово во всей его исторической и логической организации. Но при этом руководстве должно, сколько возможно более, остав-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 394.
[2] К. Д. Ушинский, Предисловие к 1-му изд. «Детского мира», Собр. пед. соч., т. II, стр. 86.
[3] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 398

лять самостоятельности ученику. Сознание этой необходимости, — говорит Ушинский, — требует применения вопросительного способа изложения...»[1], который и приведен (по преимуществу) в книжке — первоначальной грамматике.

Наглядное обучение расширяет и обогащает представления ребенка и дает тот материал, на котором строятся его знания. Но главное значение наглядного обучения заключается в том, что оно позволяет учить детей самостоятельно наблюдать, а затем делать выводы из наблюдений, сравнивать их, обобщать виденное.

7. Наряду с наблюдениями нужно применять объяснение материала учителем и сократический метод

Высоко оценивая роль непосредственного восприятия изучаемых предметов, Ушинский не склонен, однако, ограничивать процесс обучения только этим. Он указывает педагогу и другие важнейшие приемы учебной работы. Ведь восприятие предмета часто не означает его понимания. «Если наставник хочет, чтобы дитя я с н о поняло и действительно у с в о и л о какую-нибудь новую для него м ы с л ь, то лучше всего достигает этого сократическим способом. Вызывая из дитяти два или многие, уже существующие в его душе, представления, обращая внимание на противоречия или сходство этих представлений, наставник открывает самому ученику возможность совершенно самостоятельно или с необходимой помощью (чем меньше помощи, тем лучше) преодолеть противоречие и вывести новую истину. Конечно, приложение сократического метода не во всех науках одинаково возможно. Так, например, он более приложим в науках математических или философских, чем в истории. Каждая математическая или философская истина может быть выведена сократическим способом, тогда как факты исторические, географические, статистические должны быть непосредственно сообщаемы памяти ученика. Однако же и в этих последних науках, как только дело коснется оценки факта, понимания его настоящего значения, так сократический метод может и должен быть применен. Конечно, дело идет гораздо бы-

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 398.

стрее, когда учитель сам высказывает оценку факта или навязывает ученику свою, уже готовую мысль; но при этом всегда является опасность, что ученик примет мысль учителя (не факты) бессознательно, на веру, т. е. примет ее ложно, примет за факт, когда она только мысль» [1].

Приведем пример применения сократического метода, как его представлял Ушинский, в связи с задачей подведения учащихся к пониманию грамматических категорий в начальной школе [2].

Дети читают отрывок из сказки «О рыбаке и рыбке».

Учитель спрашивает: «Кого зовут стариком? Кого зовут старухой?»

Стало быть, слово «старик» есть имя, которое дают старому мужчине, а слово «старуха», есть имя, которое дают... (кому?). Что называется морем?... Следовательно, слово «море» есть имя предмета. Все, что существует, имеет свое имя, которое и называется именем существительным, или существительным именем, говорит учитель, обобщая мысли, возникшие в головах школьников.

Дальше учитель ставит вопросы: У какого моря (по цвету) жил старик со старухой? Какие предметы знаете вы с и н е г о цвета? К чему еще можно приложить качество с и н и й?

К чему можно приложить качество красный, твердый, круглый, острый? Стало быть слова синий, красный, твердый, — суть имена не самих предметов, а качеств предмета.

В ы в о д и т с я п р а в и л о: «имена предметов называются именами существительными, ибо ими обозначается все существующее; а имена (названия) качеств предмета называются именами прилагательными, ибо они прилагаются к именам предметов».

Затем: «Н а и м е н у й т е предметы, находящиеся в вашем классе. Наименуйте качества классной доски по цвету, по форме, по материалу, из которого она сделана. Наименуйте предметы, которые встречаются в саду.

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 187—188.

[2] К. Д. Ушинский, «Родное слово», год третий, 1870, стр. 12.

Наименуйте качество яблока по форме, по цвету, по вкусу, по зрелости».

Понятие о корне слова образуется у учащихся таким путем:

Учитель: «Разделите на слоги слова: старик и старуха. Сколько слогов в каждом? Какие в этих словах буквы общие и какие различные? В них обоих общий слог (?) — стар, потому, что и старик, и старуха — оба стары. Эта общая многим словам часть слова, придающая ему словный смысл, называется коренной частью слова, а слоги — ик —и —уха — «прибавки».

Дальше — отыскать общую коренную часть в словах — учитель, ученик, ученье, учить, ученица, ученый. Синий, синяк, синька, синица, синеть, посинеть, посинелый, синеватый.

Здесь приведен материал, конечно, не одного урока. Важно то, что дети, если можно так выразиться, участвуют в создании грамматических правил на доступном им материале, в беседе анализируют слова и подходят к простейшим обобщениям.

Ушинский определяет так значение и роль сократического метода: «Сократический способ преподавания имеет, кроме других своих преимуществ, то еще хорошее свойство, что удерживает самого наставника от п р е ж д е в р е м е н н о г о сообщения детям иных рассудочных комбинаций: дети поймут при сократическом способе в этих комбинациях настолько, насколько станет у них действительной силы в данное время, т. е. станет их знаний и ума. Но если даже предположить, что ученик поймет мысль, объясненную ему учителем, то и в таком случае мысль эта никогда не уляжется в голове его так прочно и сознательно, никогда не сделается такою полною собственностью ученика, как тогда, когда он сам ее выработает, только обратив внимание на сходство или различие уже укоренившихся в нем представлений» [1].

Итак, устный рассказ, вопросы ученикам, их ответы и объяснение учителя, наряду с детскими наблюдениями, являются, по Ушинскому, важнейшими методами обучения. «Педагогический рассказ не только должен отличаться занимательностью, как и всякий другой,

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 205—206.

но и заключать в себе еще чисто педагогические качества: он должен быть таков, чтобы мог легко запечатлеться в голове детей; чтобы, дослушав рассказ до конца, дитя помнило его середину и начало; чтобы подробности не затемняли главного и чтобы главное, будучи лишено подробностей, не оказалось сухим» [1].

8. Систéматическое развитие мышления и речи учащихся — главное в обучении

В процессе обучения учитель должен развивать логическое мышление учащихся. Развивать мышление учащихся, а не только опираться на него в обучении,—вот чего требует Ушинский.

Приводя мнение Гельмгольца о недостаточности развития самостоятельного мышления у студентов немецкого университета и указывая на его предложение устранить этот пробел путем улучшения преподавания математики в средней школе, Ушинский считает, что эта мера является частичной. «Мы же полагаем, что гимназическое подготовление в этом отношении до тех пор не будет удовлетворять университетским требованиям, пока в нем не будет обращено должное внимание на развитие логического мышления учащихся. Как ни плохо было прежде преподавание логики в гимназиях, но оно было необходимостью. Следовало подумать о том, чтобы улучшить это преподавание, а не вычеркивать его из программ одним росчерком пера... Но не одно преподавание логики как отдельной науки может и должно пополнить этот пробел. Столь же важно, если еще не важнее, чтобы все предметы преподавались л о г и ч е с к и: чтобы занятие каждым предметом развивало логичность в мыслях учащегося. Такая логичность может и должна быть проведена в низших и средних учебных заведениях от первых уроков наглядного обучения и родного языка до высшего курса истории и литературы. Но для этого необходимо, чтобы сами преподаватели были знакомы с требованиями логики и привыкли удовлетворять им. Привычка же эта дается более всего дельным специальным педагогическим приготовлением» [2].

---

[1] К. Д. У ш и н с к и й, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 102.

[2] К. Д. У ш и н с к и й, Вопрос о душе в его современном состоянии, «Отечественные записки», № 11—12, 1866, стр. 85.

Работа педагога по развитию мышления учащихся должна быть начата с первого года обучения детей. Так, уже при первоначальном изучении языка следует сравнивать, сопоставлять, группировать предметы. Для этого необходимо «...предварительно приучить детей отыскивать, перечислять и излагать в порядке признаки предметов, находящихся у них перед глазами, потом сравнивать между собой несколько знакомых уже им предметов, находя между ними сходство и различие... Когда ученики привыкнут отыскивать и различать признаки, тогда уже можно сообщить им, что такое признак; когда же приобретут навык находить сходство и различие между предметами и вследствие того размещать их по родам и видам, можно уже сообщить весьма легко, что такое сравнение, что такое суждение, род, вид и т. д.» [1].

В логической деятельности школьников ведущую роль должны занимать сравнения. И это понятно, — говорит Ушинский, — ведь все в мире познается сравнением. Основная роль сравнения в познавательной деятельности «указывает уже на то, что в дидактике сравнение должно быть основным приемом. Если вы хотите, чтобы какой-нибудь предмет внешней природы был понят ясно, то отличайте его от самых сходных с ним предметов и находите в нем сходство с самыми отдаленными от него предметами: тогда только вы выясните себе все существенные признаки предмета, а это значит понять предмет» [2].

С целью развития мышления и речи необходимо применять в обучении упражнения учащихся в описании тех или иных предметов, находящихся у них перед глазами. Так, например, при чтении плана класса следует с точностью обозначить длину и ширину предметов, выражать словами относительное их положение, рассказывать: из чего предмет сделан, какое его употребление, его форма и т. п.

«Упражнение это чрезвычайно полезно и в том отношении, что приучает дитя к самой зоркой наблюдательности, к строгому порядку в мыслях и строгой точ-

---

[1] К. Д. Ушинский, Предисловие к 1-му изданию «Детского мира». Избр. пед. соч., т. I, стр. 178—179.

[2] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 436.

ности в выражениях; а все это такие драгоценные качества, которые, конечно, должно стараться укоренить и развить в ребенке» [1].

Тем самым Ушинский доказывает, что наблюдения учащихся являются и процессом их мышления. Поэтому «для первых упражнений необходимо, чтобы предмет непосредственно отражался в душе дитяти, и, так сказать, на глазах учителя и под его руководством, ощущения дитяти превращались в понятия, из понятий составлялась мысль и мысль облекалась в слово» [2].

Наблюдения учащихся, по Ушинскому, являются важнейшим актом постижения предметов и явлений, причин и законов. При этом «не все признаки созерцаемого нами предмета соединяем мы в понятие предмета. В этом случае мы отделяем признаки существенные от признаков несущественных. Так, мы называем железом и большой кусок и малый; не обращаем внимания также на форму куска, на то, заржавел ли он или нет, и т. д.» [3]. Таким образом, понять предмет природы значит просто подметить его признаки, которые кажутся нам наиболее постоянными, и соединить их в одно понятие.

«В этом деле могущественную помощь нашему изучению природы оказывает классификация... Классификация... служит к определению предметов и есть прекрасный, сокращающий прием, которым обширно пользуются не только наука, но и вообще всякий человек в своем мышлении» [4].

Значение классификации Ушинский показывает на простом примере. Так, перечисляя признаки золота, например, мы, естественно, должны сначала показать, что золото есть тело, потом перечислить признаки, отличающие его от организма, потом признаки, отличающие его от других минералов, и т. д. Вместо всего этого, мы прямо говорим: «Золото есть металл» и потом уже перечисляем специфические признаки как одного из металлов. Но для этого очень важно основа-

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 187—188.
[2] Д. Д. Ушинский, Педагогическая поездка по Швейцарии. Собр. пед соч., т. I, стр. 378.
[3] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 333.
[4] К. Д. Ушинский, цитир. труд, стр. 334.

тельно выработать понятие о металле и установить его место в ряду других предметов природы.

Развитие мышления в процессе обучения достигается различными путями. Важно не только дать ученикам знание, но и «пробудить умственные способности учеников к самодеятельности и сообщить им привычку к ней...» [1]. Однако это — необходимая, но еще недостаточная часть всей задачи. Важно научить учащихся правильно размышлять.

Ушинский рассматривает применительно к обучению такие умственные операции, как индукцию и дедукцию. Изучение науки детьми по необходимости должно итти преимущественно индуктивным путем, но всякая индукция непременно опирается на то или иное обобщение, которое является результатом предшествующей индукции (см. стр. 74).

Ушинский показывает теснейшую связь развития мышления и речи. «Основание разумной, чисто человеческой речи заключается в верном логическом мышлении, а верное логическое мышление, как мы это показали, возникает не из чего иного, как из верных и точных наблюдений» [2]. Проблема развития речи приобретает у Ушинского свое действительное основание и вместе с тем включается в число проблем науки педагогики (а не только частной дидактики или методики).

Каковы же требования к правильной речи?

«Та речь хороша, которая выражает как раз то, что должна выразить: ни более, ни менее. Всякие украшения речи, не имеющие отношения к ее содержанию, только портят ее...» [3]. Успех в работе по развитию речи учащихся достигается в том случае, если все разнообразные и обширные цели изучения отечественного языка будут объединены и осуществляться совместно. «К этому ведут три рода совместных занятий, а именно: 1) беседы с детьми, 2) толковое чтение и чтение наизусть литературных образцов и 3) изучение грамматики».

Ушинский придает изучению грамматики огромное

---

[1] К. Д. Ушинский, Воскресные школы, Избр. пед. соч., т. I, стр. 225.

[2] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 394.

[3] К. Д. Ушинский, там же.

общеобразовательное значение, так как «...грамматика, преподаваемая логически, начинает развивать самосознание человека, т. е. именно ту способность, вследствие которой человек является человеком между животными. Вот почему грамматику не без основания причислили к числу наук, очеловечивающих человека (humaniora)» [1].

С целью развития мышления необходимо заставлять учащихся пользоваться усвоенными понятиями и приводить их в разнообразные комбинации.

Таким путем можно преодолеть наблюдающееся у школьников неуменье привести в систему и умело пользоваться теми представлениями, понятиями и идеями, которые ими усвоены. Этот недостаток объясняется тем, что ученик запоминает весь материал в том порядке, в каком он его заучивал. При прежнем схоластическом обучении все представления, понятия и даже идеи, усвоенные школьником, лежали в его голове «мертвыми вереницами», так что даже идеи, близкие по содержанию, могли «прожить в такой, поистине, темной голове десятки лет и не увидеть друг друга». Нужно стремиться к тому, чтобы все усвоенные человеком представления, понятия и идеи находились во взаимодействии, чтобы «...понятия и идеи видели бы и знали друг друга». На этом и основывается «...потребность заставлять дитя приводить усвоенные им понятия в разнообразные комбинации» [2].

Таково решение Ушинским вопроса о развитии мышления учащихся [3].

9. Обучение не может быть успешным без заучивания учебного материала, упражнений и повторений, систематических по содержанию и разнообразных по форме

Необходимость заучивания, повторения и упражнений была доказана и теоретически и практически задолго до Ушинского. Известно, что еще Коменский

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 392

[2] Там же, стр. 174.

[3] Этому вопросу посвящена статья Н. А. Менчинской, «Вопросы мышления в работах К. Д. Ушинского», журн. «Начальная школа», 1945, № 12.

формулировал систему дидактических правил прочного усвоения учебного материала.

Заслуга Ушинского заключается в том, что он рассматривает заучивание, повторение и упражнение в качестве органических элементов обучения и убедительно показывает, что ведущая дидактическая идея о развитии мышления учащихся в процессе усвоения знаний полностью реализуется в заучивании, упражнениях и повторении. Ушинский снял перегородку, отделяющую изучение нового материала от повторения: все это тесно связанные между собою составные части процесса обучения.

Повторение, по Ушинскому, должно стать средством углубления и уточнения знаний, оно призвано развивать мышление и память учащихся и именно поэтому оно становится важнейшим условием прочности усвоения знаний. Дидактические правила о повторении связаны с правилами о наглядности обучения, о развитии мышления учащихся. Дидактические правила о заучивании и повторении систематизированы самим Ушинским[1]. Приведем главные положения и правила, относящиеся к этим важным моментам обучения:

Для запоминания и заучивания огромное значение имеет первоначальное восприятие. Поэтому «...педагог, желающий что-нибудь прочно запечатлеть в детской памяти, должен позаботиться о том, чтобы как можно более органов чувств — глаз, ухо, голос, чувство мускульных движений и даже, если возможно, обоняние и вкус, — приняли участие в акте запоминания... При таком дружном содействии всех органов в акте усвоения вы победите самую ленивую память. Конечно, такое сложное усвоение будет происходить медленно, но не должно забывать, что первая победа памяти облегчает вторую, вторая — третью и т. д. Прочное и всестороннее усвоение памятью первых образов чрезвычайно важно, потому что... чем прочнее залягут в памяти дитяти эти первые образы, даваемые учением, тем легче и прочнее будут ложиться последующие, ко-

---

[1] Имеется в виду труд Ушинского «Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания», Педагогические приложения анализа памяти, Собр. пед. соч., т. II. стр. 177.

нечно, если между этими и последующими образами есть связь» [1].

«Понимая всю важность прочности этих первых ассоциаций, воспитатель будет возвращаться к ним при каждом удобном случае и не для того только, чтобы испытывать, прочен ли фундамент, но и для того, чтобы повторением делать его все прочнее и прочнее, так как по мере учения он выдерживает все большую и большую тяжесть» [2].

«Понимая, что всякий след памяти есть не только след протекшего ощущения, но в то же время и сила для приобретения нового, воспитатель будет беспрестанно заботиться о сохранении этих сил, так как в них лежит залог для приобретения новых сведений. Всякий шаг вперед должен опираться на повторение прежнего» [3].

Различая активное и пассивное повторение, Ушинский выясняет психологическую природу каждого из этих процессов.

«Активное повторение состоит в том, что ученик самостоятельно, не воспринимая впечатлений из внешнего мира, воспроизводит в самом себе следы воспринятых им прежде представлений. Это активное повторение гораздо действительнее пассивного, и способные дети инстинктивно предпочитают его первому: прочитав урок, они закрывают книгу и стараются проговорить на память» [4].

«Можно исправить иногда в ребенке замечательную неспособность к учению, приучив его к активному повторению урока, если он сам еще не открыл его пользы своим маленьким опытом» [5].

Активное повторение не только прочнее (чем пассивное) укрепляет знания, но и приучает школьника воплощать свои мысли в слова и другие формы внешнего выражения. «Отвечая вслух и с величайшей точ-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 149—150.

[2] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания. Собр. пед. соч., т. II, стр. 190.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 191.

[5] Там же.

ностью свой выученный урок, выражая изустно или письменно воспринятую мысль, рисуя на память изученную карту и тому подобное, учащийся приобретает навык воплощать в слово и отчасти в дело свой внутренний мир»[1].

Активное повторение предполагает припоминание. «Упорное припоминание есть труд, и труд иногда нелегкий, к которому должно приучать дитя понемногу, так как причиной забывчивости часто бывает леность вспомнить забытое, а от этого укореняется дурная привычка небрежного обращения со следами наших воспоминаний. Вот почему учителя нетерпеливые, подсказывающие ребенку, как только он запнется, портят память дитяти»[2].

«Нет никакой надобности повторять выученное непременно в том порядке, в каком оно было выучено, а напротив, гораздо еще полезнее... повторения случайные, вводящие выученное в новые комбинации, т. е., другими словами: тем, что выучено, должно беспрестанно пользоваться, чтобы приучать и дитя пользоваться теми богатствами, которые приобрела его память»[3].

Повторение не должно ограничиваться припоминанием и буквальным воспроизведением изученного: «... при каждом повторении наставник вплетает какое-нибудь новое звено в установившуюся уже в детской голове сеть следов: или объясняет, что с намерением не было объяснено прежде, или добавляет какие-нибудь подробности, которых с намерением не сказал прежде, зная по опыту, что две-три лишние подробности, когда еще не укоренилось главное, могут подкопать все здание, и подробности, и главное, и что те же самые подробности и объяснения, передаваемые после того, как главное укоренилось, воспринимаются чрезвычайно легко и укореняются прочно»[4].

Другая важная задача повторения — предупреждение забывания. «Повторение с целью припомнить забытое показывает уже недостаток учения и, вообще,

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр 191.

[2] Там же, стр. 195.

[3] Там же, стр. 192.

[4] Там же.

плохое преподавание в школе. Плохая школа, как и плохое здание, беспрестанно чинится, поправляется и никогда не бывает в исправности; хорошая же школа, беспрестанно повторяя пройденное, никогда не нуждается в починках. Сами дети очень не любят повторения того, что ими было выучено и позабыто, и очень любят рассказывать и пересказывать то, что помнят. Воспользуйтесь же этим указанием детской природы и ведите беспрестанно повторение, предупреждающее забвение, чтобы не иметь никакой нужды повторять забытое. Забвение есть отчасти тоже дурная привычка; и дети, которых учили многому, но бестолково, которые беспрестанно забывали то, что выучивали, отличаются впоследствии дурной памятью» [1].

Повторение занимает не одинаковое место в обучении детей в различных классах. Общее правило здесь таково: «Чем менее возраст учащегося, тем чаще следует прибегать к повторениям, потому что первые следы науки укореняются гораздо труднее последующих» [2].

В тесной связи с повторением рассматриваются Ушинским упражнения. Упражнения всегда являются средством повторения, а активное повторение есть в то же время и упражнение. Приведем правила об упражнениях в связи с задачей развития «дара слова» [3]:

а) «Упражнения «должны быть по возможности самостоятельными, т. е. действительными упражнениями, а не кажущимися только. Если дитя с помощью учителя поймет мысль, выраженную писателем, и усвоит форму, в которой эта мысль выразилась, то это еще не значит, что оно упражняет дар слова; оно обогащает только свой ум, но собственная его способность дара слова может остаться совершенно не развитою. Пересказывание прочитанного своими словами также весьма плохое упражнение дара слова. Здесь ребенок борется с развитою формою мысли и языка, которые гораздо выше его собственного

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 193.

[2] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 190.

[3] К. Д. Ушинский, О первоначальном преподавании русского языка. Собр. пед. соч., т. II, стр. 142—152.

развития, и достигает только того, что пропусками, недомолвками, нелогическим перестанавливанием мысли искажает мысль и речь писателя. Так что дитя лучше бы сделало, если бы усвоило ее вполне. К этим упражнениям обыкновенно присоединяются в средних и старших классах так называемые сочинения на темы». И дальше Ушинский приводит главнейший признак этих работ: «Сочинения, если под ними разуметь упражнение дара слова..., должны быть действительно упражнениями, т. е. по возможности самостоятельными усилиями учащихся выразить изустно или письменно свою самостоятельную мысль, а не сшивкой чужих фраз».

б) «Упражнения дара слова должны быть систематические. ...не должно подавлять развития этой способности чрезмерными требованиями, а всякий раз давать такие упражнения, для выполнения которых требовались бы уже все силы, приобретенные этой способностью. Всякое новое упражнение должно находиться в связи с предыдущим, опираться на них и делать шаг вперед»...

в) «Упражнения должны быть логические». Нужно правильно подобрать материал упражнений, продумать их содержание и последовательность. Для развития речи в первоначальном обучении наиболее желательно обратиться к материалу природы. «Для развития логичности в мышлении и языке детей мы не можем выбрать более полезных для этого предметов, как предметы естественной истории. Логика природы есть самая доступная для детей, логика— наглядная и неопровержимая».

г) «Упражнения дара слова должны быть изустные и письменные, и притом изустные должны предшествовать письменным». При устных упражнениях вопрос всегда должен быть направлен ко всему классу, а не к отдельному ученику. «Письменные упражнения дара слова должны уже следовать после изустных в постепенности, сообразно с возрастом детей, их развитием, их навыком в механизме письма и их уменьем письменно излагать свои мысли». Начать нужно с описаний, подготавливаемых под руководством учителя. «Кроме упражнений в рассказах описательных, следует упражнять

дитя и в рассказах последовательных во времени, т. е. исторических, в рассказах событий, следующих одно за другим» .

Из отдельных правил, относящихся к упражнениям, считаем не лишним привести следующие:

«...лучше давать детям читать немногое, но с отчетом в прочитанном, чем многое без всякого отчета»[1].

Не следует задавать «... детям уроков, которые им не по силам, потому что такие уроки, которых дитя одолеть не может, надрывают память... и порождают у детей неуверенность в своих силах»[2].

Чем разнообразнее упражнения, тем лучше, «... следует только к каждому упражнению приступать обдуманно и не покидать его прежде чем ученики приобретут в нем некоторый навык. Больше же всего надобно избегать, чтобы какой-нибудь прием преподавания не обратился в рутину, потому что рутина освобождает ученика от необходимости мыслить. Надобно стараться, чтобы при каждом упражнении ученик должен был подумать, как это сделать, а не только припоминать, как оно делалось»[3].

Таким образом, повторение и упражнение рассматриваются Ушинским как важнейшие средства развития мышления и памяти ребенка. Но развитие познавательных сил ребенка не должно быть стихийным, беспорядочным. Ученье должно стать основой развития познавательных сил школьника.

10. Обучение должно быть систематическим

«Только система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями. Голова, наполненная отрывочными, бессвязными знаниями, похожа на кладовую, в которой все в беспорядке и где сам хозяин ничего не отыщет; голова, где только система без знания, похожа на лавку, в которой на всех ящиках есть надписи, а в

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания. Собр. пед. соч., т. II, стр. 193.

[2] Там же, стр. 196.

[3] К. Д. Ушинский, Предисловие к 1-му изданию «Детского мира», Собр. пед. соч., т. II, стр. 87.

ящиках пусто. Истинная педагогика, избегая обеих крайностей, дает ученикам прежде материал и по мере накопления этого материала приводит его в систему. Чем более и разнообразнее накопляется материал, тем выше становится система и, наконец, достигает до отвлеченности логических и философических положений»[1].

Ушинский много сделал для определения содержания обучения в начальных школах. Ему же принадлежит честь постановки и разработки вопроса об отборе и педагогической переработке материала науки для изучения в средних школах. В решении этого вопроса Ушинский пытается найти правильный путь сочетания содержания материала науки, которая «стучится в двери современной школы» с потребностями гармонического развития сил детей. «Из тех же законов постепенного развития человеческой природы вытекает необходимость педагогических применений в науках. Понятно само собою, что наука, в своем систематическом изложении, неодинаково удобна для изучения человеком во все возрасты его жизни, и что не только науки различаются в этом отношении, но что и во всякой науке есть многое, что должно быть взято механической памятью, другое рассудочною, а третье духовною... Теперь уже сознано почти всеми, что научное и педагогическое изложение науки две вещи разные, и педагоги всех стран деятельно трудятся над переработкою научных систем в педагогические... педагогическая переработка науки — дело очень и очень нелегкое»[2].

Отдавая ясный отчет в том, что этот вопрос связан с культурным развитием общества и имеет решающее значение для школы, Ушинский показывает всю сложность этого вопроса. Принимая во внимание громадное число необходимых для человека сведений, открытых доселе наукою, и учитывая краткость того периода жизни, который может быть посвящен ученью, Ушинский приходит к выводу, что давно пора серьезно подумать о том, чтобы оставить в наших школах и наших учебниках только то, что действительно необходи-

---

[1] К. Д. Ушинский, О первоначальном преподавании русского языка, Собр. пед. соч., т. II, стр. 162.

[2] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 199.

мо и полезно для человека, и выбросить все то, что держится только по рутине и изучается для того, чтобы быть впоследствии позабытым, а между тем отнимает много часов из короткого драгоценного периода жизни и загромождает память, также имеющую свои пределы. «О пользе знания тех или других наук писалось много, но пора бы уже подвергнуть генеральному смотру все науки и все сведения, в них полагаемые в педагогическом отношении, такому же, какому подвергнул их когда-то Бэкон в философии» [1].

Этой задачи К. Д. Ушинский не выполнил, но ее постановка и намеченный общий путь решения — составляют его заслугу.

11. Ученье есть могущественнейший орган воспитания

Во всех своих общепедагогических и дидактических работах Ушинский рассматривает ученье «... как одно из самых сильных воспитательных средств, как по своей важности, так и по обширности и разнообразию своих правил...» [2].

Воспитательное влияние обучения заложено прежде всего в систематическом характере его содержания. Приводя в порядок все наблюдения, научные сведения, собственные мысли, которые приобретает учащийся при изучении отдельных учебных предметов, обучение доводит знания учащихся по каждому предмету до системы. Более того, оно «...достигает до отвлеченности логических и философских положений. В постройке такого миросозерцания в голове учащихся принимают, конечно, участие преподаватели всех предметов; но мы полагаем, что ...на преподавателе русского языка и словесности лежит обязанность обзора всех приобретаемых детьми знаний и приведение их в стройную логическую систему, потому что родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинною собственностью человеческого сознания» [3].

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 200.

[2] К. Д. Ушинский, Программа педагогики для спец. классов женских уч. заведений, Избр. пед. соч., т. I, стр. 393.

[3] К. Д. Ушинский, О первоначальном преподавании русского языка, Собр. пед. соч., т. II, стр. 162.

Таким образом, воспитание мировоззрения учащихся на основе изучения положительных знаний составляет важнейшую, решающую задачу обучения, которая должна разрешаться в преподавании каждого учебного предмета. Исключительно велика, по Ушинскому, в этом деле роль преподавателя родного языка.

«Учитель русского языка не может ограничиться одним только преподаванием грамматики, а должен иметь в виду общее развитие учащихся. Он должен прежде всего сообщить ученику ясное и правильное понятие об окружающих предметах, что очень редко приносится ребенком в школу, научить его рассуждать о знакомых ему предметах и правильно выражать свои мысли», — писал Ушинский [1].

Но дело не исчерпывается этим. Весь процесс обучения должен быть воспитывающим. Обоснование этого положения покоится у Ушинского на сознании внутреннего единства всех душевных процессов человека, на единстве умственного и нравственного развития человека.

«Из ясного понимания нравственного значения того, что мы помним, также вытекают многие практические правила воспитания. Зная, что душевные чувства оставляют следы в памяти, как и представления, что следы представлений комбинируются со следами чувств, что из этих ассоциаций следов чувств и следов представлений происходят нравственные наклонности и страсти, — воспитатель будет видеть в способности памяти не только возможность влиять на умственное развитие воспитанника, но и на характер и на его нравственность. Само собою разумеется, что в том, что сообщается учением, не должно быть ничего безнравственного, и если в истории, например, сообщаются какие-нибудь безнравственные поступки отдельных личностей или народов, то они должны быть сообщаемы так, чтобы они возбуждали негодование, отвращение, презрение, а никак не восторженное удивление... не хорошо и то ученье, которое вовсе не затрагивает чувства, предоставляя ему развиваться под случайными и, может быть, вредными влияниями. Воспитатель должен пользоваться всяким случаем, что-

[1] Цитируем по кн.: А. Фролков, К. Д. Ушинский, СПб., 1911, стр. 84.

бы через посредство ученья закинуть в душу дитяти какое-нибудь доброе семя и связывать хорошее чувство с всяким представлением, с которым оно только может быть связано. Такие случаи беспрестанно представляются почти во всех науках: но часто бывает, что преподаватель не только не пользуется этим случаем, но, наоборот, сам портит то доброе или эстетическое чувство, которое представляет ему предмет. Так, например, нет никакой возможности, чтобы эстетическое или нравственное какое-нибудь стихотворение запало в душу ребенка, если изучение его обошлось ему дорого и сопровождалось, может быть, упреками и наказанием...» [1].

С горечью констатируя, что русский образованный человек его времени плохо знает свое отечество, Ушинский говорит: «Но отчего же это происходит? думал я с грустью, посещая географические уроки в заграничных школах. В любви к отечеству мы не уступали ни одному народу и доказали это не раз перед целым светом. Отчего же мы не хотим изучать то, что так любим? В этом больше всего виноваты сначала наша наука, а потом наша школа. Прежде всего необходимо сделать в русской школе..., главными предметами—русский язык, русскую географию, русскую историю, возле которых группировались бы все остальные; словом, обратить нашу школу к народности»...[2].

Главнейшим каналом воспитательного влияния на учащихся, по Ушинскому, является преподавание родного языка. «Усваивая родной язык, легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествующих ему поколений, давно уже истлевших в родной земле. Все, что видали, все, что испытали, все что перечувствовали и передумали эти бесконечные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывающему глаза на мир божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр 210.

[2] К. Д. Ушинский, Отчет командированного для осмотра заграничных женских учебных заведений, Собр. пед. соч., т. II, стр. 254.

язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк: оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ» [1].

«Язык народа..., являясь полнейшим отражением родины и духовной жизни народа, является в то же время для ребенка лучшим истолкователем окружающей его природы и жизни» [2].

Родной язык, по Ушинскому, является величайшим наставником и воспитателем молодых поколений.

«Ученье есть могущественный орган воспитания, и воспитатель, лишенный этого органа, потеряет главнейшее и действительнейшее средство иметь влияние на воспитанников» [3]. Отсюда Ушинский выводит положение о единстве учебных и воспитательных задач педагога. «Учители должны быть вместе и воспитателями, по крайней мере, в младших и средних классах гимназического курса. Наука в этом своем объеме и в этом возрасте учеников есть воспитание, и если воспитание имеет еще и другие средства, то наука все же остается самым могущественным из них.

Воспитатель — не учитель, надзирает за порядком, но не воспитывает; учитель — не воспитатель, учит, но тоже не воспитывает. В преподавателе среднего учебного заведения знание предмета далеко не составляет главного достоинства..., но главное достоинство гимназического преподавателя состоит в том, чтобы он умел воспитывать учеников своим предметом» [4].

---

[1] К. Д. Ушинский, «Родное слово», Собр. пед. соч., т. I, стр. 190—191.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 195.

[3] К. Д. Ушинский, Три элемента школы, Собр. пед. соч., т. II, стр. 26.

[4] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 28.

Ушинский придает решающее значение воспитанию любви к родине, к своему народу; а душа народа, его главное духовное достояние отражается в языке. Первейший путь в деле воспитания любви к народу заключается в том, чтобы «ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка». Нужно сделать каждого школьника прямым наследником «живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа». Книга Ушинского «Родное слово» являлась для своего времени замечательным средством патриотического воспитания детей. Все части «Родного слова» раскрывают перед детьми в доступной форме картины родной природы, дают описание жизни и труда народного. С первых же страниц этих книг автор вводит живую, мудрую народную речь. Только на первых трех страничках «Первой книги после азбуки» дано 12 пословиц и поговорок, 6 загадок, 4 народных песни, 2 сказки. Так нашли свое практическое применение идеи Ушинского о воспитывающем обучении.

Велика, по Ушинскому, роль патриотического воспитания молодежи и в средней школе. История русского народа, русской литературы и русского образования имеет много великих страниц проявления глубокого патриотизма. Вот почему «...нам смешно и жалко, больно и досадно слушать и читать, когда какой-нибудь литератор или наставник усиливается доказать, например, что французов в двенадцатом году побили морозы, что в истории нашей все достойно насмешки и презрения, или с наслаждением развенчивает Державина, Карамзина, Пушкина, Жуковского, Гоголя, показывая детям, какие это были мелочные, пошлые натуры, или доказывает с увлекательным жаром, что ни в нашем прошедшем, ни в нашем настоящем нет ничего такого, на чем могла бы остановиться юная душа с любовью и уважением» [1].

Это — не воспитание души человека, с негодованием говорит Ушинский, а скорее ее разрушение: «...это не образование, а дикость, вандализм, потому что только варварам свойственно не иметь истории и раз-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 250.

рушать драгоценнейшие ее памятники, истреблять все и не созидать ничего» [1].

Вместе с тем Ушинский стремится доказать учителям, как важно с первых шагов учения воспитать у школьников стремление к знаниям, любовь к науке, уважение к тем, кто своим трудом добился знаний.

В воспоминаниях о гимназии, в которой он учился, Ушинский отдает должное директору гимназии Тимковскому именно за воспитание любви к науке. «Между нами жило, мы и сами не знали почему, какое-то благоговейное уважение к науке и к тем немногим учителям и даже товарищам, которые ревностно ею занимались. Уменье переводить трудные места Горация или Тацита было патентом на всеобщее уважение. Такого ученика 7-го класса знали даже довольно оборванные мальчуганы первейшего (т. е. приготовительного) класса, смотрели на него с уважением и произносили его имя, как имя какого-нибудь Гумбольдта» [2].

Образовательное и воспитательное значение обучения, по Ушинскому, тем выше и плодотворнее, чем более глубоко оно захватывает школьников. Вот почему Ушинский особое внимание уделяет вопросу об особенностях физического, умственного и нравственного развития ребенка.

12. Обучение должно соответствовать особенностям умственного развития учащихся

Вся дидактика Ушинского, с ее центральной идеей о развитии познавательных сил школьника в процессе усвоения знаний, является дидактикой конкретной, учитывающей возрастные особенности учащихся. «Сообразно последовательному развитию сначала механической памяти, потом рассудочной и, наконец, духовной, и ученье должно давать сначала преимущественно (не исключительно) пищу для первой, потом для второй и, наконец, для третьей. Конечно, предполагается само собою, что воспитатель принимает человека за цельный организм и, обогащая механическую память следами

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 250.

[2] Собрание неизданных соч. К. Д. Ушинского. Материалы для «Педагогической антропологии», т. III. «Материалы для биографии», стр. 5.

ассоциаций, в то же время упражняет рассудок над этими ассоциациями и подготовляет материал для будущего развития дитяти. Точно так же, развивая рассудок воспитанника, воспитатель, с одной стороны, свяжет это развитие со следами механической памяти, не переставая ее обогащать, а с другой стороны, — направит рассудочные комбинации к порождению идей, двигающих вперед духовное развитие юноши. В юности идея должна сделаться главною духовною пищею человека: она должна возбуждать и рассудочные комбинации и формы их выражения в механической памяти. Для такого развития юность, всегда уже по природе идеальная, даст и силу и плодородную почву. Окончание юности и учебного периода должно быть отмечено специальным направлением, составляющим переход к практической жизни зрелого возраста.

Нарушение этих законов последовательного развития человеческой природы, — продолжает Ушинский, — ведет за собою печальные последствия. Пренебрежение обогащением механической памяти в годы отрочества дает пустых резонеров и отнимает возможность всякого плодотворного развития. Пренебрежение развитием рассудочной памяти, если оно делается в пользу развития механической, дает мертвых схоластов; если же оно делается в пользу идеального развития, дает нам столь же бесплодных фантазеров; пренебрежение дельного идеального развития в юношеском возрасте в пользу специального направления дает нам или узких эгоистов, людей сухих, рутинеров, или, смотря по натуре, опять же фантазеров, идеальная сторона которых, не получив должного воспитания, увлекает их в безобразные, ни на чем неосновательные полудикие фантазии» [1].

Эти выводы получены преимущественно из анализа развития памяти. В них лишь намечены некоторые особенности умственного развития растущего человека. Важно, однако, отметить, что и здесь, верный своему взгляду на единство процессов сознания человека, Ушинский рассматривает память в тесной связи с восприятием и мышлением.

---

[1] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 197—198.

На основе общедидактических положений Ушинский разрабатывает вопросы организации и методов обучения.

Они включены в программу педагогики (по разделу дидактики) в следующих выражениях:

«Общая организация учения. Необходимость плана. Его правильность и практичность. Два главные метода преподавания и учения: 1) метод синтетический; 2) метод аналитический.

Приемы преподавания: 1) прием догматический, или предлагающий. 2) Прием сократический, или спрашивающий. 3) Прием эвристический, или дающий задачи. 4) Прием акроаматический, или излагающий. Особенная приложимость этих приемов по возрастам и приемам учения. Необходимость их соединения в каждом преподавании» [1].

В трудах Ушинского, и больше всего в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову», содержится конкретная разработка многих из этих вопросов: об общей организации учения, о приеме обучения и др. В разработке этих вопросов Ушинский исходит из своей общей концепции о сущности обучения и из дидактических положений, сформулированных им [2].

Очень важно отметить, что Ушинский стремится показать разнообразие методов обучения и относительное значение каждого из них. При этом подчеркивается зависимость применения методов от своеобразия учебного предмета и возраста учащихся.

Обозревая дидактическое наследство Ушинского, мы приходим к выводу, что К. Д. Ушинский разработал, хотя и не закончил, оригинальную систему дидактики, дающую надежное руководство к разумной постановке обучения.

---

[1] К. Д. Ушинский, Программа педагогики, Избр. пед соч., т. I, стр. 399.

[2] Рассмотрению вопроса организации обучения в трудах Ушинского посвящена специальная работа проф. С. В. Иванова, «К. Д. Ушинский об уроке и условиях успешного обучения», Труды Воронежского гос. университета, т. XIV, вып. 2, Воронеж, 1947.

СВОЕОБРАЗНЫЕ ЧЕРТЫ ДИДАКТИКИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В тесной связи с общей дидактикой, Ушинский разработал теорию первоначального обучения. Здесь мы видим не только применение идей общей дидактики к особенностям обучения детей, начинающих учиться, но и дальнейшее развитие педагогических положений.

Ушинский утверждает: «...чем меньше возраст учеников, над образованием которых трудится воспитатель, тем больше требуется от него педагогических знаний, и это требование не возрастает, а уменьшается по мере возраста ученика. У педагогики очень широкое основание и очень узенькая верхушка: дидактика первоначального преподавания может наполнить томы; дидактика чтения лекций в университете может быть выражена в двух словах: «знай хорошо свой предмет и излагай его ясно» [1].

И Ушинский разработал «главнейшие дидактические правила первых лет учения», как он называет свое только что цитированное произведение. Здесь Ушинский дал решение следующих вопросов начального обучения: а) задачи начальной школы; б) содержание обучения; в) главнейшие особенности процесса усвоения знаний учащимися младшего школьного возраста; в) своеобразие организации и методов обучения.

Рассмотрим эти вопросы в самой краткой форме [2].

Ушинский показал огромную роль начальной школы для умственного развития человека. Тщательно изучив теорию и практику обучения, исследовав процессы умственного развития подрастающего человека, Ушинский приходит к исключительно важному выводу: начальное образование составляет фундамент, основу всего дальнейшего образования и умственного развития человека.

«Главное назначение первоначальной школы состоит в том, чтобы приучить нового ученика к отчетливости и основательности в понимании» [3]. Этот вывод Ушинского

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 180.

[2] Более подробно этот вопрос рассматривается в нашей статье «Задачи и особенности начального обучения», журн. «Начальная школа», 1943, № 11—12.

[3] К. Д. Ушинский, Предисловие к 1-му изданию «Детского мира», Собр. пед. соч., т. II, стр. 76.

тесно связан с его анализом процесса научного познания, в частности, с рассмотрением условий безошибочных суждений индуктивным путем. Педагог должен понять, насколько важно обучать так, «...чтобы в преддверии всех наук стояла беспристрастная логика...» [1].

Задача начального обучения, как бы элементарно по содержанию оно ни было, заключается в том, чтобы подвести ребенка к правильному пониманию окружающих явлений, к правильному пути познания этих явлений. Но, чтобы достигнуть отчетливого понимания, необходимо «приучить дитя по возможности долго и сильно сосредоточивать свое внимание на изучаемом предмете».

Ушинский стремится определить результаты начального обучения: «Если... ребенок в продолжение трех лет занимается, и действительно разумно занимается, каждый день от 2 до 3 часов, то он будет в состоянии: говорить связно и толково; читать плавно и с ясным пониманием того, что читает (если, конечно, читаемое ему доступно по содержанию); считать бойко в уме и на письме в пределах четырех первых правил арифметики; знать наизусть 20 или 30 стихотворений и уметь рассказывать столько же маленьких рассказов; записать толково, четко и красиво, без важных орфографических ошибок, и поставить главные знаки препинания... рисовать простые предметы, хотя по четырехугольникам; чертить карту своей комнаты, дома, улицы, города или деревни и рассказывать эту карту или читать ее, но главное — ребенок принесет с собой в школу уменье и охоту учиться, способность сосредоточивать свое внимание в продолжение довольно долгого времени и усвоить быстро то, что без привычки усваивается очень медленно. Этого совершенно достаточно для 10-ти летнего дитяти» [2].

Как по вопросу о задачах, так и о содержании обучения Ушинский дал глубокие ответы. Ему принадлежит важное положение о том, что в начальной школе основным учебным предметом является родной язык. «Дитя входит в духовную жизнь окружающих его лю-

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. 417.

[2] К. Д. Ушинский. Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 147—148.

дей единственно через посредство отечественного языка» и, наоборот, мир, окружающий дитя, отражается в нем своею духовною стороною только через посредство той же среды — отечественного языка... Изучение каждого предмета передается ребенку, усваивается им и выражается всегда в форме слова. Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета»... «Не ясно ли..., что преподавание отечественного языка в первоначальном обучении составляет предмет главный, центральный, входящий во все другие предметы и собирающий в себе их результаты и что (можно) взглянуть на наставника отечественного языка, как на руководителя всего первоначального учения и подать ему некоторые общие педагогические советы?» [1].

Ушинский подметил и показал, в чем состоит своеобразие усвоения знаний учащихся в первые годы учения. Оно происходит по преимуществу путем непосредственного наблюдения изучаемых предметов и явлений. Отсюда — основу начального обучения составляет наглядность, а «... те наставники, которые вносят прямо свои развитые воззрения в первоначальное преподавание тех или других предметов, оставляют в голове детей смутное, почти бесполезное, скоро улетучивающееся понятие об этих предметах и приготовляют верхоглядов» [2].

В организации и методах обучения, считаясь с особенностями умственного развития дитяти, нужно придерживаться правил:

а) «Чем более разнобразия в учебных занятиях и чем менее разнообразия в учащих, тем лучше для первоначального обучения» [3].

---

[1] К. Д. Ушинский. «Родное слово» (книга для учащих). Советы родителям и наставникам о первоначальном преподавании вообще и первоначальном преподавании родного языка по учебнику «Родное слово», год первый, СПб., 1864.

[2] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 189.

[3] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 145.

б) «...сделать серьезное занятие для ребенка занимательным — вот задача первоначального обучения» [1].

в) Начальное обучение должно быть по преимуществу развивающим — на материале, простом и доступном, дети должны развивать свои познавательные способности: внимание, наблюдательность, память, воображение, мышление, речь. Оно должно подводить детей и к жизни и к науке.

г) В первоначальном обучении «дети должны исполнять свои уроки в классе, под надзором и руководством учащих, которые сначала должны выучить ребенка учиться, а потом уже поручить это дело ему самому» [2].

д) «В низших классах (гимназии, следовательно, в начальных классах. — *М. Д.*) воспитатель должен преподать все или почти все предметы... Занятие одного воспитателя с одним и тем же классом должно простираться по возможности долее: три и даже четыре года» [3].

Следует отметить, что начальное обучение строится, по Ушинскому, на той же центральной дидактической идее развития познавательных сил ребенка в процессе усвсения знаний. Приведем в этой связи одно из его высказываний о методах обучения грамоте. «Я не потому предпочитаю звуковую методу, что дети по ней выучиваются скорее читать и писать; но потому, что, достигая успешно своей цели, метода эта в то же время дает самодеятельность ребенку, беспрестанно упражняет внимание, память и рассудок дитяти, и когда перед ним потом раскрывается книга, то оно уже значительно подготовлено к пониманию того, что читает, а главное, в нем не подавлен, а возбужден интерес к учению» [4]. Здесь ясно и точно выражена замечательная идея развивающего обучения.

Наконец, надо подчеркнуть требование основательности обучения. Хотя вся дидактика является теорией основательного обучения, — Ушинский формулирует и специальный тезис по этому вопросу:

---

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 145.

[2] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 147.

[3] К. Д. Ушинский, Три элемента школы. Собр. пед. соч., т. II, стр. 28.

[4] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 159.

«Основательное, ничем не пренебрегающее первоначальное обучение постепенно ускоряет свой ход; ученье, много пропускающее в начале, теряет гораздо больше времени на пополнение этих пропусков. Пусть разочтет каждый учитель-практик, сколько он в продолжение нескольких лет потеряет времени на постоянную поправку детей в уменье их держать себя за письмом; а поправки эти, именно потому, что они происходят мимоходом, не производят должного впечатления и должны быть повторяемы беспрестанно» [1].

Ушинский считает, что высокий уровень способности и одаренность русских детей не противоречит, а наоборот, сочетается с требованием основательности обучения. Нельзя без волнения читать следующие его замечательные слова: «...Посетив множество заграничных школ, я вынес твердое убеждение в большой даровитости русских детей, особенно сравнительно с маленькими немцами, и думаю, что у нас гораздо более, чем в немецкой школе, нужно заботиться о том, чтобы эта самая даровитость не выработалась в поверхностное понимание вещей; а дело выходит наоборот: у нас-то менее всего заботятся об этом» [2].

Приходится признать, что приведенные здесь высказывания К. Д. Ушинского о первоначальном обучении лишь в самом кратком виде характеризуют наследие великого педагога. Необходимо обратиться к замечательным учебным книгам Ушинского, в которых с исключительным мастерством воплощены его педагогические идеи. Это — задача специального исследования.

Итак, дидактика первоначального обучения является органической частью и дальнейшим развитием общей дидактики. Ушинский много сделал для разработки дидактики начального обучения как ветви общей дидактики.

Подведем вкратце итоги нашей работы.

Дидактика К. Д. Ушинского: а) опирается на серьезный анализ процессов сознания и умственного развития человека;

---

[1] К. Д. Ушинский, цитир. произвед., стр. 162.

[2] К. Д. Ушинский, Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, Собр. пед. соч., т. II, стр. 184.

б) является органической частью педагогической системы и рассматривает вопросы о целях обучения и их связи с целями воспитания, о сущности процесса обучения, о содержании обучения, о методах и организации обучения;

в) ведущая идея о развитии душевных сил учащегося в процессе усвоения знаний пронизывает все педагогическое учение нашего великого соотечественника и получила свое выражение при разработке всех моментов процесса обучения;

г) представляет собою новую ступень в исследовании вопросов теории и научном обосновании практики школьного обучения.

Учение Ушинского выдвинуло русскую педагогическую науку на одно из первых в мире мест.

* * *

Что же прогрессивно в дидактике Ушинского, что может быть, с пользой для дела, применено в советской школе? Для ответа на эти вопросы необходимо посмотреть на это наследство с точки зрения жизни, практики. Ведь «...точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»[1]. Какое влияние оказали на практику школьного обучения дидактические труды Ушинского? Ответ на эти вопросы мы даем в следующей главе.

---

[1] В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 116.

Глава шестая

ЗНАЧЕНИЕ ДИДАКТИКИ УШИНСКОГО ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

ОЦЕНКА ПРАКТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ДИДАКТИКИ УШИНСКОГО В РАБОТАХ ПЕДАГОГОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Дидактические труды Ушинского, как и педагогическая его система в целом, высоко оценивались прогрессивными педагогами в России. При этом главное внимание уделялось учебным книгам Ушинского и в особенности «Родному слову», которые имели самое непосредственное и самое глубокое влияние на школу. Директор Глуховского учительского института А. Белявский писал в 1887 г.: «Эта маленькая книжка составила эпоху в нашей элементарно-детской педагогической литературе. В ней так много пищи для детского ума, чувства и воображения, что, несмотря на два десятилетия, истекшие со времени появления этой прекрасной книжки, она все-таки не утратила своей прелести, своей свежести для элементарных школ. Все позднейшие подражания, переделки и усовершенствования книжки Ушинского бледнеют перед нею, как копия перед оригиналом. Миллионы детей, учившихся по этой книжке, сохранят до гробовой доски приятное воспоминание о сказочках, песенках, пословицах, стишках, вполне приноровленных к детскому возрасту; русские дети, благодаря «Родному слову», полюбят деревню, насколько возможна сознательная любовь дитяти к этим основам жизни народной и общечеловеческой» [1].

[1] А. Белявский, Исторический очерк развития элементарной школы, Глухов, 1887.

Известный русский педагог-методист Д. И. Тихомиров писал: «Ушинский, по своему неутраченному и до сих пор влиянию на школу, столько же принадлежит прошлому, сколько и настоящему и даже на достаточное еще время и нашему будущему. Ушинский не только разрешал вместе с другими (выше упоминаются Пирогов, Редкин. — *М. Д.*) основные «вопросы жизни», общие вопросы воспитания и образования, но и выяснял воспитателю-наставнику средства для воплощения идеала в действительность, дав ему, так сказать, в руки самые орудия разумного и доброго воспитывающего учения: он был в одно и то же время и педагог-ученый, научно разрабатывающий педагогические вопросы, обосновывающий свои дидактические правила на твердых основах физиологических и психологических законов, и педагог-публицист, горячо ратующий за общечеловеческие идеалы, и педагог-практик, воплотивший общие законы и правила в доступные всем советы и наставления, в материал для воспитывающего обучения» [1].

Рассказывая о пути своего личного педагогического развития, Д. И. Тихомиров отдает должное К. Д. Ушинскому. «Не могу здесь не отметить, что решающее влияние на все направление моей педагогической деятельности имели труды великого нашего учителя К. Д. Ушинского: статьи его, особенно же о «Труде», восторженно читались и перечитывались много раз, его «Родное слово» и «Детский мир» буквально выучены наизусть. «Руководство к «Родному слову» было в течение многих лет моей настольной книгой» [2].

Н. Бунаков, обозревая свой опыт преподавания в младших классах гимназии, говорит: «Как книгу для чтения я ввел «Детский мир» Ушинского, только что вышедший в свет в это время и произведший на меня большое впечатление и своим содержанием, и предисловием, которое было напечатано при первом издании» [3].

---

[1] Д. И. Тихомиров, Значение К. Д. Ушинского для народной школы, ст. в журн. «Педагогический листок», 1903, кн. 3-я, стр. 280.

[2] Д. И. Тихомиров, «Педагогический листок», 1901, кн. 6, стр. 749.

[3] Н. Бунаков, Моя жизнь. Педагогический листок, 1907, кн. 4-я, стр. 217.

«И до настоящего времени, несмотря на то, что прошло уже более тридцати лет со времени смерти Ушинского, сочинения его не утратили своего значения. По его «Родному слову» еще до сих пор масса детей обучается родному языку и, вероятно, еще долго будет обучаться по нему. Его «Человек как предмет воспитания» и до сих пор составляет настольную книгу каждого мыслящего учителя»—утверждает известный автор педагогических трудов Ельницкий [1].

П. Ф. Каптерев указывает, что «Родное слово» как «весьма талантливое произведение, в котором в основу всего первоначального обучения поставлен родной язык... распространилось не только там, куда назначал его автор, т. е. в семьях и городских школах, но и в народных школах. Экземпляров «Родное слово» в народных школах разошлось несколько миллионов. «Наш друг» барона Корфа, при всей своей видимой полезности, уже мало читается в школах и почти забыт, а «Родное слово» все еще читают в народных школах» [2].

Известный прогрессивный деятель просвещения Н. А. Корф указывает: «Родное слово» Ушинского справедливо может служить украшением русской детской литературы...» [3]. Ближайший друг и ученик Ушинского Д. Д. Семенов сказал: «Если весь славянский мир гордится Я. А. Коменским, Швейцария — Песталоцци, Германия — Дистервегом, то мы, русские не забудем, что среди нас жил и учил К. Д. Ушинский!» [4].

Эта высокая оценка педагогических трудов Ушинского отражает огромное их значение для практики русской дореволюционной школы.

Ушинский был знаменем прогрессивной части учительства. Именно это и вызывало отрицательную оценку трудов и влияния великого деятеля народного просвещения со стороны представителей реакции, а излюбленным мотивом их критики являлось обвинение Ушинского в материализме и атеизме. Указывалось,

---

[1] К. В. Ельницкий, К. Д. Ушинский. Его жизнь, деятельность и педагогические труды, СПб., 1903, стр. 18.

[2] П. Ф. Каптерев, История русской педагогии, Изд. II, 1915.

[3] Отчет члена Александровского уездного училищного совета барона Н. А. Корфа, Екатеринослав, 1868, стр. 138.

[4] Наш родной учитель (К. Д. Ушинский), биографический очерк В. Е. Ермилова, 1899, стр. 65.

например, что в «Детском мире» во II части притча «Пшеница и плевелы» взята из какого-то «круммахера», а не из божественного евангелия, или что в «Родном слове» 1-й рисунок изображает ось и только 8-й — церковь, и то не отдельно, а в селе, что лишь на последней странице азбуки помещена одна картинка — благославляющий спаситель, в то время как на предпоследней странице дано изображение филина и т. п. [1].

Конечно, реакционные силы тормозили распространение педагогических идей Ушинского. Однако среди учителей начальных школ идеи Ушинского были очень широко распространены и являлись ведущими. Объясняется это прежде всего тем, что идеи эти, глубоко прогрессивные по своему существу, были воплощены в замечательных книгах — «Детский мир» и «Родное слово», разошедшихся в огромном количестве по школам нашей Родины. В самом деле, великий педагог нашел самую верную и надежную форму широкой пропаганды своих плодотворных педагогических идей, реализовав их в учебных книгах для школьников, а также в дидактических руководствах для учителей.

Замечательная особенность педагогических трудов Ушинского заключается в том, что они дают очень много совершенно конкретных педагогических знаний и в то же время возбуждают собственное педагогическое мышление учителя: заставляют задумываться над новыми вопросами, пристальней взглянуть на свой опыт, сопоставить те или иные приемы обучения с их результатами. Труды эти развивают и укрепляют творческие устремления учителя.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИДЕИ УШИНСКОГО В ОПЫТЕ СОВЕТСКИХ УЧИТЕЛЕЙ

Советские учителя применяют в своем практическом опыте то ценное и прогрессивное, что содержится в педагогическом наследстве прошлого.

Еще в 1920 г. В. И. Ленин на III Всероссийском съезде комсомола указал, что «...надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам,

[1] А. Ф. Фролков, К. Д. Ушинский (биография), 1911, стр. 41. Речь идет об обвинениях Ушинского Филоновым.

надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма»[1].

В педагогических трудах Ушинского содержится очень много ценного, что используется советскими учителями. Значение педагогического наследства Ушинского для советской школы со всей силой раскрылось в дни всенародного чествования памяти великого русского педагога в связи с семидесятипятилетием со дня его смерти.

Учитель с многолетним стажем педагогической работы П. К. Староверов (г. Курск) указывает, что он учился в свое время по «Родному слову» Ушинского и еще в начальной школе научился наблюдать родную природу, сравнивать прочитанные рассказы с наблюдениями, ценить народные сказки и пословицы. «У нас,— говорит тов. Староверов, — возникали и расширялись привязанности к родной природе, которые потом перерастали в глубокую к ней любовь. С расширением нашего кругозора расширялось и наше понятие о том великом, что зовется Родиной. Книги Ушинского воспитывали в нас любовь к народному творчеству, к нашему яркому родному языку, а через это и любовь к народу». Тов. Староверов указывает, что большое значение Ушинского он оценил, когда стал учителем. Именно под влиянием Ушинского он хорошо понял положение о том, что воспитатель в самом себе заключает возможность успехов воспитания. Учитель действительно учит до тех пор, пока сам учится. Учителю необходимо всегда работать над собою[2].

О влиянии Ушинского говорит и творческий педагог начальных классов тов. Н. А. Митина (636-я мужская средняя школа Москвы): «Я училась в школе по «Родному слову», очень любила эту книгу. При окончании школы учитель подарил мне ее, и я этот подарок храню всю жизнь. В учительской семинарии мы изучали Ушинского. В своей работе я часто руководствовалась его идеями. Особенно на первых шагах».

Н. А. Митина и в настоящее время применяет мно-

---

[1] В. И. Ленин, Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г., Соч., т. XXX, стр. 405.

[2] П. К. Староверов, Чем дорог Ушинский нашему учителю (заметки старого педагога), газ. «Курская правда» от 3 января 1946 г.

гие дидактические идеи Ушинского. Свою работу с первым классом она начинает с того, что еще в начале августа посещает всех своих будущих учеников на дому и знакомится с окружением и с людьми, которые их воспитывали.

Об этом говорил и Ушинский: «педагог должен изучать своего воспитанника и окружающие его обстоятельства... Каждая школа должна хорошо знать среду, к которой принадлежат дети, и должна бороться с вредными влияниями этой среды, давая простор хорошим влияниям».

Начался первый урок. Малыши — застенчивы, робки, молчаливы. Педагог показывает картину: «Дети в лесу», и все ученики оживились. Мальчик Геня со слезами на ресницах в начале урока не отрывал взгляда от окна; обращения к нему ни к чему не привели, но к картине повернулся лицом и стал рассказывать, как он собирал грибы.

Маленькому школьнику доступно то, что его окружает, надо начинать с ним учебную работу с ознакомления с предметами, которые находятся перед ним. «На столе у меня, — говорит Н. А. Митина, — большая стеклянная чернильница, кубической формы, вазочка с цветами, будильник, стакан. Предлагаю взять с моего стола лишь стакан. Миша его не нашел. Когда Витя показал ему, Миша сказал, что у них дома не такой стакан. Оказалось, что дома стаканы тонкие, круглые, гладкие, бесцветные, а здесь не такой. Рассматриваем стакан в классе. Что это? — Стакан. Из чего сделан? — Из стекла, он стеклянный. Для чего нужен стакан? — Из него пьют, — сказал Женя. — А мама песню поет про стакан: «Стаканчики граненые упали со стола...», — говорит другой мальчик. Ищем грани — дети устанавливают, что это то место, где полоски стенок сходятся. Находят грани у пенала, у кубика. Показываю маленький стакан. Дети сравнивают, сопоставляют: один — большой стакан, другой — маленький. Из большого пьют чай, кофе, какао, молоко, из маленького — лекарство, добавляют: «вино пьют гости». Делаем вывод: стакан — посуда. Показываю маленький стаканчик с ручкой. Дети сравнивают с первыми стаканами, находят сходство и различие. Добавляют: этот с ручкой. «Это кружечка, — замечает один, — из нее тоже пьют,

она—посуда».—«Кружечкой удобно черпать и удобно держать», — объясняет мальчик [1].

Как ни просты эти виды занятий детей, — нельзя недооценивать их значения. Дети с первых уроков вовлекаются в активную работу, учатся рассматривать предметы и выражать в словах свои крайне несложные еще наблюдения.

Н. А. Митина, как и все учителя наших школ, придает большое значение умственной работе школьников в добукварный период. А ведь эта идея выдвинута была Ушинским.

Некоторые учителя преимущественно разрабатывают какую-либо одну из дидактических идей Ушинского. Так, например, Н. И. Блонская (Москва) систематически работает над логическими упражнениями учащихся. Она ввела в первых и вторых классах в качестве необходимого элемента учебной работы логические упражнения учащихся по темам: игрушки и учебные вещи; цветы и листья; деревья хвойные и лиственные; грибы и ягоды, овощи и фрукты, злаки и овощи и т. д. Из своего опыта Н. И. Блонская извлекла ценные выводы [2].

Советские учителя указывают, что для их педагогической работы имели большое значение идеи Ушинского о наглядности обучения, о развитии мышления и речи учащихся в связи с их наблюдениями, о сознательности чтения, о воспитании внимания учащихся, о приучении их к самостоятельному умственному труду и многие другие.

Новые поколения советских учителей изучали и изучают педагогические идеи Ушинского в процессе подготовки в педагогических училищах и педагогических институтах в курсе истории педагогики. Значение изучения трудов Ушинского для советских учителей указано Н. К. Крупской [3].

Следует подчеркнуть, что советские учителя не механически воспринимают дидактические идеи и советы Ушинского, а критически их осваивают, перерабатывая

---

[1] Из доклада Н. А. Митиной на научной сессии Моск. гор. ин-та усовершенствования учителей, посвященной памяти К. Д. Ушинского, состоявшейся 4—5 января 1946 г.

[2] Н. И. Блонская, Логические упражнения, журн. «Начальная школа», № 4, 1944.

[3] Н. К. Крупская. К вопросу об изучении истории педагогики, «Советская педагогика», 1940, № 20.

и развивая применительно к новым общественным условиям и к новым задачам школы.

Учителя с многолетним стажем работы, начавшие свою педагогическую деятельность еще в старой школе, особенно ясно понимают действительные источники их педагогического творчества. «Октябрьская революция — это мое второе рождение, — говорит талантливый педагог Н. М. Головин. — Только революция, работа в советской школе, общественная работа среди трудящихся сделали меня действительно народным учителем»[1]. Учительница Р. П. Смельчакова (г. Уфа) в докладе о педагогическом опыте сказала: «Руководствуюсь в своей работе словами нашего вождя товарища Сталина о выращивании и воспитании молодых кадров, строю свою работу, сравнивая детей с молодыми деревцами в питомнике и учителя с опытным садоводом»[2].

Прогрессивные идеи Ушинского оказываются в опыте советских учителей творчески переработанными и включенными в систему коммунистического воспитания подрастающего поколения. Именно в советской школе эти идеи, критически переработанные, приобрели всю плодотворную силу. Произошло это потому, что только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла народному учителю возможности педагогического творчества и создала благоприятнейшие для этого условия.

В опыте советских учителей необычайно обогатились дидактические идеи Ушинского. Учительница-орденоносец А. М. Дерябина (Молотовская область), обобщая свою работу, показывает новые педагогические возможности решения педагогических проблем в наших условиях.

Выше было показано, например, как много работал Ушинский над проблемой побуждения школьников к учению. В опыте А. М. Дерябиной и многих других учителей найдены новые приемы решения этой проблемы на путях связи обучения с строительством нового общества. Путь этот, как известно, ясно указан В. И. Лениным. А. М. Дерябина говорит: «Всю свою ра-

---

[1] Н. М. Головин, Чебаковская образцовая школа, Учпедгиз, 1933, стр. 92.

[2] Материалы первой Всебашкирской научно-педагогической конференции учителей, Уфа, Башгосиздат, 1940, стр. 252.

боту мы рассматриваем как маленькую часть общенародного дела. Читаем ли мы газету, готовимся ли к сдаче норм на значок БГСО, заботимся ли о чистоте тетради, — во всем видим связь нашей деятельности с великой стройкой коммунизма. Когда дети начинают в своих поступках руководствоваться общенародными мотивами, работа наша приобретает возвышенный характер... Чувство ответственности, возникающее у ребят из понимания связи их учебы с общенародным движением, из желания служить делу борьбы за светлое будущее, является самым мощным средством сознательности и прочности усвоения знаний... Мы поступаем так, как учат нас Ленин и Сталин: каждый шаг своей жизни, своего труда связываем с великими задачами строительства коммунизма» [1].

Ушинский, много сделал для разработки вопроса о развитии мышления учащихся в процессе обучения. Не подлежит сомнению огромная роль педагогического наследства Ушинского для советских учителей в этом вопросе. Можно без преувеличения сказать, что только в советской школе идеи Ушинского и получили серьезное и широкое применение. При этом в опыте творчески работающих учителей найдено столь много новых путей решения этой проблемы, что советская дидактика, обобщая этот опыт и пользуясь результатами исследований советских психологов, создала основы научного решения вопроса в развитии мышления учащихся в процессе обучения. Это решение, опирающееся на диалектико-материалистическое понимание процессов человеческого мышления, открывает новую подлинно научную страницу в развитии дидактики.

Советские учителя Н. М. Головин (Ярославская обл.), А. М. Дерябина (Молотовская обл.), А. И. Воскресенская, М. Н. Покровская, Ю. О. Гурвиц, И. И. Савостьянов (Москва), М. Я. Морозова, Б. К. Добронравов, Э. М. Гуревич (Ленинград), Я. Н. Цлаф (г. Куйбышев) и многие другие в опубликованных работах, отражающих их творческий опыт, дают исключительно ценный

---

[1] А. М. Дерябина, Как я добиваюсь прочных знаний учащихся. Кн.: Методы повышения успеваемости в школе, Труды первой всероссийской научно-педагогической конференции учителей, Учпедгиз, 1940, стр. 69.

материал решения рассматриваемой проблемы [1].

Советская дидактика, обобщая творческий опыт учителей, на новом уровне и в новых условиях решает вопросы обучения подрастающего поколения. И тем не менее дидактическое наследство Ушинского не утратило своего значения.

Дидактические труды Ушинского обладают замечательной способностью воздействия на педагогическую концепцию каждого учителя: они учат: «...почерпать в самой природе человека средства воспитательного влияния» [2]. Ушинский прекрасно понимал, что: «Наставническая и воспитательная деятельность может быть более чем какая-нибудь другая нуждается в постоянном одушевлении...» [3]. И труды Ушинского являются прекрасным средством воодушевления учителей.

Итак, в практическом опыте передовых учителей школ в дореволюционной России и в наше время многие дидактические идеи Ушинского нашли себе ярых поборников.

ОЦЕНКА ДИДАКТИКИ УШИНСКОГО И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ НАД НЕЮ

Выше, в заключении предшествующей главы (V) было доказано, что Ушинский разработал, хотя и не успел окончательно оформить, систему дидактики, содержащую главные правила успешного и плодотворного обучения.

Дидактическая система Ушинского опирается на глубокий анализ процессов психической деятельности

---

[1] Опыт педагогической работы передовых учителей отражен в многочисленных сборниках, статьях, монографиях. Приведем лишь некоторые:

а) Методы повышения успеваемости в школе. Труды первой научно-педагогической конференции РСФСР, Учпедгиз, 1940

б) Труды первой научно-практической конференции учителей области, Л., 1940.

в) Вопросы обучения в советской школе. Материалы первой научно-исследовательской конференции учителей Ленинградской области, Л., 1940.

г) Идейно-политическое воспитание учащихся в школах Москвы и Ленинграда, Учпедгиз, 1947. Кроме того, имеется огромное количество местных изданий.

[2] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, стр. XXII.

[3] К. Д. Ушинский, О пользе педагогической литературы, Собр. пед. соч., т. I, стр. 15.

школьников, который выполнен им самостоятельным путем и привел к чрезвычайно важным выводам. Главнейшим из них является вывод о том, что сознание человека развивается в процессе деятельности и представляет собою, при всех своих многообразных проявлениях, единый процесс деятельности души.

Дидактическая система Ушинского отражает правильное, в основном, направление его исканий и исследований в области теории познания, а многие выводы этих исследований явно материалистического характера явились основой его дидактики. Наиболее яркое выражение эти выводы нашли в разработке вопроса об усвоении знаний в начальном обучении на основе собственных наблюдений ребенка.

В разработке дидактики, как и всей педагогической теории в целом, Ушинский шел самостоятельным путем, в полном соответствии с его принципом народности воспитания и обучения. При этом в его дидактике не обойден, а наоборот, широко использован многовековой опыт школьного обучения и сложившиеся системы дидактики — Локка, Руссо, Песталоцци, Гербарта, Бенеке — были глубоко изучены Ушинским. Передовой педагогический опыт учителей — современников школ отечественных и заграничных, явился серьезным источником его исследований в педагогике.

Ушинский вдумчиво относился к педагогическим теориям прошлого и брал из них только прогрессивное, ценное. При этом он резко критиковал все необоснованное, антинаучное, реакционное.

В период, когда царское правительство в решении вопросов народного образования обращалось к педагогическим источникам Пруссии, Ушинский смело и обоснованно критиковал немецкую педагогику. В ней он видел и проявление националистической ограниченности немцев, их теоретическую самонадеянность, и склонность к схематизации и резонерству. «Стоит только беспристрастному читателю другой нации прочесть три-четыре немецкие педагогики, чтобы убедиться, что идеал человека, воспитание которого в них разрабатывается, немецкий ecce homo — совершеннейший немец». Немецкая педагогика, хотя и говорит о развитии самостоятельности детей, в действительности убивает в ребенке всякую возможность самостоятельного развития.

Детям вдалбливаются такие понятия, которые недоступны им. «Развитие это было преждевременно вызвано сообщением идей учителя ученику, а не самостоятельной работой над фактами, и потому редко приносит желаемый плод. Зародыши образов и будущих идей рано и насильственно раскрываются в душе ребенка и теряют силу развития, которая заменяется каким-то туманным призраком. Это все равно, что раскрывать руками зарождающиеся почки цветов» [1]. Особенно сильно сказывалась реакционность немецкой педагогики в вопросе о женском образовании. И свою статью, посвященную рассмотрению этого вопроса, Ушинский озаглавил: «Одна из темных сторон германского воспитания».

Ушинский обоснованно и горячо доказывал, какой большой вред может принести германская педагогика, будучи перенесенной в Россию. «Пусть Германия, как знает, сама разделывается с своей хитро обдуманной педагогикой, если она уже отслужила ей свою службу: нам не нужны ни ее болезни, ни ее лекарства», — утверждает Ушинский [2].

Система дидактики Ушинского составляет крупнейший этап в развитии русской и мировой дидактики и по своему внутреннему содержанию является глубоко прогрессивной.

Выступая на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования 30 января 1941 г., М. И. Калинин сказал: «...я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, это — настоящие педагогические идеи. Мало того: я считаю, что они только в нашем социалистическом обществе и могут быть полностью осуществлены» [3].

Наиболее глубоко и обоснованно разработана Ушинским коренная проблема дидактики — о сущности процесса обучения, его логических и психологических основах. Именно в этом вопросе Ушинский дал много

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. I, стр. 85—86. Вопрос о критике немецкой педагогики в трудах Ушинского разработан в статье действит. члена АПН Е. Н. Медынского, Критика немецкой педагогики в трудах русских педагогов, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», вып. 5, 1946.

[2] Там же, стр. 88.

[3] «Учительская газета» от 28 февраля 1941 г.

нового, научного, прогрессивного. Рассмотрение процесса учения школьника как его собственной познавательной деятельности, руководимой учителем, привело Ушинского к важным дидактическим выводам теоретического и практического характера.

Прежде всего стало ясным сходство и различие процессов обучения и научного познания: и в том и в другом процессе познается окружающая действительность, но ученый находится на верху пирамидальной системы науки и, оперируя уже готовыми, ранее приобретенными научными понятиями, открывает новые, двигает науку далее; ученик же, находясь у основания этой пирамиды, должен начать с конкретных наблюдений, выработать и усвоить научные понятия, начиная с самых простейших.

Этапы последовательного овладения наукой должны быть согласованы с законами развития сознания и всей личности ребенка, что и составляет главнейшую задачу всех педагогических наук. Из этого принципиально очень важного вывода Ушинский ставит две проблемы: а) об отборе и педагогической переработке материала наук, который должен изучаться в школах; б) о разработке законов психического развития ребенка и правил обучения, благоприятствующих этому процессу развития. Для решения каждой из этих проблем Ушинский сделал очень много.

По второй из названных проблем он установил преобладающий характер различных процессов сознания в детстве, отрочестве и юности, наметив их связь с изменениями в личности развивающегося человека. Он сформулировал главные положения, определяющие существо правильно поставленного обучения: о средствах побуждения школьников к учению, о единстве процессов усвоения научных знаний и развития познавательных сил школьника, об организации и методах обучения.

Заслуга Ушинского в вопросе о средствах побуждения школьников к учению заключается в том, что он эти средства нашел в природе самого процесса обучения, при правильной его постановке. Разумно организованная деятельность школьников в учении содержит в себе главные средства побуждения к ней. Исходным положением для организации этой разумной деятельности является положение о том, что ученье — умствен-

ный труд детей. При правильной организации умственной деятельности школьников такие факторы побуждения их к учению, как интерес и принуждение, заняли свое законное место.

Ушинский вносит в эту формулу конкретное содержание применительно к возрасту учащихся. Его указание к обучению во втором классе: «...если непосредственный интерес чтения должен оживлять преподавание, то никогда не должен достигать той степени, чтобы уничтожить труд учения, потому что именно труд, и труд не всегда интересный, но всегда осмысленный и полезный, есть величайший двигатель умственного и нравственного развития человека и человечества» [1] — является образцом дидактических правил и для наших дней. По глубине разработки этого вопроса и его психологического обоснования Ушинский бесспорно возвышается над всеми авторами буржуазной дидактики, и выдвинутые им положения имеют важное значение для советской дидактики и психологии.

В центральном вопросе дидактики — о процессе усвоения знаний и развитии познавательных сил учащихся Ушинский подходит к правильному решению, преодолевая одностороннее понимание этого вопроса в трудах Руссо, Спенсера, Гербарта и Бенеке. Проблема состояла в том, что́ является самым главным в обучении — вооружение учащихся знаниями или развитие их умственных сил. В связи с этим вставал вопрос о роли личного опыта ребенка в обучении и «готовых знаний», преподносимых учителем.

Ушинский в своей дидактике дает ясный ответ на эти вопросы. Учение детей — усвоение научных знаний, т. е. активная познавательная деятельность детей, направляемая педагогом. Основой этого процесса является собственный опыт ребенка и его наблюдения. Отправляясь от этих основ последовательными ступенями, учащийся овладевает наукой в ее системе. Развитие познавательных сил ребенка и происходит наилучшим образом в процессе усвоения знаний. Личный опыт ребенка и его наблюдения окружающей жизни заняли свое место в обучении, и этим положением теория обучения Ушинского выгодно отличается от теории Гер-

[1] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 183.

барта. Школьник, руководимый педагогом, от обобщения своего личного опыта и логической обработки своих наблюдений подводится к овладению системой научных знаний, к науке. При этом наука, над активным усвоением которой систематически трудится школьник, органически входит в его сознание и составляет его действительное духовное достояние[1]. Это положение — есть то новое, ценное, что отличает дидактику Ушинского от дидактики Руссо и Песталоцци.

Не ясно ли, что усвоение научных знаний и развитие познавательных способностей ребенка становятся у Ушинского лишь различными сторонами одного и того же процесса — учения школьника. Тем самым оказалось разрешенным в основных, разумеется, чертах то противоречие, которое составляло камень преткновения для многих дидактических систем.

Правильный подход к пониманию сущности процесса обучения позволил Ушинскому дать исключительно плодотворную и обоснованную трактовку вопроса об организации и методах обучения, в особенности начального. Наблюдения школьников, осознание ими собственного опыта, активное восприятие рассказов и объяснений учителя, осознание воспринятого материала и его логическая обработка, построение выводов, обобщений, понятий и выражение их в словах, заучивание, упражнения и повторение учебного материала — приобретают свое ясное выражение и взаимодействие в обучении. Конкретно разработав систему дидактических правил, мер и советов, Ушинский правильно оценивает их роль в обучении и предупреждает против дидактического догматизма. Ушинский доказывает всю важность осознанного применения дидактических правил с учетом конкретных условий работы в классе.

В трактовке всех дидактических вопросов Ушинский исходит из глубоких психологических оснований и является педагогом-новатором. Даже в таком вопросе, по которому были, казалось бы, неоспоримые классические высказывания — о недостатках способностей к учению у тех или иных школьников, Ушинский нашел

---

[1] Ушинскому принадлежит замечательная формула: при активном внимании «...сознательное знание, одно только плодовитое, может перейти к способности ученика», Собр. пед. соч., т. II, стр. 55.

прогрессивное решение. И до него, и при нем, и после него, вплоть до наших дней приводились безапелляционно утверждения о недостатках у школьников способностей к учению. Особенно изощрялись в этом направлении адепты педологических концепций и различного рода реакционных психологических теорий, признавая неспособность детей к учению чем-то объективным, врожденным, неизменным.

Бессмертная заслуга Ушинского заключается в том, что к вопросу о недостатках способностей у детей к учению он подошел научно, раскрыл действительные причины этого явления и указал педагогические средства его преодоления. «Недостаток способностей в ученике есть, по большей части, не более, как неуменье быть внимательным, а в этом неуменьи более всего виновата школа; потому что уменье не родится с человеком (детское внимание всегда — мгновенно), а приобретается навыком» [1]. Если припомнить, что факторы развития внимания школьников заключены в правильной постановке обучения, не трудно заключить о главном тезисе Ушинского: неспособность детей к учению может и должна быть преодолена «по большей части» в процессе обучения.

Ушинский внес много нового в разработку вопроса о развитии мышления и речи учащихся в процессе усвоения знаний. Главнейшие положения его в этом вопросе — о роли наблюдений и логической обработки материала восприятий для развития мышления, о тесной связи и неотделимости процессов развития мышления и речи, о важной роли преподавания родного языка в школе — входят как ценные элементы в фонд дидактики.

Ценное в дидактике Ушинского находится в теснейшей связи с его гносеологическими взглядами, в которых ярко выражены материалистические черты. В самом деле, тезис Ушинского о том, что способность «...видеть предметы в их действительности, всесторонне, со всеми отношениями, в которые они поставлены», составляет отличительный признак великих умов [2] — со-

---

[1] К. Д. Ушинский, Собр. пед. соч., т. II, стр. 55.

[2] К. Д. Ушинский, Руководство к преподаванию по «Родному слову», Избр. пед. соч., т. II, стр. 156.

звучен марксистско-ленинскому положению о необходимости изучения явлений в их связях и взаимоотношениях.

Вывод может быть только один: Ушинский разработал глубоко прогрессивную, оригинальную, серьезно обоснованную для своего времени систему общей дидактики. Им же разработана и дидактика начального обучения. Дидактика Ушинского в своих прогрессивных положениях сохранила ценность и для советской школы. «Ушинский принадлежит не только прошлому. Он продолжает жить и в нашей современности», — совершенно правильно сказал академик В. П. Потемкин [1].

Отдавая должное великому русскому педагогу в создании глубоко прогрессивной системы дидактики, нельзя не видеть, что эта система явилась подступом к созданию научной теории обучения и образования подрастающих поколений, разработанной советскими педагогами на основе марксистско-ленинского учения и осуществляемой в советской школе.

Дидактика Ушинского разработана не во всех частях.

В исследовании основной проблемы о процессе усвоения знаний учащимися Ушинский оставил неразрешенным вопрос о критерии истинности знаний и научности обучения.

Ушинский высказал ценные положения о воспитывающем характере обучения, среди которых заслуживает внимания тезис о «построении миросозерцания учащихся». Однако вопрос о воспитании научного мировоззрения подрастающего поколения далеко не решен еще в трудах Ушинского. Наряду с воспитанием мировоззрения учащихся на основе положительных знаний, он говорит и о воспитании идеалистическо-религиозного мировоззрения.

Объясняется это непоследовательностью и противоречивостью мировоззрения самого Ушинского.

Наиболее последовательно и конкретно оказалась разрешенной дидактика первоначального обучения. В общей дидактике многие вопросы лишь только намечены.

---

[1] В. П. Потемкин, акад., К. Д. Ушинский — великий русский педагог. «Советская педагогика», 1945, № 12.

В отдельных случаях имеется непоследовательное решение вопросов. Так, например, различение двух видов учения: а) «пассивного посредством преподавания», б) «активного посредством собственного опыта», приведенное в программе по педагогике, не согласуется с общей концепцией Ушинского о сущности процесса обучения. В дидактике первоначального обучения Ушинский снял это различение. Вероятно, и при окончательной разработке общей дидактики он перестроил бы этот тезис, но прямых его указаний об этом пока еще не найдено и не опубликовано. В общей дидактике, в трактовке методов обучения Ушинский не реализовал (судя по программе) свои основные идеи о процессе обучения (наличие догматического метода и отсутствие метода наблюдений, неправомерная классификация методов и приемов обучения).

Имеются вопросы, по которым Ушинский дает неправильное решение. Так, например, утверждение его о том, что умственное напряжение не дает результатов познавательной деятельности и только предварительная логическая обработка материала сознания приводит к правильным представлениям и понятиям, не является правильным. В действительности, и в познавательных процессах велика роль умственного напряжения. Логическая обработка материала, в сущности, не отделима от умственного напряжения. Только в условиях умственного напряжения логическая работа мысли завершается положительным результатом, качественно отличным от исходных материалов сознания. Именно поэтому советские психологи считают очень важной в познании и обучении роль сознательной установки, мобилизующей активное мышление учащихся. В этом вопросе сказалась непоследовательность Ушинского и непреодоленное им влияние метафизических философских систем.

Ушинский неправильно решает отдельные конкретные дидактические вопросы. Так, например, стремление сосредоточить на уроке всю учебную работу школьников, отказавшись от домашних занятий, является ошибочным у Ушинского.

Задача дальнейшей исследовательской работы над дидактикой Ушинского заключается в том, чтобы на основе последующих историко-биографических изысканий

привести в порядок рукописный фонд, относящийся к третьему тому «Педагогической антропологии». Это нужно для того, чтобы продолжить разработку общей дидактики Ушинского и представить ее в развернутом виде так, как она рисовалась самому автору. Наша работа является лишь начальной ступенью решения этой задачи. Далее необходимо разработать дидактику первоначального обучения по Ушинскому. «Руководство к преподаванию по «Родному слову» и содержание этой замечательной книжки является достаточно надежным материалом для этой цели.

Предстоит далее исследовать и решение в трудах Ушинского отдельных проблем обучения. Так, например, проблема развития логического мышления учащихся, по Ушинскому, заслуживает специального изучения.

Труды великого русского педагога К. Д. Ушинского не утратили своего теоретического и практического значения для советских учителей и при критическом использовании окажутся полезными в их работе. Ушинский прекрасно понимал, что он работает в значительной мере для будущего. «Ничто не искоренит в нас твердой веры в то, что придет время, хотя может быть и не скоро, когда потомки наши будут с удивлением вспоминать, как мы долго пренебрегали делом воспитания и как много страдали от этой небрежности» [1].

Мы счастливы, что живем в ту эпоху, о которой лишь мечтал Ушинский. Давно покончено с пренебрежением к делу воспитания, и многочисленнейшая армия учителей, не покладая рук, работает над воспитанием подрастающего поколения. Наша партия, правительство и лично товарищ Сталин уделяют делу воспитания исключительное внимание. Задача сейчас заключается в том, чтобы наша армия учителей шла в своей работе наиболее проверенными и наиболее успешными путями к дальнейшему улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах. Дидактика Ушинского содержит в себе много ценного материала для разработки этих путей.

---

[1] К. Д. Ушинский, Человек как предмет воспитания, т. I, стр. XIII.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ВОПРОСАМ ДИДАКТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА УШИНСКОГО

I. Труды и статьи К. Д. Ушинского

1. Ушинский К. Д., Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. I, СПб., 1868.

2. Ушинский К. Д., Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии, т. II, СПб., 1871.

3. Собрание неизданных сочинений К. Д. Ушинского. Материалы для «Педагогической антропологии», т. III, и материалы для биографии, СПб., 1908.

В книге помещены: 1) Материалы для III тома «Педагогической антропологии» с объяснительным к ним предисловием А. Н. Острогорского; 2) Отрывки из дневника К. Д. Ушинского, относящиеся к его гимназическим годам; 3) Дневник К. Д. Ушинского, относящийся к 1844—1846 гг.; 4) Лекции, прочитанные К. Д. Ушинским в Ярославском лицее; 5) Письмо К. Д. Ушинского о воспитании наследника русского престола.

4. Собрание педагогических сочинений Константина Дмитриевича Ушинского, т. I, 4-е изд., СПб., 1913.

5. Собрание педагогических сочинений Константина Дмитриевича Ушинского, т. II, доп., 2-е изд., СПб., 1913.

В приложении дано: 1) Список книг, статей и переводов К. Д. Ушинского; 2) Письма К. Д. Ушинского, появившиеся в печати после его смерти (список); 3) Список статей о К. Д. Ушинском; 4) Примечания к статьям. Редакция и приложения В. И. Чернышева.

6. Ушинский К. Д., Избранные педагогические сочинения с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского, т. I, Учпедгиз, 1939.

7. Ушинский К. Д., Избранные педагогические сочинения с вводной статьей и примечаниями В. Я. Струминского, т. II, Учпедгиз, 1939.

8. Ушинский К. Д., Избранные педагогические сочинения. Сост. проф. В. Я. Струминский. Под ред. Е. Н. Медынского и Н. Ф. Свадковского. Учпедгиз, М., 1945.

9. Ушинский К. Д., Избранные произведения, вып. I. Родной язык в начальной школе. Под ред. проф. В. Я. Струминского. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М.—Л., 1946.

10. Ушинский К. Д., Избранные произведения, вып. 2. Общие вопросы организации начальной школы. Под ред. проф. В. Я. Струминского. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М.—Л., 1946.

11. Ушинский К. Д., Избранные произведения, вып. 3. Принципиальные вопросы русской педагогики. Под ред. проф. В. Я. Струминского. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М.—Л., 1946.

12. Ушинский К. Д., Избранные произведения, вып. 4. Человек как предмет воспитания, кн. 1 и 2. Под ред. проф. В. Я. Струминского. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, М.—Л., 1946.

13. Ушинский К. Д., Собрание сочинений К. Д. Ушинского под ред. проф. А. М. Еголина, Е. Н. Медынского, В. Я. Струминского. Изд-во Академии педагогических наук РСФСР. (Собрание рассчитано на 10 томов, вышли тт. I и II).

14. Ушинский К. Д., Внимание. Психологические монографии, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CVI, отд. II (авг. и сент., 1860).

15. «Детский мир» и «Хрестоматия», книга для классного чтения, приспособленная к постепенным умственным упражнениям и наглядному знакомству с предметами природы, сост. К. Ушинский, изд. 4-е, испр. и доп., СПб., 1863.

16. Ушинский К. Д., «Родное слово», для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая после азбуки книга для чтения с прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками в тексте, 124-е изд., СПб., 1902.

17. Ушинский К. Д., «Родное слово», для детей младшего возраста. Год второй. Вторая после азбуки книга для чтения, с картинками в тексте, 129-е изд., Петроград, 1915.

18. Ушинский К. Д., Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. I, СПб., 1906.

19. Ушинский К. Д., Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания, главы I, II и III, журн. «Педагогический сборник», 1864, октябрь.

20. Ушинский Д. Д., то же название, гл. IV—VI, журн. «Педагогический сборник», 1864, ноябрь.

21. Ушинский К. Д., то же название, гл. VII, журн. «Педагогический сборник», 1865, апрель.

22. Ушинский К. Д., то же название, гл. VIII, журн. «Педагогический сборник», 1865, май.

23. Ушинский К. Д., то же название, гл. IX, журн. «Педагогический сборник», 1865, июль.

24. Ушинский К. Д., то же название, гл. X, журн. «Педагогический сборник», 1865, октябрь.

25. Ушинский К. Д., то же название, гл. XI, журн. «Педагогический сборник», 1865, ноябрь.

26. Ушинский К. Д., то же название, гл. XII, журн. «Педагогический сборник», 1865, декабрь.

27. Ушинский К. Д., то же название, гл. XIII, журн. «Педагогический сборник», 1866, январь.

28. Ушинский К. Д., то же название, гл. XIV, журн. «Педагогический сборник», 1866, февраль.

29. Ушинский К. Д., то же название. Педагогические приложения анализа памяти, журн. «Педагогический сборник», 1866, март.

30. Ушинский К. Д., Вопрос о душе в его современном состоянии. Отрывок из «Педагогической антропологии», журн. «Отечественные записки», 1866, ноябрь, кн. 1.

31. Ушинский К. Д., Рассудочный процесс. Образование понятий, журн. «Педагогический сборник», 1867, август.

32. Ушинский К. Д., Рассудочный процесс. Суждение. Умозаключение. Постижение предметов и их отношений. Постижение законов явлений. Постройка научных систем и правил для жизни и деятельности, журн. «Педагогический сборник», 1867, сентябрь.

33. Ушинский К. Д., Рассудочный процесс. Влияние внешних чувств. Влияние памяти. Влияние процесса воображения. Влияние воли. Влияние внутреннего чувства. Влияние духовных способностей человека, журн. «Педагогический сборник», 1867, сентябрь.

34. Ушинский К. Д., «Родное слово», год третий. Отдел первый — грамматический. Первоначальная практическая грамматика с хрестоматией, СПб., 1870.

35. Ушинский К. Д., Руководство к преподаванию по «Родному слову», ч. II (приложение к 1-му отделу третьего года «Родного слова», к практической грамматике), СПб., 1908.

36. Программа педагогики, составленная Ушинским для женских учебных заведений. Напечатана по рукописи в кн. «Памяти К. Д. Ушинского», СПб., 1896.

37. Из записки К. Д. Ушинского о первоначальном преподавании русского языка (по неизданным бумагам архива Смольного института). Ст. В. И. Чернышева, «Педагогический листок», 1910, № 8.

Письма К. Д. Ушинского

38. К биографии К. Д. Ушинского Выдержки из его частной переписки (25 писем Ушинского к Л. Модзалевскому), «Русская школа», 1893, № 7—8.

39. Письма К. Д. Ушинского к барону Н. А. Корфу. В кн.: М. Л. Песковский, барон Николай Александрович Корф в письмах к нему разных лиц, СПб., 1895.

40. Письма К. Д. Ушинского к М. И. Семевскому. В кн.: В. В. Тимощук, М. И. Семевский, СПб., 1896.

41. Письма К. Д. Ушинского к М. П. Леонтьевой. В кн.: З. Е. Мордвинова. Статс-дама Мария Павловна Леонтьева, СПб., 1902.

42. Письма К. Д. Ушинского к А. Старчевскому, журн. «Народная школа», 1885, № 1.

II. Литература об Ушинском и его дидактике

А. Дореволюционный период

43. Отчет члена Александровского уездного училищного совета барона Н. А. Корфа 1868 года, Екатеринослав, 1868.

44. То же, за 1869—1870 учебный год, Екатеринослав, 1870.

45. Корф Н. А., барон, Русская начальная школа. Руководство для земских гласных и учителей сельских школ. СПб, 1870.
46. Стоюнин В. Я., К. Д. Ушинский, «С.-Петербургские ведомости», 1871, № 49.
47. Чалый М., Материалы для биографии К. Д. Ушинского, журн. «Народная школа», 1874, № 4
48. Фролков А., К. Д. Ушинский (краткий биографический очерк), СПб., 1881.
49. Старчевский А., Мои воспоминания о Константине Дмитриевиче Ушинском, «Народная школа», 1885, № 1.
50. Каптерев П. Ф., Педагогика — наука или искусство?, журн. «Педагогический сборник», 1885, № 12.
51. Бунаков Н., Школьное дело. Учебный материал, проработанный на учительских съездах... в 1872—1883 годах, СПб., 1886.
52. Белявский А., Исторический очерк развития элементарной школы в биографиях замечательнейших педагогов и по уставам правительства, Глухов, 1887.
53. Островский В. и Семенов Д. Д., Русские педагогические деятели: Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и барон Н. А. Корф, М., 1887.
54. Каптерев П., Очерки по истории русской педагогики. К. Д. Ушинский, журн. «Педагогический сборник», 1888, № 2 и 3.
55. Острогорский Виктор, Педагог-идеалист, журн. «Вестник воспитания», 1891, № 1.
56. Песковский М. Л., К. Д. Ушинский. Его жизнь и педагогическая деятельность, СПб., 1892.
57. Каптерев А., Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского, «Образование», 1895, № 1.
58. Семенов Д. Д., Из пережитого (Мое знакомство с К. Д. Ушинским), «Русская школа», 1895, № 1 и 2.
59. Семенов Д. Д., Сочинения и педагогические идеи К. Д. Ушинского, «Русская школа», 1895, № 7—8.
60. Каптерев П. Ф., Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания, «Русская школа», 1895, № 12.
61. Флеров А. П., К. Д. Ушинский. По поводу воспоминания о его великих заслугах для русской педагогики, «Филологические записки», 1895, вып. 4.
62. Каптерев П. Ф., К. Д. Ушинский. По поводу 25-й годовщины его смерти, «Всемирная иллюстрация», 1896, № 1405.
63. Ермилов В., Мысли К. Д. Ушинского о воспитании, «Вестник воспитания», 1896, № 2.
64. Ельницкий К. В., Константин Дмитриевич Ушинский. Городской и сельский учитель, 1896, вып. I.
65 Семенов Д. Д., Памяти К. Д. Ушинского, «Образование», 1896, № 2
66. Ельницкий К. В., Константин Дмитриевич Ушинский. «Педагогический еженедельник», 1896, № 2.
67. Тихомиров Д. И., Значение книги «Родное слово», К. Д. Ушинского, «Педагогический листок», 1896, № 1.
68. Соколова М. М., Значение К. Д. Ушинского для нашей народной школы, «Русская школа», 1896, № 1.
69. Бунаков Н., Всемирный педагог Песталоцци и русский педагог Ушинский, «Русский начальный учитель», 1896, № 4.

70. Ельницкий К., Избранные педагогические статьи, М., 1896.

71. Фролков А. Ф., Константин Дмитриевич Ушинский (Его жизнь и значение), Владикавказ, 1896.

72. Памяти К. Д. Ушинского. По случаю 25-летия со дня кончины К. Д. Ушинского (21 декабря 1870 г. — 21 декабря 1895 г.).

В кн.: 1) Речь директора Педагогического музея, генерал-майора А. Н. Макарова. 2) Значение чествования К. Д. Ушинского, его заслуги и труды — М. Л. Песковского. 3) Ушинский об общественных и антропологических основах воспитания — П. Ф. Каптерева. 4) Голос из семьи—Е. Я. Корсаковой. 5) Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте (по личным воспоминаниям автора) — Д. Д. Семенова. 6) Педагогические идеи К. Д. Ушинского — Д. Д. Семенова. 7) Приложение к статье Д. Д. Семенова «Деятельность К. Д. Ушинского в Смольном институте» — «О программе педагогики, составленной Ушинским» (где дана и сама программа). 8) О народности в воспитании по Ушинскому — Л. Н. Модзалевского. 9) Мысли К. Д. Ушинского о воспитательно-образовательном значении родной природы и родного слова — Ю. Ю. Цветковского. 10) Значение К. Д. Ушинского для народных учителей и школ — В. Я. Абрамова и др.

73. Каптерев П. Ф., Новая русская педагогия, ее главнейшие идеи, направления и деятели, «Русская школа», 1897, № 3.

74 Острогорский А. Н., Образование и воспитание, «Педагогический сборник», 1897, № 3.

75. Демков М. И., Русская педагогика в главнейших ее представителях, М., 1898.

76. Ермилов В. Е., Наш родной учитель К. Д. Ушинский, М, 1899.

77. Каптерев П. Ф., Взгляд Ушинского на первоначальное воспитание детей, «Воспитание и обучение», 1901, № 3

78. Тихомиров Д. И., Значение К. Д. Ушинского для народной школы, «Педагогический листок», 1901.

79. Тихомиров Д. И., Автобиографический очерк, «Педагогический листок», 1901, № 6

80. Будде Е. Ф., Педагогические взгляды Ушинского и их значение, Труды и протоколы Казанского педагогического общества, 1901.

81. Рачинский С. А., Сельская школа, СПб., 1902.

82. Ельницкий К., К. Д. Ушинский. Его жизнь, деятельность и педагогические труды. СПб., 1903.

83. Каптерев П. Ф., Педагогические идеалы и взгляды К. Д. Ушинского, «Образование», 1905, № 1.

84. Чернышев В. И., Забытые труды К. Д. Ушинского, «Журнал Министерства народного просвещения» («Известия по народному образованию»), 1906, № 12.

85. Бунаков Н. Ф., Сельская школа и народная жизнь, СПб, 1906

86. Бунаков Н. Ф., Моя жизнь, «Педагогический листок», 1907, № 3, 4, 6, 7.

87. Демков М. И., К. Д. Ушинский, его жизнь и педагогические труды. В кн.: Демков, История русской педагогии, ч. III, М., 1909.

88. Острогорский В., К. Д. Ушинский. В кн.: Острогорский и Семенов, Русские педагогические деятели. М., 1909.

89. Чернышев В., К. Д. Ушинский как распространитель начального обучения, «Русский начальный учител«», 1900. № 10.

90. Чернышев Б. И., Чего желал Ушинский для нашей школы, «Русский начальный учитель», 1911, № 2.

91. Волкович В. А., Национальный воспитатель К. Д. Ушинский, СПб., 1913

92. Чехов Н. В., «Родное слово» для земских школ (Памяти К. Д. Ушинского), журн. «Народный учитель», М., 1914, № 31—32.

93. Черепнин Н. П., Педагогическая деятельность Ушинского и воспитательная реформа его в Смольном институте. В кн.: Черепнин Н. П., Императорское воспитательное общество благородных девиц (исторический очерк), т. II, Петроград, 1915.

94. Обухов М., Родоначальник современной русской педагогики К. Д. Ушинский, «Для народного учителя», 1916, № 4, стр. 5—10.

Б. Советский период

95. Калинин М. И., Речь на Всероссийском совещании руководящих работников народного образования 30 января 1941 г., журн. «Начальная школа», 1941, № 5, стр. 3.

96. Медынский Е. Н., История педагогики. Учпедгиз, 1947, Часть II, гл. X.

97. Водовозова Е. Н., На заре жизни. М.—Л., Изд. «Academia», 1934, тт. I и II, стр. 534—623.

98. Медынский Е. Н., Педагогическая система Ушинского. История русской педагогики. Учпедгиз, 1938, гл. IX, стр. 193—224.

99. Гончаров Н. К., Наглядность как дидактический принцип, журн. «Советская педагогика», 1937, № 5—6, стр. 53—64.

100. Девин П. И., Значение Ушинского в истории педагогики, журн. «Советская педагогика», 1937, № 2, стр. 93—96.

101. Мурманов Л., Великий русский педагог и его судьи, «Правда», 1937, 10 апреля.

102. Струминский В., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского, «Начальная школа», 1937, № 3, стр. 10—23.

103. Струминский В., Методика преподавания родного языка в произведениях Ушинского, журн. «Начальная школа», 1937, № 4, стр. 40—52.

104. Демещенко, Родной язык в педагогической системе Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1938, № 3, стр. 78—92.

105. Жильцов М. Д., К. Д. Ушинский о наглядности обучения, «Учительская газета», 1938, № 148, 1 ноября.

106. Жильцов М. Д., К. Д. Ушинский о запоминании учебного материала, «Учительская газета», 1938, № 156, 19 ноября.

107. Парибок П. М., Из истории русской педагогики. К. Д. Ушинский, о теории воспитания, «Учительская газета», 1933, № 73, 1 июня.

108. Каиров И. А. и др., К. Д. Ушинский. В кн.: «Педагогика», авторского коллектива, под ред. проф. И. А. Каирова, Учпедгиз, 1939

109. Струминский В. Я., Педагогическая система К. Д. Ушинского. В кн.: Избранные педагогические сочинения К. Д. Ушинского, т. I, Учпедгиз, 1939, стр. 5—38.

110. Струминский В. Я., «Родное слово» как учебная книга для начальной школы. В кн.: Избр. пед. соч. К. Д. Ушинского, т. II, Учпедгиз, 1939, стр. 440—463.

111. Струминский В. Я., Историческое значение К. Д. Ушинского в русской педагогике. В кн.: К. Д. Ушинский об учебно-воспитательной работе, Учпедгиз, 1939, стр. 3—12.

112. Казанский Н., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского (к 70-летию со дня смерти), журн. «В помощь учителю», Л., 1940, № 12, стр. 3—7.

113. Груздев П. Н., проф., и др., К. Д. Ушинский. В кн.: «Педагогика», авторского коллектива, под ред. проф. П. Н. Груздева, Учпедгиз, 1940, стр. 48—49, 276 и др.

114. Ганелин Ш. И. и Голант Е. Н., К. Д. Ушинский. В кн.: «История педагогики», Учпедгиз, 1940, стр. 271—282.

115. Константинов Н. А., проф., 1. К. Д. Ушинский. Избранные педагогические сочинения. 2. К. Д. Ушинский об учебно-воспитательной работе в школе. Рецензия, журн. «Советская педагогика», 1940, № 9, стр. 103—107.

116. Крупская Н. К., К вопросу об изучении истории педагогики, журн. «Советская педагогика», 1940, № 2, стр. 3—5.

117. Медынский Е. Н., проф., Народный русский педагог К. Д. Ушинский, Бюллетень для комсомольских газет. Пресс-бюро «Комсомольской правды», 1940, 1 февраля, № 15.

118. Пайков Д. Г., К. Д. Ушинский о методах образовательно-воспитательной работы, «Ученые записки Свердловского педагогического института», Свердловск, 1940, вып. 3, стр. 140—157.

119. Панков Н. И., Дидактические взгляды К. Д. Ушинского, «Ученые записки Куйбышевского педагогического и учительского института им. В. В. Куйбышева», Куйбышев, 1940, вып. 4, стр. 85—144.

120. Струминский В. Я., проф., Родной язык в школе (к 70-летию со дня смерти К. Д. Ушинского), журн. «Родной язык в школе», 1940, № 3, стр. 56—71.

121. Зикеев Н. В., Жизнь и деятельность К. Д. Ушинского. Диссертация, 1940 (рукопись).

122. Гмурман В., К. Д. Ушинский о развитии речи, «Учительская газета», 1941, 3 января, № 2

123. Струминский В. Я., проф., Новые материалы о К. Д. Ушинском, «Советская педагогика», 1941, № 3, стр. 62—78.

124. Чавдаров С. Х., проф., Дидактические принципы Ушинского и советская педагогика, «Учительская газета», 1941, 11 апреля.

125. Сватиков Ф. Ф., Великий русский педагог К. Д. Ушинский о народности и воспитании любви к родине, «Начальная школа», 1942, № 8, стр. 7—12.

126. Струминский В. Я., проф., «Человек как предмет воспитания» К. Д. Ушинского (к 75-летию со дня выхода в свет), журн. «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 116—122.

127. Струминский В. Я., проф., Константин Дмитриевич Ушинский (1824—1870). Из серий: «Великие люди русского народа», изд. «Молодая гвардия», 1943.

128. Казанский Н. Г., К. Д. Ушинский о развитии самостоятельности учащихся в процессе обучения. Ст. в «Ученых записках Ленинградского Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», Кыштым, 1944, т. 52, стр. 19—31.

129. Кореневский Е. И., К. Д. Ушинский о детском чтении, «Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10.

130. Медынский Е. Н., Из истории русской педагогической мысли, журн. «Советская педагогика», 1944, № 1, стр. 11—17.

131. Медынский Е. Н., Отец русской начальной школы (К. Д. Ушинский), «Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10.

132. Медынский Е. Н., Критика немецкой педагогики в трудах русских педагогов, журн. «Советская педагогика», 1944, № 11—12, стр. 36—43 и «Учительская газета», 1945, 3 января, № 2.

133. Струминский В. Я., проф., Основоположник русской педагогической науки (К. Д. Ушинский), «Учительская газета», 1944, 1 марта, № 10.

134. Чувашев И. В., К. Д. Ушинский о воспитании и первоначальном обучении детей дошкольного возраста, журн. «Дошкольное воспитание», 1944, № 8—9, стр. 33—37 и № 10, стр 31—38

135. Груздев П. Н., проф, Русские педагогические журналы до революции и некоторые вопросы современной школы, журн. «Советская педагогика», 1945, № 7, стр. 9—19. (Сравнительно подробно освещается деятельность К. Д Ушинского в журналах: «Журнал Министерства народного просвещения», «Педагогический сборник» и «Воспитание». Показано влияние Ушинского на последующее развитие педагогической журналистики.)

136. Константинов Н. А., проф., действ. чл. АПН, Ушинский и Московский университет (к 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского), «Учительская газета», 1945, 10 октября, № 42.

137. Медынский Е. Н., Великий русский педагог К. Д. Ушинский (стенограмма лекции действ. чл. АПН Е. Н. Медынского, прочитанной 11 ноября 1944 г. в Круглом зале Дома Союзов, в Москве), М., 1945.

138. Скаткин М. Н., К. Д. Ушинский об изучении природы, журн. «Начальная школа», 1945, № 6, стр. 24—28.

139. Арямов И. А., проф., Материалистические черты «Фактической теории» К. Д. Ушинского и его психолого-педагогическое учение, журн. «Советская педагогика», 1945, № 9, стр. 1—10.

140. Проф. П. Н. Шимбирев. Великий русский педагог К. Д. Ушинский. Тезисы для докладчиков. Изд. Молотовского обл. Института усовершенствования учителей, 1945.

141. Струминский В. Я., проф., К. Д. Ушинский и начальная школа, журн. «Начальная школа», 1945, № 9, стр. 35—42.

142. Значение педагогического наследства для советского учительства, журн. «Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 1—3.

143. Есипов Б. П., Личность К. Д. Ушинского, журн. «Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 4—9.

144. Робинсон М. Ф., «Родное слово» К. Д. Ушинского, журн. «Начальная школа», 1945, № 10—11, стр. 9—13.
145. Потемкин В. П., К. Д. Ушинский — великий русский педагог. (Речь президента Академии педагогических наук РСФСР В. П. Потемкина на торжественном заседании, посвященном 75-летию со дня смерти К. Д. Ушинского.), журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 7—11.
146. Медынский Е. Н., действ. чл. АПН РСФСР, Великий русский педагог К. Д. Ушинский, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 11—22.
147. Гончаров Н. К., Материалистические черты в педагогической системе К. Д. Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 23—39.
148. Данилов М. А., Дидактика К. Д. Ушинского, «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 40—51.
149. Петрова Е. Н., проф., О некоторых принципах преподавания русского языка в системе Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 52—67.
150. Ганелин Ш. И., проф., Ушинский и средняя школа, журн «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 68—76.
151. Струминский В. Я., проф., О журнально-литературной деятельности К. Д. Ушинского в 1852—1856 гг., журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр 83—97.
152. Ананьев Б. Г., чл.-корр. АПН РСФСР, Ушинский — великий русский психолог, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр 98—111.
153. Зикеев Н. В., Основные вехи жизни и деятельности К. Д. Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 115—118.
154. Зиневич Н. А. и Мензорова А. Г, Литература о К. Д. Ушинском, журн. «Советская педагогика», 1945, № 12, стр. 119—125.
155. Есипов Б. П. и Гончаров Н. К., Педагогические идеи и педагогическая деятельность К. Д. Ушинского, «Педагогика», учебник для педагог. училищ, изд. 3-е, Учпедгиз, 1946, стр 459—470.
156. Корнилов К. Н., К. Д. Ушинский как психолог «Ученые записки Мос. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXIII, 1946.
157. Шабаева М. Ф., Идея народности в педагогике Ушинского, там же.
158. Галанов И. Р., Родной язык в педагогической системе К. Д. Ушинского, там же.
159. Жильцов М. Д., К. Д. Ушинский о значении и средствах прочного запоминания учащимися учебного материала, журн. «Советская педагогика», 1946, № 1—2.
160. Константинов Н. А., Народность как основа педагогической системы К. Д. Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1946, № 4—5.
161. Менчинская Н. А., Вопросы мышления в работах К. Д. Ушинского, журн. «Начальная школа», 1945, № 12.
162. Струминский В. Я., проф., чл.-корр. АПН, Архив К. Д. Ушинского, журн. «Советская педагогика», 1946, № 12.

163. Струминский В. Я., Проблемы народности воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского, «Известия Академии педагогических наук РСФСР», т. 5, 1946.

164. Иванов С. В., К. Д. Ушинский об уроке и условиях успешного обучения, «Труды Воронежского государственного университета», т. XIV, вып. 2.

165. Полянская К. И., Документальные материалы о К. Д. Ушинском в Центральном гос. историч. архиве в Ленинграде, журн. «Советская педагогика», 1947, № 3.

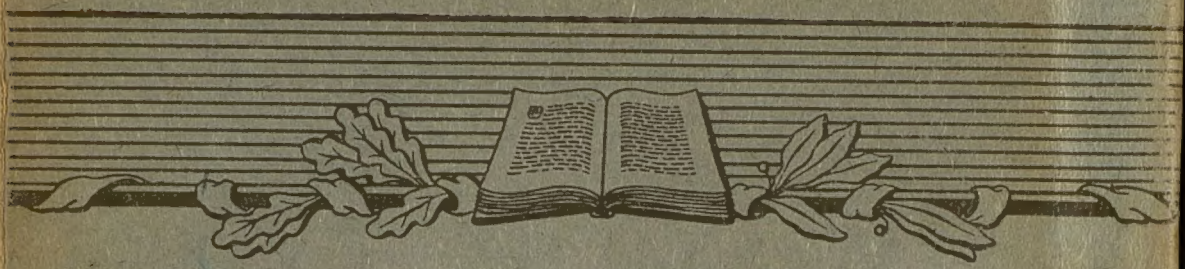
166. Гончаров Н. К., Основы педагогики. Учпедгиз, 1948. Материалистические черты педагогической системы К. Д. Ушинского (стр. 161—186).

167. Лордкипанидзе Д. О., Педагогическое учение Ушинского. Академия педагогических наук РСФСР. Тбилиси, 1948.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор *И. Г. Розанов* Техн. редактор *В. П. Гарнек*

А082300 Подп. к печати 7/IX-1948 г. Уч-изд. л. 9,41
Печ. л. 10¾ + вклейка ⅛ Форм. 84×108. Цена 5 р.
Зак. 104. Тир. 25.000

Типография Изд-ва АПН. Лобковский пер., 5/16.

5 руб.